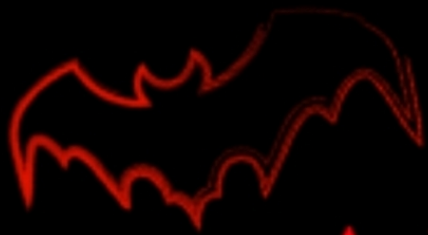
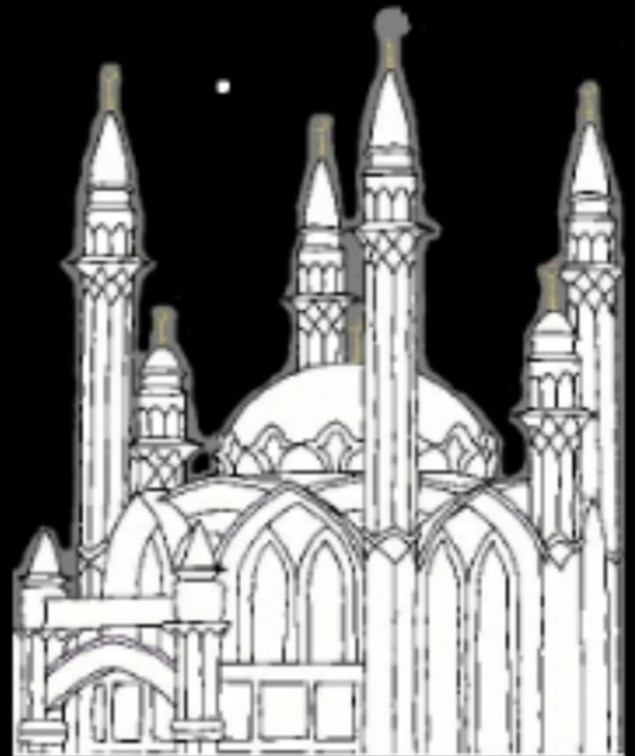

Юрий Селивёрстов

АЛЛЕГРО С ДЬЯВОЛОМ – II КАЗАНЬ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Юрий Селивёрстов

Аллегро с Дьяволом – II. Казань

«Автор»

2016

Селивёрстов Ю. В.

Аллегро с Дьяволом – П. Казань / Ю. В. Селивёрстов — «Автор»,
2016

Множество людей верит в Бога. Многие люди в Бога не верят, но верят в жизнь на других планетах. Иудеи, мусульмане, христиане столетиями убивают друг друга, по сути, являясь единоверцами, ведь верят они в одного единого Бога. И Дьявол на всех один. Аркадий - спортсмен, музыкант и немного художник. В Афганистане он прошёл через ад, дав там волю и своим бесам. Потом долгий и непростой путь к мирной жизни. Однажды, когда семейная жизнь с молодой женой стала приобретать реальные очертания, друг втянет его в историю, в которой придётся столкнуться и с инопланетянами, и с нечистью, чтобы получить своё искупление. Содержит нецензурную брань.

© Селивёрстов Ю. В., 2016

© Автор, 2016

Содержание

Вступление. Кухня, рюмка, разговоры	6
Часть первая	11
Глава 1. Афган	11
1	11
2	20
3	48
4	52
Глава 2. Анастасия	67
1	67
2	72
3	73
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Юрий Селивёрстов

Аллегро с Дьяволом – II. Казань

*Чистоту, простоту мы у древних берем,
Саги, сказки – из прошлого тащим, —
Потому, что добро остается добром —
В прошлом, будущем и настоящем!
В.С. Высоцкий*

Вступление. Кухня, рюмка, разговоры

Март 2005 года, Казань

В одной из одноподъездных четырнадцатизэтажек, что стоят на проспекте Ибрагимова напротив бассейна Оргсинтеза – в той самой, в которой находится отделение Сбербанка, на кухне восьмого этажа выпивали двое мужчин, двое бывших десантников.

На кухне имелся белый кухонный гарнитур, стоявший вдоль правой стены, то ли чешский, то ли польский, купленный еще во времена Союза лет 25 назад, но при этом довольно неплохо сохранившийся. Кухня была узкой и вытянутой как пенал, вдоль левой стены рядом с кухонным столом стоял старый диван. Мужчины сидели за большим, когда-то круглым столом, над которым низко, даже, пожалуй, слишком низко висел темно-зеленый абажур с бахромой. Этот абажур был свадебным подарком, который семья молодого лейтенанта, отца Аркадия, когда-то давно получила от бабушки невесты. С тех пор он вслед за владельцами сменил не один десяток казенных квартир, а также был вынужден переехать из зала в кухню. Наверное он не очень соответствовал моде, но Аркадий любил то неповторимое чувство уюта, которое создавал по вечерам его зеленый полумрак. Он даже убрал из кухни маленький телевизор, потому что тот конкурировал с абажуром и подавлял таинство, создаваемое им. Для усиления этого таинственного полумрака в абажуре специально стояла слабая, в 60 ватт, лампочка. Аркадий пробовал вставить лампочку в 40 ватт, но матушка жаловалась, что ей темно.

Матушка... Аркадий говорил про нее только так, хотя и не обращался к ней так никогда. Это по ее настоятельному требованию был подпилен примыкавший к стене край стола, так как ей было тесно протискиваться между столом и гарнитуром. Большой круглый массивный стол также переехал в кухню из зала. Она категорически возражала против покупки нового, небольшого кухонного стола.

– Зачем зря деньги тратить, когда достаточно просто подпилить старый? – спрашивала она и добавляла: – Если бы ты знал, сколько воспоминаний связано с этим столом.

И лукаво улыбалась. Впрочем, возможно, Аркадию это только казалось.

Когда-то ее мать вместе с мужем, соответственно бабушка с дедушкой Аркадия, попали «под гребенку» НКВД – во время нашумевшего «дела врачей». Да и как было не попасть хирургам-евреям? Так сложилось, что вместе с матерью попала за решетку и еще не родившаяся дочь. Она и не должна была родиться. «Врага народа» подвешивали за руки, били по животу, пока наконец «англо-американо-немецко-итальянско-японскую шпионку» не отправили в лагерь. Где вопреки всему и родилась довольно крепкая и на удивление здоровая девочка Рита. Так уж получилось, что посадили двоих: жену с мужем, и вернулись из лагерей двое: мать с дочерью. Где и в каких лагерях сгинул отец, они так и не узнали. А на пенсию Фаина Абрамовна вышла уже заслуженным хирургом РСФСР.

До сорока пяти лет матушка – Маргарита Аркадьевна – практически ничем не болела. Зато потом всевозможные болячки посыпались как из рога изобилия. Она перенесла с десятков разнообразных операций и превратилась из энергичной и деловой женщины в разбитую, вечно недовольную старуху, для которой даже поход в магазин стал проблемой. Она ожесточенно спорила с врачами, доказывая, что во всех ее бедах виновато именно НКВД, а уж никак не то, что она всю жизнь курила. Дымила безостановочно по полторы-две пачки в день в зависимости от настроения, прямо как паровоз. Свое превращение она переживала очень сильно, но слава Богу, соседи не оставляли ее без помощи. На Аркадия надежды в бытовом плане всегда было мало.

Матушка... Она и раньше была не против поворчать. А теперь уж она ворчала просто-таки постоянно, ей не нравилось абсолютно все. Ни то, как живет Аркадий, ни как одевается, ни его вечно меняющиеся подруги, ни качество продуктов, ни правительство, ни политика, проводимая им на международной арене и уж тем более внутри страны. Но самое тяжелое было то, что она всегда жаловалась на свои многочисленные болячки и ворчала, что все силы и здоровье она отдала на воспитание «неблагодарных сыновей».

Но несмотря ни на что, Аркадий, конечно же, любил мать. Впрочем, это не мешало ему при первой же возможности селиться у очередной подруги. Вот и сейчас большую часть времени он жил у своей... хм... невесты Нурии.

Почему «хм... невесты»? Конечно, они собирались осенью расписаться, но невеста и «гражданская жена», которой вот уже полтора года по сути была Нурия, вещи несколько разные.

Итак, хозяин квартиры – Аркадий, точнее, Краснов Аркадий Викторович, тридцати шести лет – был мрачным брюнетом с проседью и темно-зелеными глазами. Русский по отцу и еврей по матери. Соответственно в России он считался русским, в Израиле сошел бы за еврея. За это сидящий рядом Иван часто называл его «подпольным евреем».

Службу Аркадий проходил в Афганистане, и седая прядь с правой стороны была не единственным напоминанием об этом. Владелец крепкого торса и могучей шеи бывшего борца, с тяжелым взглядом, он производил порой довольно мрачное впечатление. Кандидат в мастера спорта по дзюдо. «КМС» – он когда-то очень гордился этим званием, доставшимся тяжким и упорным трудом, мокрым кимоно, которое после тренировок можно было выжимать. Как это было давно! Тогда он еще был юн и так любил смеяться по поводу и без. Так любил анекдоты...

Аркадий и теперь не прочь был послушать анекдоты, которые любил «травить» его друг Иван, но сам рассказывал их редко. Детей у него не было. Последние полтора года, как уже было сказано выше, они жили гражданским браком с Нурией – с Солнышком, как он ее называл. У нее были некоторые проблемы «по женской части», и для продолжения рода была необходима операция, на которую она собиралась осенью (перед самой свадьбой) лечиться в РКБ, где работал ее дядя. Они с Аркадием мечтали о ребенке, но рожать будучи только «гражданской женой» Солнышко категорически не хотела.

Представим второго. Тихий Иван Андреевич, тридцати четырех лет, был чуть более полным, чем его друг, с карими глазами, в которых легко загорался веселый огонек, любитель анекдотов, рыбы с пивом и почти примерный семьянин, любил улыбаться и делал это светло и открыто. Отец двух девчушек и муж свежее испеченного хирурга. После двух академических отпусков, связанных с рождением дочерей, Настя в тридцать лет все-таки окончила медицинский университет, хотя поступала когда-то в институт – перемены, перемены... Волосы у Ивана были русые, глаза светло-карие. Он имел заметный живот любителя пива, при этом мало пил водку – как говорится, «по праздникам». Вот и сейчас, в отличие от Аркадия, он пил пиво с копченым лещом. Копченой рыбой его снабжал время от времени его шурин, браконьер-любитель.

Иногда они ездили вместе, и Иван имел большой зуб на местного (в месте промысла) участкового за то, что тот лишил их двух мешков сазанов, которых, вполне естественно, забрал себе.

– Нет, ты понимаешь: я первый раз столько рыбы наловил, так рад был, а тут этот «Из леса на лыжах» – убить уroda готов был! – жаловался он Аркадию.

Ну а случай, произошедший прошлой весной, больше смахивал на анекдот. Ивана с шурином поймали инспектора. Это были «внештатники», рыбаки местной артели, но тем не менее уже составившие протокол на «орлов», среди бела дня «пробивающих» артелевские сети. После пятиминутных переговоров инспектора сначала помогли поставить родственникам

оставшиеся сети, потом вместе с ними отправились на берег пить их водку, а уезжая оставили им еще полмешка конфискованной «бели».

– Нормальные мужики. Плохо, конечно, браконьерить, но главная беда не в этом, и они это прекрасно понимают. Весной только пройдет икромёт – спускают воду на водохранилище. Икра тоннами по берегу весит на ветках, на камыше, просто на траве. Они говорят: «Пишем-пишем – толку ноль». Это же просто промышленное уничтожение рыбы. А все говорят: «Браконьеры виноваты!» За пару рыбешек омовцы в землю втопчут, если попадешься – штрафы, а то и срок. А этим козлам за массовое уничтожение рыбы – ничего. Классно, да? И никто этого директора, или кто там главный у них на электростанции, неважно... Важно, что за все эти тонны сгубленной икры никто его на пол рожей не кидает и по печени сапогами не бьет! Хотя и надо бы! А мужиков за пару рыбешек бьют! А все почему? Да потому, что они – начальство, а мы для них – быдло!

– Ты забыл, где живешь? Чиновники у нас что хотят, то и творят! Правящая каста, блин! Взять меня с этой «десяткой»... – привычно завел Аркадий, взявший пару месяцев назад машину, но вместо того, чтобы радоваться, не прекращавший ворчать. То ли долги, которые пришлось делать для покупки, то ли «мелкие недоделки» – сильно портили ему настроение.

– Вот стал бы я брать эту чертову «десятку», если бы не бешеный налог на иномарки? – спросил он Ивана, и сам ответил: – Ни в жизни. Да если бы не «растаможка», то за эти же деньги можно было бы взять вполне приличную иномарку.

– Надо, понимаешь, поддерживать отечественного производителя, – резонно заметил Иван. – Защита и поддержка родной автопромышленности, понимаешь.

– Да пошла она, эта промышленность, знаешь куда? – взорвался Аркадий. – Почему я, старый и бедный еврей, должен за свой счет поддерживать этот долбаный АВТОВАЗ? Государству надо? Вот оно пусть за свой ГОСУДАРСТВЕННЫЙ счет и поддерживает! А то привыкли все государственные проблемы за счет простого народа решать. Как вспомню 91 год, так кипятком ссусь. Эти суки, демократы-либералы, взяли и все вклады у стариков в копейки превратили. Уроды! Люди все жизнь горбатились, откладывали, а им оп-па и тютю, фокус-покус, вашу мать, а потом пенсии хочешь плачь, хочешь смотри, но прожить точно не хватит. ВСЕХ!!! Всех стариков единым махом в нищих превратили! Пенсионер и нищий синонимами стали. А автопром пусть вон за счет Чубайса поддерживают, тем более что там более 50% акций государственные. По всей цепочке скинут на половины тарифы за энергию, а то и совсем снимут, да налогообложение с них льготное. Как думаешь, на сколько подешевеют наши машины?

– Понятия не имею, – честно ответил доедающий леща Иван.

– И я не знаю, но думаю, процентов на 50 точно – это и будет их красная цена. Вот тогда бы и людям хорошо, стали бы недорогие машины брать, и автопром поднялся бы! – закончил, выдохнув, несколько успокоившийся Аркадий и вылил себе остатки водки в стакан.

– Давай еще раз... за ребят, третий пили конечно уже, но не грех и повторить.

– Давай, только я все, – предупредил Иван и привычно подставил кулак: пиво кончилось, а Аркадий не любил пить один и всегда «чокался», пусть даже и с кулаком.

Уже после первой рюмки Аркадий почувствовал, что скатывается в запой. Раньше, сразу после Афгана, он почти два года пил не просыхая, потом это перешло в регулярные запои. Он мог держать себя в руках и остановиться после пары рюмок, если было надо. Мог напиться до потери пульса, но, похмелившись с утра, не уходил в запой. Но регулярно раз в 3-4 месяца он возвращался в Афган – пропуском была водка. Пил он страшно, не закусывая, пил 5-7 дней только воду и водку, находясь в полудреме, а потом с неделю тяжело отходил. Пару раз казалось, что отойдет сразу на тот свет, ибо даже могучий когда-то организм кандидата в мастера спорта не выдерживал многолетней пьянки. Вот уже больше полугода, после Бесланских событий, когда он всерьез испугался за свой рассудок, у него не было запоя. Нурия, его Солнышко,

сказала, когда он первый и пока последний раз запил при ней: «Я люблю тебя и не хочу смотреть, как ты убиваешь себя. Еще один запой – и я уйду от тебя, Пастух».

Сказала так, что он понял: уйдет. Терять ее он не хотел – и терпел, полгода терпел. Сейчас Нурия, получив отпуск, уехала в Апастовский район, в деревню к бабушке. Бабушка болела и почти год лежала, вот Нурия и поехала поухаживать за ней пару недель, хотя особой нужды в этом и не было: родни в деревне хватало. Время у Аркадия было, и хоть он не хотел сознаваться себе, но неумолимо скатывался в запой. Это он позвонил сегодня Ивану и позвал «попить пива, потрепаться». Взял водку: «Ну что там бутылка на двоих?» – уговаривал он себя, хотя прекрасно понимал, что занимается самообманом и что Иван скорее всего не будет пить водку. И сейчас, допив бутылку, Аркадий понял: запой неизбежен, как мировая революция.

– Мне пора! – стал собираться «примерный семьянин». – А то время, Настя будет беспокоиться.

– Оставайся, девочек вызовем, – предложил разошедшейся Аркадий.

– Не-не... Я пошел, – заторопился Иван.

– Подкаблучник, – прокомментировал друг и добавил: – Я тебя провожу.

Иван удивленно вскинул глаза: такого за Аркадием обычно не водилось. Через секунду он понял, что провожать его будут до ближайшего магазина. Его лицо помрачнело. Ему тоже не нравились эти запои.

– А Нурик? – в безнадежной попытке удержать Аркадия от срыва спросил он.

– А что Нурик?! – взорвался было Аркадий, но ссориться не хотелось, тем более, что он сам был не прав. Уже спокойно он продолжил: – Нурия уехала на две недели. Ты зайди дней через пять. Напомни, что мне до ее приезда надо прийти в себя. Только «опохмелин» прихвати. Добро?

– Добро, – последовал ответ, и они вышли из квартиры.

Лифт не работал уже года три. Сначала просто так стоял – сломался. Потом искали деньги на новый, нашли. Потом ждали, когда придет. Потом – когда поставят. И вот наконец старый заменили на новый, но все не могли запустить.

– Тебе хорошо: спустился и все, а мне потом опять на восьмой пехом топать, – проворчал Аркадий.

– А ты не поднимайся. Ночуй на улице.

– Юморист, да?

На лестничных площадках в районе четвертого этажа, как сверху так и снизу, валялись одноразовые шприцы, было наплевано, натоптано и вообще было грязно и мерзко. Здесь, на четвертом этаже, жил бывший местный авторитет Кашей, у которого лет семь-восемь назад даже была своя бригада. Подсев на иглу, он быстро потерял и авторитет, и бригаду, и теперь жил продажей «дури».

– Надоел этот бардак, разгону, попадутся под плохое настроение, – опять начал ворчать Аркадий. Они вышли на улицу и сразу у подъезда простились.

– Не забудь заскочить через пять дней с «антипохмелином», – напомнил он.

– Обижаешь, пообещал же. Ты только давай не очень там раскочегаривайся, – предпринял последнюю, явно провальную попытку тормознуть друга Иван и, махнув рукой, направился в сторону бассейна.

Ни Иван, ни Аркадий конечно не могли знать, что Иван не зайдет за ним через пять дней, потому что через несколько минут его жизнь круто изменится. И еще через пару месяцев Иван в свою очередь изменит уже его, Аркадия, жизнь.

Ну да все по порядку... Это все потом. А сейчас, взяв пять бутылок водки, Аркадий вернулся домой.

– Нет, надо все-таки вызвать девчонок, – твердо решил он, войдя в квартиру и поставив пакет с бутылками на пол.

Он уже полез было в карман за сотовым, когда увидел, как Нурия грозит ему кулаком с висящей на стене фотографии.

– Я те дам девочек! – явственно услышал Аркадий голос своей «ненаглядной» и шарахнулся, гулко ударившись затылком об стенку.

– Бедная стена, как же ей больно, наверное, – пожалел он ее, но погладил, впрочем, не стену, а свой затылок.

Посмотрев еще раз на фото, где Нурия как ни в чем не бывало обнималась с ним, проворчал – правда, негромко:

– У... ведьма! Как была ведьмой, так ведьмой и осталась.

Потерев еще раз затылок, он направился на кухню, где поставил четыре бутылки в холодильник. Присел к столу и налил стакан водки. Это потом он будет поддерживать себя «на нужной кондиции» рюмками, а начинался запой всегда со стаканов.

Он пару минут смотрел на стакан в последней безнадежной попытке противостоять неизбежности. Выпитая с Иваном бутылка не придавала ему решимости, ведь тогда он пил просто так, а теперь готовился к запою. Какой-то частью своего сознания он отчаянно не хотел опять на несколько дней проваливаться в кошмар Афганистана, но ничего не мог с собой поделать. Решительно взяв стакан, он выпил его так же, как выпил бы яд. Хотя, возможно, яд сейчас он выпил бы охотней.

Афганистан стал ближе. Второй стакан пошел уже быстрее: так же как и первый, без закуски, он был лишь занюхан кулаком. Третий стакан Аркадий налил сначала наполовину, но прислушавшись к ощущениям, решительно долил до краев.

Странно: сразу после Афганистана пьянка помогала забыть его и более-менее спокойно уснуть – точнее, забыться, а теперь, много лет спустя, наоборот возвращала туда.

Выдохнув, он залпом осушил стакан.

Послышался шум приземляющейся «вертушки», где-то недалеко ударил автомат...

– Привет, ребята, – прошептал вернувшийся в юность Аркадий и огляделся...

Часть первая

Глава 1. Афган

*О, война – бесов пир!
Мы туда колесили с потехами,
Песни пели, снимали кино,
А когда мы обратно ехали,
Только молча смотрели в окно...
М. Андреев*

Июль 1988 года, Афганистан

1

Близился вечер, но жара не спадала. Солнце словно боялось не выполнить план – жарило вовсю, чтоб с гарантией на премию.

Наташа попробовала макароны по-флотски. «Черт, пересолила!» – выругалась она про себя.

Все у нее не слава Богу. Вчера завтрак наоборот не досолила. Сегодня в обед каша пригорела, ребята острили и плохо ели. Все из-за этого чертового сержанта Краснова, которого на высоте звали Пастухом – скромненько так и со вкусом. Вон он опять солдат бьет и называется это почему-то «работа с личным составом». А тут еще этот парень пропал.

«Как его там, Чумкин? Нет, Чуманов, его еще Чума прозвали. Ох и дернул ее черт эту косметику попросить... Господи, какая жара. Ладно хоть брезент натянули, какая-никакая тень».

На девушке было легкое светлое платье и почти белый фартук, который, казалось, пропитался пылью настолько, что уже не отстирывался несмотря на все старания. На голове была косынка, спрятавшая каштановые, коротко постриженные волосы. Подол платья был ощутимо выше колен. Муж запретил его надевать: «И так солдаты на тебя голодными волками смотрят, не стоит их дразнить лишнего». Но сегодня она его надела всем назло: и мужу, и сержанту, и солдатам – пусть смотрят!

А все-таки он красив, этот чертов сержант. Черные, густые, слегка вьющиеся волосы, темно-зеленые глаза. Накачан как античная скульптура, но не как Аполлон – помощней будет, правда и не Геракл – где-то посередине. Золотая середина. Кличка «Пастух» по должности ему, конечно, подходит, но если бы это зависело от нее, она прозвала бы его за какую-то плавность и скупость движений Котом или Львом. Хотя, нет – Лев, наверное, не очень подходит: тяжеловат. Скорее Барс. Да, именно Барс!

Наташа смотрела на раздетого по пояс, загорелого Пастуха и невольно залюбовалась. Правда, античный вид портили два небольших шрама от пулевых ранений, один справа – чуть ниже груди, второй слева – по самому краю живота.

А Львом он потом станет – лет через десять, когда заматерееет, погрузнееет... Если, конечно, вернется домой. Дай ему Бог вернуться. Дай Бог все этим ребятам домой вернуться! Дура! Хватит уже пялиться на этого сержанта. И так третий день глаз с него не сводишь! М-да... А макароны-то придется промыть еще раз.

А то, что глаза у него темно-зеленые, она только четыре дня назад и разглядела, когда он ее насиловал и они были совсем близко-близко. Да-да, именно изнасиловал в нескольких метрах от родного мужа, а тот и ухом не повел! Да!!

Наталья была женой старшего лейтенанта Малахова, командира расположившегося на высоте и стоящего тут второй месяц взвода десантников. «Хотя, какая жена, в таком случае теперь и сержанта можно называть мужем», – раздраженно подумала она.

А этот даже не посмотрит на нее. А тогда...

Наташа вновь вспомнила их короткую встречу, и краска залила ей лицо.

Сложенная из камней печка с двумя котлами и натянутым сверху брезентом стояла рядом с вагончиком, а между вагончиком и дувалом были сложены дрова. Она собиралась готовить обед. Муж, после того как они поругались с Красновым из-за снайпера, вдруг вспомнил обязанности и занимался с молодым стрелком на БТРе – пристреливали что-то там, что ли? Время от времени раздавались короткие пулеметные очереди.

Она зашла за вагончик и стала набирать дрова. Вдруг кто-то по-хозяйски положил ей руку на ягодицу, и рука тут же скользнула вперед, между ног, вторая рука уверенно легла на грудь.

– Тебе ночи мало, сумасшедший? Увидят же!! – она была уверена, что это ее муж, ну ладно-ладно – жених, лейтенант Малахов.

Он был первым и пока единственным мужчиной в ее жизни, и никто никогда не хватал ее за такие места, разве только за попу нахал какой-нибудь украдкой щипнет, но не так по хозяйски.

Ее развернули и она увидела, что это не лейтенант, а Краснов. Ее попытку закричать он прервал, закрыв рот поцелуем и продолжая нагло лапать ее. Да уже не просто лапать: задрал подол и прижав к вагончику, он решительно подхватил ее под колени. От необычности и дикости ситуации у Наташи закружилась голова, а кровь, казалось, уже вся прилила к паху.

– Что вы делаете? Так нельзя! – прошептала она.

Прошептала, а не прокричала, как должна была. В двадцати или в тридцати метрах от нее был ее муж, а ее по сути дела насиловали. И что, что она уже не сопротивлялась и не кричала, а уже обнимала сержанта? Не бревно же она в конце концов! Да и сержант, если честно, нравился ей и похоже знал об этом.

Несмотря на жару, он был приятно прохладен.

– Трусики сдвинь, – жарко и нетерпеливо шепнул он ей, и рука сама предательски послушно выполнила его просьбу.

Впрочем, Наташа все же нашла силы и вновь прошептала:

– Что вы делаете, сержант? Ах... – на этом и закончилось все ее сопротивление.

Он не вошел, а ворвался в нее, а она только крепче обняла его ногами, помогая ему. Никогда за год совместной жизни она не принимала с таким восторгом когда-то курсанта, а потом лейтенанта. Это обстоятельство почему-то еще сильнее портило ей сегодня настроение.

От необычности ситуации она кончила очень быстро и бурно; чтобы не закричать, она вцепилась в плечо сержанта зубами. Он тоже не заставил себя ждать долго. Он уже поправлял штаны, а она, прислонившись к вагончику, все не могла прийти в себя, когда загрохотала какая-то жестянка.

– Твой идет! Ты в порядке?

Она слабо кивнула.

Он поправил ей трусики, одернул и отряхнул платье.

– Не забудь дрова взять. И лицо не такое ошарашенное, а то он нас раскусит, – сказал он и, взяв автомат, что стоял прислоненный к вагончику, перепрыгнул за дувал.

«Господи, я даже не слышала, как он автомат поставил», – подумала она, как будто это имело хоть какое-то значение. Он сказал «нас», будто она была с ним заодно и заранее договорилась с ним. А попробуй теперь докажи, что не так. Не поверят ведь.

Она быстро набрала дров и вышла из-за вагончика. Малахов не подошел к кухне, а сразу нырнул в палатку лейтенанта Смирнова, и слава Богу! Наташа до вечера так и не смогла прийти в себя, и Малахов заметил несколько странное поведение жены. Она сослалась на жару и вопрос на этом закрыли.

И вот Наташа уже третий день пребывала в смятении. Она спорила сама с собой и не спускала глаз с «насильника».

«Конечно же он меня изнасиловал. Подошел сзади, схватил и воспользовался моей ошибкой!» – доказывала одна, более скромная половина. Другая ей возражала: «А когда целовала и обнимала его, тоже ошибалась?» – «А что я должна была делать? Кричать? Чтобы все сбегались и все увидели?»

Изнасиловал и точка! Да! Да! Да! И вообще он мерзкий и гадкий! Нарассказывал уже, небось, всем. Вон как солдаты на нее теперь смотрят, будто все знают. Определенно всем все уже известно. Разболтал, болтун, хвастун! И как теперь быть прикажете? И так на нее смотрят здесь как на куклу, красивую и бестолковую. И так у всех одна мысль – как бы с ней уединиться, и вот нате вам еще...

Главное, ведь она не давала никакого повода. Разве только посмотрела пару раз, может быть. Да, и в тот день, когда Пастух дрался один против двенадцати «дедов», он перехватил ее взгляд.

Наташа, как и многие женщины, любила сильных мужчин. И Наверное поэтому до беспмятства влюбилась в Малахова – стройного и сильного будущего офицера-десантника. А сержант в тот день как красиво дрался, был так разгорячен и вообще... Кажется, он что-то понял тогда, перехватив ее взгляд на себе.

А на следующий день, после randevу за вагончиком, она попросилась на базар купить себе косметики, и там пропал этот солдат, который ее охранял. Взял и пропал, она даже ничего не слышала. Вот был – и через минуту нет. А муж и сержант потом повздорили, и оба смотрели на нее так, будто это она виновата. Уже нельзя и косметики купить, что ли? Она же женщина, в конце концов. Чувственная женщина. А сержант так грубо ее взял. Мужлан, мог бы и понежнее быть, а то как медведь какой.

А сегодня и не смотрит на нее. А она ведь для него хотела накраситься, хотя, конечно, ему это знать и не следовало. Зря она уже третий день так медленно собирала дрова и ждала чего-то. Да о чем она вообще размечталась? Ты ведь почти офицерская жена, по крайней мере здесь так считают.

Господи, как все сложно!

Надо, надо было послушать маму. Родить ребеночка, заставить Малахова жениться. И была бы она мать и жена, пожила бы пока с мамой, а Малахов приехал и забрал бы их потом как миленький, и никуда бы не делся. Бы да бы, да кабы... Маму не послушала и теперь не жена, не мать, а простая... Прости Господи! И Пастух это четыре дня назад успешно подтвердил.

Да, их отношения с Сергеем после аборта как-то изменились. И она после того, как убила в себе ребенка, убив часть себя, уже смотрела и на мужа, и на жизнь более трезвыми глазами. Были розовые очки, да на аборте разбились. И Сергей стал к ней по-другому относиться – будто тяготился, что ли? А может еще раньше это произошло, как только она сказала ему про беременность, да просто она тогда не замечала, не понимала?

Настроение было окончательно испорчено, и Наташа явно переложила сахарного песка в один из больших, на десять литров, алюминиевых армейских чайников.

Пастух, он же Аркадий Краснов, отработывал рукопашку. И сейчас работал с Володей Троекуровым из Костромы по кличке Куница. Дрался Куница очень неплохо, но вот беда: уж

больно любил ноги задирасть. Любил, но не умел. Ну вот, опять он попробовал достать Пастуха ударом ноги в голову. Вот кто так бьет, спрашивается? Неправильно, медленно, раскрылся весь, положение неустойчивое. Пастух взъелся – в конце концов, сколько можно говорить? Он перехватил ногу, задрал ее, одновременно сделав подсечку. Пока Куница падал, он обозначил удар между ног. Когда тот неловко грохнулся, сильно съездил под дых и напоследок легко шмякнул по носу. Легко – это относительно, конечно: у Куницы брызнули слезы и из носа потекла тонкая струйка крови.

Пастух вообще редко бывал в хорошем настроении, а после того, как пропал Чума, просто зверствовал. Весь рядовой состав на высоте ходил с «украшениями», оставленными Пастухом во время спаррингов.

Да еще эта Наташка. В тот день до вечера явно была в легком шоке. А теперь третий день, если судить по глазам, то убить готова, то не дожидается, когда он опять ее за вагончиком прижмет. А когда прикажете? Лейтеха, конечно, целыми днями то на БТРе, то на танке ошиивается или в нарды режется с Мазутой в его палатке. Можно было бы, но во-первых, после пропажи Чумы было не до этого, кураж пропал, а во-вторых, у Аркадия возникло ощущение, что Малахов пасет его и специально самоустранился. Откуда взялось это чувство, Аркадий не знал, но привык доверять интуиции. Если слухи не врал, то Малахов был бы не прочь поймать свою гражданскую жену на измене. Вопрос: он сам что-то заподозрил о случившемся или кто-то стукнул? Лейтенанта не очень любили, но кто-нибудь мог захотеть насолить ему лично. Интересно, кто?

И куда же пропал Чума? Прошло уже три дня, и Пастух не ждал хороших вестей. Да он сразу почувствовал недоброе, как только Чуму послали сопровождать на базар Наташу.

Все эти размышления несколько мешали Аркадию, и Куница продержался дольше обычного.

– Ты что ноги все время задираешь, Брюс Ли хренов! Боевиков насмотрелся, что ли? – набросился он на не успевшего прийти в себя Куницу. – Кто тебя так бить научил?!

– Так... Это... – начал мямлить тот и, почесав затылок, выдал: – На мешках хорошо получалось.

Лучше бы он промолчал: стоявшие вокруг бойцы согнулись от хохота.

– Что вы ржете как кони? Плакать надо! – рывкнул на бойцов Пастух и, повернувшись к растерянному бойцу, добавил: – Мешки, видать, совсем тупые были. Нормальный мешок таким ударом не пробьешь.

– Значит так, ты и ты, Перец, любители ноги задирасть, вместе вкопаете вон там у ограды столб, – приказал Пастух и, пресекая возможные возражения, тут же добавил: – Не знаю, где возьмете. Вот у танка ствол спилите. Я покажу, как бить; пока не научитесь правильно бить, будете по часу перед отбоем тренироваться. И пока не научитесь, чтобы ноги выше пояса не задирали, а то я вам их сам поотрываю к черту.

Сержант осмотрел бойцов: а ведь кажется не поняли.

– Поймите, в драке, тем более в бою, нужны не эффектные, а эффективные удары. Если вы так уж любите работать ногами, то бейте между ног, а еще лучше по коленке, под чашечку. Удар короткий, увернуться трудно, сам не открываешься и равновесие не теряешь. А хорошо попадешь – мало не покажется, считай, противник хромой. Да, и научитесь, в конце-концов, правильно падать, а то как мешки с дерьмом валитесь.

В это время раздался веселый крик Агронома, который, по выражению Перца, «стоял на стреме»:

– Пастух, глянь, к нам какой-то пьяный чудик в красном халате катит.

Аркадия как ледяной водой из ведра окатило дурное предчувствие. Он подлетел к Агроному и выхватил бинокль. К высоте с юга кто-то шел. Из-за поднимающегося зыбкого марева раскаленного воздуха разглядеть кто это было невозможно. Но тем не менее было очевидно,

что человека сильно мотает. Аркадий сразу понял, что это за «пьяный чудик в красном халате». Он только очень надеялся, что ошибается, очень.

– Кок, Перец, Куница, Ерш, за мной! – схватив «калаш», он бросился к БТРу.

– Лейтеха что скажет? Без разрешения покинули расположение, – подал голос подлетевший Ерш – «дух», прибывший менее двух недель назад. На высоте он еще не знал, что если Пастух приказывал, то надо просто выполнять без вопросов и возражений.

– Заткнись! Давай на место, быстро! – последовал резкий ответ.

Больше никто вопросов не задавал. Ерш нырнул на место водителя, Куница к пулемету, остальные остались на раскаленной броне. БТР рванул к выходу из ущелья. Сердце будто сдавили ледяные тиски, но Аркадий все еще надеялся, что ошибается, и понимал, что занимается самообманом. Ерш остановил БТР в нескольких метрах от человека...

Это был Чума. Он был голый, в одних кроссовках, выглядевших издевательской насмешкой. Он был совсем голый. Голый настолько, насколько не должны быть голыми люди, да и никакое другое живое существо. Чума был без кожи, она сохранилась лишь на лице. Эту «милую шутку» моджахедов называли «красный тюльпан». Если кожу снимали мастерски, то человек жил после этого еще некоторое время, хотя выжить, конечно же, не было никаких шансов.

Аркадий слетел с практически еще движущегося БТРа.

– Кок, обезболивающее! – крикнул он.

Спасти Чуму было невозможно, но было возможно хоть как-то облегчить страдания последних минут жизни парня. Парня из его отделения.

Он успел подхватить падающего Чуму. Тот как-то виновато и жалко улыбнулся.

– Пастух, я не виноват... Я не хотел... – прошептал он и, вздрогнув, затих.

Кок опустил протянутый было шприц – он был уже бесполезен. Чума, Чуманов Николай из-под Тулы, уже не нуждался в обезболивающем – у него уже ничего не болело.

Много лет спустя, после 11 сентября, в Афганистан войдут американцы. У полевых командиров и простых афганцев из антиталибской коалиции будут брать много интервью. В этих интервью они не однажды выразят сожаление о том, что воевали с советскими войсками, а также о том, что СССР ушел из Афганистана.

Конечно, они сожалеют – сразу поверит им Аркадий. Как они не будут сожалеть? Вот только не об убитых и искалеченных советских солдатах они сожалели. А о потерянной кормушке. С уходом СССР из Афганистана закрылась огромная, казавшаяся бездонной кормушка. «Советские оккупанты» в большинстве случаев бесплатно, а иногда почти бесплатно да еще в кредит кормили, строили, поставляли технику – как военную, так и гражданскую, мирную технику, стройматериалы, лекарства и так далее, и так далее.

А дивидендами Союз получил тысячи цинковых гробов своих солдат. И ладно если в бою павших, а сколько их было замучено, порезано на куски. Как Стриж, например, останки которого подбросили на дорогу недалеко от части, в мешке. Его буквально разрезали на куски. Как Аркадий узнал уже потом, моджахеды прилагали максимум усилий, чтобы солдаты, когда их мучили, жили как можно дольше, все видели и осознавали, что с ними делают.

Во время нахождения в Афганистане советских войск из Америки, из Европы, из арабских стран через Пакистан шла помощь для борьбы с «советскими оккупантами». Шли деньги и оружие. Два потока «халявы»: один большой – с севера, из Союза, и второй поменьше – с юга, из Пакистана.

Конечно, моджахеды сожалели, как тут не сожалеть? Аркадий им верил. Советский Союз ушел, и оба потока иссякли. Халява кончилась. Как не сожалеть об этом? И слушая эти интервью, Аркадий думал, что это наверное единственный случай в богатой войнами истории, когда бойцы сопротивления сожалели о том, что «оккупанты» ушли.

Ну да это все потом, а сейчас Пастух, сидя на коленках, прижимал к себе «оккупанта» Чуму и раскачивался, словно качал ребенка. Он скрипел зубами и плакал, не замечая слез.

– Суки-и-и-и!!! – то ли зарычал, то ли завыл он, подняв голову вверх. Как волк на луну. – Суки-и-и!!

«Господи, он еще у меня прощения просит», – стучало в голове Пастуха. Он всегда очень болезненно переживал потери, особенно тех, кто был в его подчинении. Тогда к острому чувству утраты прибавлялось чувство вины: Аркадий считал, что в их смерти есть и его вина. Сколько он уже потерял ребят – сослуживцев, подчиненных? Пора бы уж вроде привыкнуть, а все никак, и сердце каждый раз болело как в первый, и ненависти, кажется, уже не хватало места внутри. Узнав в госпитале, что его группа не вернулась с очередного выхода на караван, он остро пожалел, что его не было с ними. Может, он бы заметил что-то, может, услышал бы что-то, может, сработал бы «сторож». А нет – так погиб с ними бы. Все легче...

Прозрачный, сотканный из света Николай грустно смотрел сверху на ребят, склоненных над его телом. Он никого не винил. Ни лейтенанта, ни, тем более, Пастуха. Все это было теперь таким незначительным. Да и сам виноват, конечно же, был – куда его потащило за той девчонкой в переулок?

– Пока, ребята, до встречи, – сказал он, хотя те его, конечно же, не слышали.

И душа солдата отправилась домой, в Россию – у нее было сорок дней до вознесения – чтобы проститься с Родиной.

Аккуратно положив тело Николая на кусок брезента внутри БТР, солдаты сели на «броню».

– Ерш, поехали, – сказал тихо Аркадий, повышать голос почему-то не хотелось. В ответ никакого движения.

– Ерш, поехали! – повторил он уже раздраженно.

Тишина. Пастух спрыгнул с брони, а вслед за ним и остальные. Подойдя к люку водителя, они увидели сидящего в оцепенении, с застывшими, словно стеклянными глазами Ерша.

– Ну конечно, они только дней десять назад как из учебки, из Союза вместе с Чумой пришли. И сразу такое... Офонареешь тут, – прокомментировал Кок.

– Что теперь с ним делать-то? Он так может и день просидеть, – подал голос Куница.

– Что делать, что делать. Снимать штаны и бегать! Не знаешь, что в таких случаях делают? Первый раз замужем, что ли? – заорал Пастух на Куницу и, обернувшись, схватил Ерша за грудки, встряхнул его и дал две увесистые пощечины. Ерш вздрогнул, и его затрясло. Пастух протянул фляжку с водой.

– На, хлебни! – но у Ерша не получилось – руки, да и челюсть, ходили ходуном. Аркадий сам взял фляжку в руки и, придерживая Ерша за челюсть, стал вливать ему в рот воду. Остатки воды он брызнул ему в лицо. Ерш вытерся, ему стало лучше, трясло заметно меньше.

– Вести сможешь?

В ответ Ерш что-то процокал зубами.

– Понятно. Кок, помоги. Перец, поведешь! – скомандовал Пастух.

Вытащив Ерша из БТРа, они помогли ему взобраться на броню. Он был как ватный. Неудобно сев на броне, он обнял колени и заплакал.

– Уже хорошо. Ты плачь, не стесняйся, полегчает, только с брони не слети. Перец, айда! – И БТР со скорбным грузом медленно пополз к высоте.

– Запомни, Ерш: если не хочешь однажды вернуться в часть в таком же виде – не хлопай ушами и последнюю гранату для себя оставляй. Получится прихватить кого из «духов» – хорошо, нет – и черт с ними, последняя не для них, последняя для себя. Главное, живым к ним не попасть. Понял?

Ерш смог только кивнуть в ответ.

– Это хорошо, если понял, а то Чума тоже сказал, что все понятно. А сам то ли ворон считал, то ли о бабе мечтал... Черта с два они бы его взяли тихо, если б он настороже был.

В голове у Пастуха, казалось, кипел котел, и над этим котлом мысли прыгали как караси на сковородке.

«Чума, Чума, как же они тебя взяли? Там же народу два с половиной человека-то было. Матери-то как теперь? Конюх урод, я ж говорил – не посылай «зеленого» в кишлак, не посылай! А этот долбаный кишлак с «мирными декханами» и членами НДПА надо сравнять с землей к чертовой матери! Или завтра все «красными тюльпанами» станем, и «Черный тюльпан» нас домой букетом понесет, как и положено тюльпанам – в обертке: из цинка, правда, а не из фольги. Только надо этого говнюка – «самого старшего лейтенанта» – убедить, «вертушку» ему в одно место! А для этого надо попытаться взяться за него сразу, как только Чуму увидит, тоже небось не железный, в штаны наложит».

БТР вполз на высоту, их встречали, кажется, все. Впереди с лицом, исполненным праведного гнева, стоял Конюх. Чуть сзади, ближе к остальным – встревоженный Леший. За спинами солдат Пастух увидел испуганные глаза Наташи.

– Достаньте его, – бросил Пастух через плечо, когда БТР остановился. Выглядел он абсолютно спокойно, точнее, даже отстраненно.

Те, кто знал его долго, безошибочно определили бы: это показное спокойствие – не более чем затишье перед бурей. С десяток секунд Аркадий и Малахов смотрели в глаза друг другу. И хотя Пастух не скрывал своей ненависти, Конюх прочитал в его глазах только вызов, наглый вызов. Конюх потом поймет, что значил этот взгляд Пастуха. А пока он даже не подозревал, что его можно так сильно ненавидеть. За что, собственно? Старший лейтенант завелся. Все, этот сержант перешел уже все границы, и если его сейчас не поставить на место, то он окончательно потеряет взвод. Аркадий не спеша спрыгнул с брони и подошел к лейтенанту.

– Ты что, совсем оборзел, сержант? Покинул расположение без приказа, с людьми, да еще БТР прихватил! Под трибунал захотел?! – пролаял Конюх.

– А ты лучше бы его, – кивнул Пастух спокойно в сторону ребят, достающих Чуму, – отправил бы под трибунал три дня назад. Он бы, наверное, век на тебя потом молился.

В это время брезент откинули и высота вздрогнула. Смерть в бою, ранение от пули, мины, снаряда и бог знает еще от чего там – страшно, но понятно. Понять то, что сделали с их другом, и главное, зачем – было трудно. За что простого солдата так? Эта действительно уж средневековая, бессмысленная жестокость не укладывалась в голове. Во взводе как обычно были солдаты разных призывов. В основном были прослужившие от года до полутора лет. Из молодых солдат остались теперь Ерш да Заяц. Да еще лейтенант с женой, прибывшие в Афганистан чуть больше двух месяцев назад. Почти все слышали о зверствах, которые любили творить моджахеды. Кто-то что-то слышал, кто-то что-то видел. Но своими глазами «красный тюльпан» все видели впервые. Малахов ошарашенно смотрел на покойного, когда к нему подошел Пастух.

– Это местные, однозначно, хоть и валят на неизвестно кого. Надо долбануть пару залпов за парня по кишлаку...

– Что? – заторможенно переспросил Конюх, прилагая максимум усилий, чтобы прийти в себя.

– А еще лучше – раскатать весь кишлак к чертовой матери, или завтра все рискуем такими же как Чума стать.

Пастух пристально, словно гипнотизируя, смотрел в глаза Малахова.

– Ты представляешь, что ты несешь? Чтобы я расстрелял мирный кишлак только на основании твоих подозрений и поставил крест на своей карьере такими фашистскими методами?

При этих словах Пастух чуть не разразился хохотом. Сильно все-таки Конюха пробрало, если он такое ляпнул. Карьера, значит, главное – а на парня наплевать, да и на нас всех, впрочем.

– Карьера дело хорошее, конечно, и начал ты ее хорошо! Там, на брезенте, благодарность за службу лежит, «духи» прислали. Только ты, лейтенант, не учел, что мне и всем этим ребятам жить охота. А для этого надо ударить по кишлаку. Такие вещи нельзя оставлять безнаказанно, лейтенант, иначе нам всем хана! – Аркадий уже понял, что ничего не получится.

Этот чертов карьерист и шагу не сделает без одобрения начальства. Остатки терпения висели на очень тонком волоске, натянутом как струна.

– Я не буду делать ничего, что могло бы запятнать честь советского офицера! Ясно?!

– А то, что солдат погиб, выполняя твое задание, не имеющее ничего общего с задачей взвода – это не пятнает твою честь, а, товарищ старший лейтенант?! Я же просил тебя – не посылай Чуму, молодой он еще, неопытен!!! – сорвался на крик Пастух.

– Он солдат, более того – десантник, черт побери! И прежде чем попасть в зону боевых действий, он прошел в Союзе соответствующую подготовку. Родина вручила ему оружие, чтобы он мог защитить не только себя, но и ее интересы.

– То, что он солдат, совсем не означает, что он должен вернуться домой в цинковом ящике! И вам, отец вы наш командир, право распоряжаться солдатскими жизнями дали совсем не для того, чтобы ими рисковали в угоду своей бабе, которой вдруг захотелось косметики! – прокричал Пастух, кивнув в сторону жены лейтенанта.

При этих словах Наташа вздрогнула, как будто получила пощечину, закрыла лицо руками и убежала в палатку. Малахов заметил это краем глаза, так же как и Аркадий.

– А ты, сержант, как я вижу, только с бабами и можешь воевать! – сказал Конюх, паскудно улыбнувшись.

Дзынь!! Для Аркадия эти слова стали последней каплей... Дзынь!! И лопнула ниточка терпения. И только в последний момент, когда до скулы лейтенанта оставалось совсем чуть-чуть, Аркадий все-таки разжал кулак. Идти под трибунал за причинение тяжких травм офицеру совсем не хотелось. Там ведь не докажешь, что он выродок. Посадят как за порядочного, по полной. А папашка обиженный постарается – так и сверх полной навалют. А он еще не все долги здесь закрыл, сегодня они только вот увеличились.

Удара толком никто не видел. Вот стоят, орут, и вдруг Конюх отлетает метра на два от Пастуха. Ладонь-то ладонью, а удар получился дай Бог. Развернувшись, Пастух помедлил, будто не зная что теперь делать, огляделся и быстрым шагом направился к танку. Танк он знал, мог управлять, мог стрелять. Он еще не решил, что он сделает с кишлаком. Ладно, потом разберемся.

Леший понял, что в голове у Аркадия, и сказал стоявшим рядом солдатам:

– Его нужно остановить, а то он сейчас надделает, век не расхлебает. Давайте бегом.

Они настигли его уже у танка. Еще несколько дней назад Пастух раскидал десяток солдат. Но сейчас он был слишком зол, чтобы драться вполсилы. Он не хотел никого ломать. Поэтому его довольно легко скрутили. Пара бросков, пара синяков да пара ссадин. Действительно, легко – сами не ожидали. Пастух не столько дрался, сколько рычал. Когда Аркадию его же ремнем стянули руки, а еще чьим-то ноги, Леший сказал:

– В каптерку его, пусть посидит, остынет.

Пастуха подняли и понесли.

– Идиоты! Если дать им безнаказанно убивать, завтра еще кого-нибудь убьют. Потом еще, пока всех не перережут. Отпустите меня, я их долбаный кишлак с землей сравню! – прорычал Пастух.

Его поднесли к вагончику. Точнее, к двери той половины, в которой хранилось в мешках сменное белье, за что она и называлась громко каптеркой.

– Пообещай не сопротивляться – снимем ремни, – сказал Леший.

– Да пошел ты!

– Как хочешь. И не обижайся, это в твоих же интересах. Потом остынешь, поймешь, а пока отдыхай.

Пастуха положили аккуратно на мешки и дверь закрыли. Почти сразу послышались удары, сотрясающие хилый вагончик.

– Сейчас дверь вышибет, – мрачно сказал Перец.

– Не вышибет, – спокойно возразил Леший.

– Да что там вышибать? Пара ударов и все!

– Ну, вышибет, а дальше что?

– Не знаю, – растерянно пожал плечами Перец.

– Не знаешь... Вот и он не знает. Поэтому по двери и не бьет. Сейчас пар выпустит, успокоится. А ремни-то он быстро снял. Кто вязал?

Поднявшись с земли, Малахов наблюдал за возникшей суетой. Когда она завершилась, он позвал радиста Цветочника и зашел с ним в палатку, где стояла рация. Перед входом в палатку он обвел глазами взвод и понял, что это уже не его взвод, да и не был в общем-то его никогда. Да, карьера начиналась «лучше некуда». Все из-за этого чертового сержанта.

«Я тебе устрою, паскуда. Наплачешься!» – решил Конюх и нырнул в палатку.

В вагончике, легко сняв ремни, Пастух минут пять ломал ударами кулака внутреннюю обшивку, давая выход злости.

«Это он мне так сказал, что я могу воевать только с бабами», – на тот момент у Красного уже было два ордена и три медали. – «Да этот сопляк лейтеха, не нюхавший пороха генеральский сынок, их в жизни честно не заработает. Получить может и получит, а заработать – нет!» – негодовал Аркадий, продолжая крушить внутреннюю обшивку вагончика. Попав, наконец, в металлическую стойку, так что боль резанула по мозгам, и разбив оба кулака, немного успокоился. Лизнув кровотокающий кулак, он уселся на мешки.

Когда принесли остывший ужин, он, как и большинство на высоте, не стал ужинать. Никому кусок не лез в горло. Взял только стакан чая через окно.

Было слышно, как в палатке навзрыд плакала Наташа. Она же не хотела!! Она не знала!!! И теперь все считают, что это она виновата в смерти парня. А она только косметику хотела, никто не говорил, что это опасно. Здесь на высоте почти сорок солдат, танк и три этих, как их там... БТРы. В нескольких километрах база, там стоят вертолеты, пушки, их охраняют солдаты, много солдат. И там же штаб их десантного батальона. Каждый день по бетонке туда-сюда снуют машины. Правда, поодиночке, кажется, только Кок за водой ездит да Суржик с почтой, другие не ездят. Зато почти каждый день колонны наших войск проходят. Два месяца они здесь; спокойно, говорили, тут, все горы вокруг постоянно под наблюдением вертолетов и разведчиков. Ну откуда, скажите пожалуйста, она могла знать, что вот так среди бела дня могут украсть десантника и вернуть его в таком ужасном виде? Откуда?!

Мамочка, как страшно, как стыдно! Как ей теперь из палатки выходить? Как готовить? У ребят, небось, и еда из ее рук поперек глотки станет. И Аркадий... Как он мог так сказать? Господи, мамочка, почему я тебя не послушала. Сидела бы дома. И Чума, может, был бы жив, и ребенок. Получается, что только начав самостоятельную жизнь, она уже виновата в смерти двух людей – сделала неутешительный вывод Наташа и содрогнулась от новой волны рыданий.

Господи, зачем она потащилась за Малаховым на эту войну? Романтики захотела? Жены декабристов в Сибирь за любимыми, а ты, значит, на войну? Вот и получай войну грязную, пыльную и страшную.

Наташа была не права, если ее и обвинял кто-то – то только косвенно. Что с глупой девчонки взять. Малахов должен был, обязан был предвидеть опасность. Малахов отдавал приказ. Малахов из гордости не послушал совета Пастуха. Это его считали виноватым в смерти Чумы. Все считали.

А Пастух вообще не считал Наташу виновной. И про «бабу» он сказал совсем не для того, чтобы ее обидеть. Просто так получилось, вырвалось... Он слышал, как она плакала, и ему было жаль ее. И зачем Конюх ее сюда притащил?

Уложив мешки поудобней, он лег. Уставившись в низкий потолок вагончика, он вспоминал события, произошедшие с момента его прибытия на высоту. Знакомство с ребятами, с Конюхом, как первый раз увидел Наташу. Было это всего лишь чуть больше трех недель назад...

2

Из-за гор показались две «вертушки» и прошли над высотой. С высоты за бетонкой, извилисто спускающейся в долину с гор и уходящую в направлении Кушки, наблюдали два десантника, два казанца, две противоположности. Молчаливый Кок и редко молчащий, с вечной ухмылкой и слегка блатными замашкам Перец.

– Похоже, колонна подходит, – сказал Кок прищурившись, провожая взглядом вертолеты.

– Что-то рановато сегодня, – ответил Перец, привычно повиснув на плече Кока.

Роман Потапов, он же Кок, детинушка ростом 182 см и весом за 80 кг. Как и стоящий рядом Перец, он почти до армии, как у них говорили, «мотался» – т.е., если выразаться юридическим языком, состоял в преступной подростковой группировке «56 квартал». Дисциплина у них «на точке» была жесткой как в армии. Запрещалось курить, пить «только по праздникам» и то с шестнадцати, плюс регулярно «качались» и работали с грушей – «стучали».

Вот и пошел Роман прямой дорогой в десант – в отличие от Перца, который в десант попал случайно.

Перец – Юсупов Марат – был татариним и имел ярко выраженные национальные черты лица. Они, эти самые черты, были очень подвижными и какими-то острыми. Он был в постоянном движении, как говорили про таких – «на шарнирах». А еще ему не раз говорили, что у него на лбу «тюрьма» написано. В момент призыва Перец имел рост 170 см и вес 55 кг. Он не прошел бы в десант просто по физическим данным. Да ему и предписание дали в стройбат, тем более что в армию его забрали по-быстрому, чтобы парень не загремел в тюрьму.

Советская воспитательная система была убеждена, что лучше парню, стоящему на пороге тюрьмы, дать шанс отслужить в армии. Что, в общем-то, правильно, так как даже при всех своих недостатках, как-то – дедовщина, бардак и т.д. – армия все равно давала шанс, и не малый шанс, вернувшемуся на «дембель» парню начать нормальную жизнь. После тюрьмы этот шанс многократно падал.

Марат тоже «мотался» – за группировку «Грязь», у которой с «56 кварталом» отношения были плохими, но ввиду неблизкого соседства вялотекущими.

На сборном пункте Татвоенкомата Марат провел три дня когда узнал, что «покупатель» на их команду почему-то все никак не приедет, и что с ними делать – не знают. Той же ночью он «слинял» с пункта и забухал с пацанами. Оторваться по полной ему не дали родители, выловили и доставили его на сборный пункт уже ночью. Они очень боялись, что Марат опять умудрится набедокурить и загремит-таки на зону. Он был осужден на три года условно, когда снова попал в милицию за драку. Каким-то чудом его отпустили домой, а не посадили сразу. Родители подсустились и уговорили военкома «обрить сына во солдаты».

На пятый день пребывания на распределительном пункте забытых стройбатовцев туда же с утра прибыла команда будущих десантников. В этой команде и находился Роман. Уже к вечеру за ними прибыл «покупатель». Но оказалось, что в команде людей меньше на восемь человек, чем рассчитывал «покупатель», он же прапорщик Гусев.

– И что делать будем, майор? – несколько наглово вопрошал прапорщик у замвоенкома Соловьева.

– Давай, добери из стройбатовской команды, что ли? Они уже пятый день «покупателя» ждут.

– Ну и бардак у вас тут! – усмехнулся десантник.

– Это не у нас бардак! – вспыхнул Соловьев и протянул прапорщику бумаги. – Вот ваша заявка, где русским по белому написано: 18 человек. А где этот стройбатовский прапор с сержантами бухает, я вообще понятия не имею. Так что, товарищ прапорщик, не валите с большой головы на здоровую. Будешь добирать людей из стройбатовской команды или нет?!

– Ладно, не кипятись, майор, – примирительно улыбнулся Гусев. – Пойдем посмотрим, может и отберем кого.

Обе команды построили на плацу напротив друг друга, и Роман с Маратом оказались почти лицом друг к другу. «Покупатель», бросив на стол личные дела, критически осмотрел личный состав.

– Нет, ну эти, конечно, нормально, – прошелся он по рядам отобранных в десант с конца строя и невольно остановился около стоящего правофланговым Романа, весившего до армии больше 90 кг.

– Где учился?

– Кулинарное училище закончил, – ответил Роман.

– Придурок из кулинарного, – прокомментировал Марат. Послышались смешки, Роман волком посмотрел на «недомерка».

– Не тушуйся, – подбодрил его Гусев, – ибо солдатский закон гласит: подальше от начальства, поближе к кухне. Будешь зваться Коком – повар, без пяти минут в тельняшке.

Развернувшись, Гусев с кислой миной прошел вдоль строя стройбатовцев и вновь остановился около Кока.

– А это что? Очкарики да недомерки. Вот боец так боец! – похлопал он Романа по могучей груди.

– Чем больше шкаф, тем громче падает! – опять, как обычно, не смог промолчать Марат, у которого постоянно возникали проблемы из-за языка. Он был из породы «Убить вы меня можете, но замолчать не заставите».

– Так, это у кого там голос прорезался? – покупатель развернулся и подошел к Марату.

Несмотря на прохладную весеннюю погоду, стриженный наголо Марат был без шапки. Подошедший прапорщик насмешливо посмотрел сверху на его отдающую синевой макушку.

– Ну, здорово, лысый огурец.

– Ага... здоровей видали.

– Ты только на язык так смел или как? А в десант пойти не испугаешься?

– Это пусть десант не испугается.

– Коли так... Давай, бритый баклажан, переходи в тот строй, посмотрим в учебке, что ты за фрукт, – усмехнулся многообещающе «покупатель».

– Красный перец! – отрекомендовался Марат.

– Красный – значит наш. Правда, перец не фрукт, а овощ, да и длинновато получается, будешь просто – Перец! – «окрестил» его прапорщик и, все еще с сомнением разглядывая, добавил: – Боюсь, легковат ты для прыжков с парашютом. Ну да ничего, пока до парашюта дело дойдет, откормим, поправишься. Физическая нагрузка и режим сделают из тебя человека, – категорично предсказал «покупатель».

– Условная судимость, – сказал негромко Соловьев, протягивая папку с документами Марата, и вопросительно посмотрел на Гусева.

– Ну, значит и перевоспитаем заодно! – ответил тот уверенно и забрал у Соловьева документы.

Так и попал Марат в десант, став попутно Перцем. В учебке они были в одном взводе с Коком, но отношения не ладились. Роман трудно переносил острый язык Марата. Они даже

всерьез разодрались однажды, когда Перец выдал, что «на 56 квартале одни чушпаны живут». Несмотря на явное превосходство в силе и весе Романа, Марат не был для него легкой добычей и компенсировал свои недостатки за счет отменной реакции и подвижности. Опыта в драках у него, благодаря языку, было не занимать, и он успел разбить Роману нос и губу, прежде чем тот, наконец, смог приложиться по полной и послать Перца в глубокий нокаут.

После учебки они, опять же, попали в один взвод. Это обстоятельство сильно огорчило Кока, но ненадолго. В первый же вечер по прибытию в роту один из «дедов» захотел заставить Кока постирать ему портянки. Получив пожелание идти по известному адресу, оскорбился и решил провести с наглым «духом» воспитательную работу. Побывав дважды на полу, решил дальше не испытывать судьбу, и уже три «деда» воспитывали Кока, когда за землю вписался Перец с табуретом в руках. «Дедам» опять пришлось звать подкрепление, и уже впятером они жестко избили казанцев. Через пару дней повторилось то же самое.

Так как после этих «воспитательных бесед» разбитые физиономии были не только у Кока с Перцем, но и у «дедов», а одного во время третьей драки Перец довольно удачно вырубил табуретом по голове, их быстро оставили в покое. После этого их отношения кардинально изменились. Перец старался не цеплять Кока лишний раз своим языком, а Кок терпеливо сносил все, что все-таки иногда соскакивало. Правда, время от времени Перец все же получал удар кулаком в грудь и отлетев на пару метров отвечал ударом в плечо, после чего, привычно обняв Кока, вис у того на плече. Все попытки Кока отучить Перца от этой привычки терпели крах. И Роман стал воспринимать виснувшего на нем Перца как еще одну из «тягот и лишений службы», которые он присягал стойко переносить. Вот и переносил.

Тогда же они выяснили, что, несмотря на довольно дальней соседство, все-таки участвовали в одной драке по разные стороны «баррикады». Хотя вообще-то не совсем драка это была, так, неудачный совместный набег группировок «Грязь» и «39 квартал» на их давних врагов «56 квартал» в январе 87 года...

...Люди шарахались в стороны. По кварталам бежали пацаны двух группировок, всего примерно человек полтора. В телогрейках, с надвинутыми по брови вязаными шапочками, с «монтажками», пока еще спрятанными в рукава, они производили угрожающее впечатление – и не только впечатление. Если «грязевские» были более-менее спокойны (насколько можно быть спокойными перед серьезной дракой с перспективой провести ночь в «обезьянике»), то глаза «кварталовских» горели жаждой мести.

Три дня назад они похоронили Басмача, которого на «56 квартале» забили насмерть. Что потащило Басмача на «56 квартал» – так и осталось неизвестным. В принципе, то, что его поймали, еще не означало однозначного смертного приговора. Серьезной войны между их группировками тогда не было, и Басмач мог вполне справедливо, «по-пацански», требовать поединка с бойцом, которого выставит противник, и потом вне зависимости от исхода, с более или менее разбитой физиономией, идти домой. Но он то ли был в плохом настроении, то ли занервничал – короче, Басмач стал откровенно хамить. С ним кто-то сцепился, кто-то стал помогать своему, возникла свалка. Невелика честь кучей народа завалить одного, и старшие заорали, чтобы драку прекратили и не позорились. Когда свалку растащили, Басмач лежал на земле с пробитой головой. Тот, кто первый сцепился, и тот, кто ударил «монтажкой» (это милиция так и не смогла установить, а тут выяснили сразу), свое получили, но Басмача это уже не спасло, через пять часов он умер в реанимации. И вот «ответка».

Чтобы удар получился действительно сокрушительным, позвали дружественную «Грязь». Узнав подробности происшествия, старшие парни с «Грязи» согласились. И вот Перец – тогда еще он носил кличку «Лысый» – бежал со всеми, глотая ртом холодный воздух. Перец одно время стал носить длинные волосы. Но однажды был схвачен за них в драке, и с тех пор предпочитал бриться. Одеты все бегущие были одинаково – специально, чтобы затруднить работу милиции со свидетелями.

– Кто ударил, во что одет был?

– Да в телогрейке и в вязаной шапочке!

А они все в телогрейках и в вязаных шапочках, вот и пойми, КТО конкретно?

«Точка» (место сбора) «56 квартала» находилась в одной из «коробок» на Чуйкова. Там группировки должны были разделиться и ударить одновременно с двух сторон, окружив и заперев «56 квартал» во дворе. Все гениальное просто, но этому плану не суждено было сбыться. Сначала, когда нападающие практически добежали до намеченного двора и готовы были уже разделиться, из двора вышел «очкарик» со скрипкой в руках – увидев нападающих, он с криком бросился обратно во двор. Поняв, что планы рухнули, «39 квартал» бросился следом за скрипачом, не дожидаясь, когда «Грязь» обойдет и ударит с другой стороны. Мало этого, так на «точке» из «56 квартала» практически никого не оказалось.

Кок, тогда еще звавшийся Карасем, играл с пацанами в хоккей, когда во двор влетел Скрипач и как сумасшедший с криком: «Шухер, шухер, шухе-е-ерppp!!!» – влетел в родной подъезд.

Следом за ним во двор стали забегать пацаны с «39 квартала». Карась знал большинство старших в лицо – это были старые враги. Хотя их было человек восемьдесят, а в хоккей с Карасем играло всего одиннадцать, он ударил клюшкой об лед, перехватил поудобнее (не самое удобное оружие, ну да что было) и заорал: «Стенку!!»

Но, повторюсь, «39 квартал» бежал в полном составе, и впереди бежали парни 17-19 лет – «молодые», а с Карасем играли пацаны по 12-14 лет – «шелуха» да пара «суперов». Большая часть из них только-только начала «мотаться» и еще не участвовала в сколь-нибудь серьезных драках. Не удивительно, что Карась сзади вместо дружного «Стенку!», и ответного удара клюшками об лед услышал удаляющийся топот ног. Он обернулся и увидел, что вся его «стенка» дружно улепetyвает к арке, выводящей со двора. Проклиная все и вся, Карась гигантскими прыжками бросился следом.

– Ломаки, чушпаны, суки! Поймаю, сам убью!! Куда ломитесь со своего двора, уроды?! – орал он вслед убегающим.

Засвистели металлические шары, один из них сильно ударил по лопатке. Перец потом утверждал, что этот шар запустил именно он. Карась прекрасно понимал, что «39» прибежал забрать жизнь взамен жизни Басмача. И получалось так, что это будет именно его, Карася, жизнь, т.к. серьезным бойцом здесь был только он. Получив от этой мысли мощный выброс адреналина в кровь, он прибавил прыти, радуясь, что не надел сегодня коньков. Не успел он догнать отступающих, как они выбежали из прохода обратно во двор.

– Карась, там еще немерено!!

– В подъезд! Быстро в подъезд, уроды!!

Обычно «мотки» старались не вовлекать в свои конфликты так сказать «мирное население». Во-первых, им до них не было никакого дела, а во-вторых, когда такое происходило, то милиция действовала особенно эффективно и жестко. Но сейчас деваться было некуда, и между вполне реальной смертью и «ментовскими» побоями выбирали милицию. Залетев в подъезд последним, Карась заткнул в ручки свою клюшку – и вовремя: дверь тут же дернули снаружи. Во вторую пару дверей он тоже воткнул чью-то клюшку. Поняв, что дверь закрыли, нападавшие стали ее выламывать. Роман схватил еще одну клюшку и попытался сломать, сунув между ступеньками и основанием перил. Клюшка не поддавалась. Тогда он прыгнул на нее пару раз – жалобно хрустнув, клюшка сломалась. Хозяин клюшки молча попрощался с ней, но возмущаться не стал, в данной ситуации потеря клюшки была не самой страшной.

– Где Рыжий? – спросил Карась оглядевшись.

– За «молодыми» побежал, – ответил кто-то и добавил со слабой надеждой: – Успел, кажись, прорваться.

Двери задрожали под очередным, особенно сильный ударом.

– Сейчас дверь вышибут, – прошептал кто-то из мальчишек испуганно.

– И что? Не дрейфь, здесь не улица, здесь мы запросто с полчаса продержимся! – ответил возбужденный Карась, сделав пару взмахов обломком клюшки. Длинновато немного получилась, да куда денешься?

– Так, ты, ты и ты – будете со мной здесь на площадке отбиваться, остальные с лестницы лупите клюшками, – едва успел выдать указания Роман, как с громким треском разлетелась первая пара дверей.

– Приготовились!

Подъездные окна со звоном посыпались, с улицы стали залетать шары. Кто-то схватился за голову, кто-то, подобрав шары, стал кидать обратно в осаждающих.

– Вы что делаете, уроды? Не кидайтесь вслепую, сейчас в подъезд войдут, тогда и будете мочить!

Но вторую дверь выломать не успели, послышался быстро приближающийся вой сирен. Милиция или имела информацию о нападении, или просто была настороже, зная, что «39 квартал» не оставит смерть Басмача без ответа, но прибыли они очень оперативно. Нападающие, разделившись, стали поспешно отходить. Когда «грязевские» добежали до улицы Амирхана, навстречу вылетели два милицейских УАЗика. Не останавливаясь, толпа пацанов облепила машины и перевернула так быстро, что из машин никто не успел выбраться. Но уже на Мусина дорогу перегородили три УАЗика и автобус, из которых быстро стали выпрыгивать милиционеры.

– Врассыпную! – пронеслась команда, и толпа распалась.

Но это не помогло: слишком далеко забралась «Грязь» от своей территории, и домой в тот вечер мало кто вернулся. Перец, как и большинство, провел ночь в отделении, получив по полной все что полагается. С «мотками» в милиции не церемонились, особенно со старшими.

Кок отсиделся с ребятами у пацана, чья квартира находилась в осаждаемом подъезде. А через полгода они встретились с Перцем в Татвоенкомате...

– Насчет колонны не знаю, а к нам гости, похоже. Может почта, как думаешь?

– Может и она, вообще-то завтра должна быть.

По бетонке, с юга, со стороны расположения батальона шел БТР. Свернув с бетонки, он направился к высоте. Подъехал к каменному дувалу высотой около метра и замер. Из железного чрева вылезло двое – Суржик и какой-то сержант.

– Почта! – крикнул Перец, и весь свободный личный состав рванул к Суржику, который поставлял на высоту почту, продукты и сменное белье.

О сержанте в возникшей суматохе забыли, и он спокойно огляделся на высоте. Хотя «высота» громко сказано – так, невысокий пологий холм с небольшой, но довольно ровной площадкой на вершине. На площадке расположились, начиная с юга, по часовой: сколоченный из всякой всячины душ с брезентом вместо одной стены, который служил одновременно дверью, наверху душа стояло шесть двухсотлитровых бочек; дальше была небольшая площадка, «пятак», где вдоль дувала стоял, опять же самодельный, умывальник, состоящий из бочки и трубы с дырками; далее три большие палатки для личного состава, потом две маленькие; дальше кухня с печкой, сложенной из камней; и почти на юго-западе располагался неизвестно как попавший сюда строительный вагончик без колес. На вагончике, на стене, смотрящей на трассу, над аббревиатурой GRZ, написанной черной краской, была нарисована корона – но чья-то заботливая рука пририсовала к короне красные колокольчики, превратив ее в шутовской колпак.

– Где-то я это уже видел, – усмехнулся сержант, вспомнив Казань, где на стенах и заборах, да и вообще где можно и нельзя, было много подобного художества.

Посередине площадки стоял длинный, сколоченный из досок стол, за которым вполне свободно мог разместиться взвод. Каменный забор – дувал – имел четыре выхода в разные стороны. За дувалом стояли обложенные камнем с фронта БТР, БМП-2, БМД и танк Т-72. Танк с БМП и БТРом на южной стороне. Их стволы смотрели туда, где заканчивалась долина и с гор спускалась бетонка, по которой уже третий месяц уходили домой колонны советских войск. Шел первый этап вывода войск из Афганистана. БМД смотрел в долину, на север.

«А ведь опасность равновелика – как с гор, так и из долины могут обойти, надо поровней распределить броню, по всем сторонам. Да и обложить с боков камнем не мешало бы», – размышлял сержант.

К этому моменту старший сержант Краснов, ибо это был Аркадий, прослужил в Афганистане полтора года. Спортсмен, он сразу попал в разведвзвод. Имел за плечами почти двадцать боевых выходов, из них пять на караваны. Из последнего его принесли на руках...

...Бой уже закончился, и бойцы стали спускаться, чтобы заминировать и уничтожить груз, в основном ракеты и снаряды, когда у Пастуха сработало шестое, седьмое или какое там еще чувство. Это чувство уже не раз спасало Аркадия от гибели, когда тело само по себе вдруг начинало действовать и делало все, чтобы избежать опасности. Он настолько стал доверять ему, что перестал сопротивляться этим внезапным порывам, прозвав про себя это чувство «сторожем». Аркадий спокойно спускался, когда сработал «сторож» и тело стало само разворачиваться на 180 градусов и при этом вскидывать опущенный было автомат. Голова повернулась быстрее тела, и он увидел троих неизвестно откуда взявшихся душманов. То ли это было отставшее охранение каравана, то ли они пришли на звуки боя, он так и не узнал. Он только увидел их, вышедших из-за валуна и поднимающих автоматы и один ручной пулемет. Если бы они сейчас сверху ударили по спускающимся и уже спустившимся ребятам, у тех было мало шансов не присоединиться к трупам валяющихся вокруг душманов. Аркадий мог нырнуть за валун и крикнуть. Спас бы себя и часть ребят, возможно, но далеко не всех.

Это описывать все долго. У Аркадия же на размышление ушло времени не больше, чем понадобилось, чтобы вскинуть, наконец, автомат. Как медленно он поднимался – казалось, целую вечность. Вот наконец-то он поднялся, но и «духи» не стояли столбами и три автомата ударили одновременно. Аркадий начал с пулеметчика – тот так и не выстрелил, пулемет все же тяжелей автомата и поднимать его дольше, пусть на сотую секунду, но дольше. Стрелялись с расстояния не больше шести-семи метров. Он видел, как вскинул руками пулеметчик, как пули прошивали второго душмана. Почувствовал, как ему словно кипятком обожгло слева живот и тут же сильно ударило в грудь справа. Дальше была темнота. Очнулся уже в госпитале, где и провел два месяца. Потом реабилитация еще два месяца. Потом медкомиссия. Задетое легкое еще давало о себе знать, и о разведке пришлось забыть. Так он и попал на высоту...

...Вертушки сопровождения вновь прошли над высотой. И на бетонке показалась ползущая с гор колонна.

«Уходим наконец, а на кой он вообще был нужен, этот Афган, столько ребят потеряли. "Интернациональный долг" – перед кем, черт вас возьми?! Декхан от душманов защищаем, вашу мать. Так они днем декхане, а ночью душманы», – смотря на спускающуюся колонну, Аркадий думал.

– Ты кто? И каким ветром к нам занесло тебя, товарищ СТАРШИЙ сержант? – раздался требовательный голос.

Это был Перец. Писем он не ждал, так как с прошлой почтой получил три, а если и будут, то Кок непременно возьмет. Панаму Перец носил очень низко опущенной, край был практически на уровне глаз. Поэтому при его низком росте ему приходилось постоянно задирать голову в разговоре с более высокими сослуживцами, но делал он это так, как будто оказывал одолжение «дылдам-вымахавшим-неизвестно-куда».

– Где старший? – спросил сухим тоном Пастух.

– СТАРШИЙ лейтенант Малахов обитают вон в той палатке, – вновь выделив слово «старший» ответил Перец и махнул в сторону маленькой палатки, стоящей рядом с кухней.

– Ага! – отодвинув слегка плечом в сторону Перца, Аркадий двинулся к палатке.

– Ты аккуратней там. Постучись. Они не одни, они с женой там обитают.

Аркадий повернулся к Перцу с таким выражением, будто услышал, что лейтенант живет с инопланетянином.

Конечно, в военных городках, в больших гарнизонах, понятно, жили жены офицеров и гражданские специалисты-женщины, медперсонал и т.д, но не на боевом же... Нечего тут бабе делать! И то, что лейтенант притащил жену сюда, характеризовало его далеко не лучшим образом, по каким бы причинам он это ни сделал. Не было для этого уважительных причин, не было и все тут.

– С кем? – переспросил Пастух на всякий случай.

Довольный произведенным эффектом, Перец с готовностью пояснил:

– С женой, сержант, с женой. Правда, мы слышали, она только по жизни ему жена, а не по паспорту. А так гражданский специалист-фельдшер, и по совместительству повар.

Почту раздали, и стали подходить не получившие писем. Те, кто получил, углубились в чтение – «подумаешь, новый сержант, не убежит наверное».

– Ты откуда сам-то будешь? – спросил подошедший Кок.

– С Казани призывался, – не очень охотно ответил Аркадий, не любил он перед кем бы то ни было отчитываться, но куда деваться, новый коллектив, надо знакомиться.

– Земеля!! Откуда ты? Я с Грязи, а Кок, вон, за 56 бегал! – радостно заорал Перец, хлопнув Аркадия по плечу.

– Спортсмен что ли? – слегка озадачился Пастух, сразу поняв: ляпнул глупость.

– Ага, – радостно оскалился Перец, – мастер спорта по убеганию. Мы прибегаем, а они убегают, по подъездам.

Кок молча, мощным ударом кулака в грудь отбросил Перца метра на три. Переведя дыхание, Перец на мотив популярной песни из репертуара итальянской группы Ricchi e Poveri пропел:

Приложу, приложу, приложу доской,

Если ты побежишь за «писятшестой».

Сделав пару танцевальных движений, словно находился на дискотеке, он подошел и, смачно саданув Кока в плечо, привычно повис на нем, как ни в чем не бывало. Кок только покосился на него, не прекращая разговора:

– А ты что, спортсмен что ли? Совсем не сечешь, что на улицах родного города творится?

– Вообще-то я КМС по дзюдо.

– Кто-кто? – скривился Перец.

– Кандидат в мастера спорта. А в Казани жил только год перед призывом. О том, что парни у вас друг другу головы арматурой проламывают, слышал, конечно, вполуха. Ничего интересного в этом не нашел.

– А до этого где жил? – спросил кто-то из ребят, которых вокруг стало больше.

– Много где. Отец военный, покатались по Союзу. Перед Казанью лет семь жили на Дальнем Востоке. Порт Ванина – слышали может?

– Это гыдэ мэдвэды по улыцам ходят? – спросил кто-то с сильным грузинским акцентом.

Аркадий усмехнулся:

– Было один раз, лет пять назад, забрел один зимой.

– Что, Леший, опять письмо разорвал? – обратился Перец к кому-то за спиной Пастуха.

– Не твое собачье дело. Как фамилия, сержант? – спросил подошедший прапорщик.

– Краснов.

– Пастух? – спросил прапорщик, протянув руку.

Аркадий кивнул.

– Ну а я Сергей Кустов. Леший, стало быть.

Краснов окинул взглядом долговязую фигуру прапорщика. Рост под 180 см, широк в плечах, длиннорукий, с большими кистями и при этом очень худой и очевидно жилистый. Действительно – «леший», только лицо простодушное, крестьянское, не очень подходило под кличку.

– Иди, доложишься лейтенанту. Вон он, кстати, с женой из палатки вышел.

Пастух направился к лейтенанту, стараясь не слишком откровенно рассматривать его жену. Девчонка совсем, решил он, лет восемнадцать-девятнадцать, не больше. И хотя ему самому только-только стукнуло двадцать, он смотрел на нее так, как будто был старше минимум на десяток лет. На ней было простое белое платье в цветочек, скрывавшее колени. На голове из-под косынки выглядывала бойкая челка. Довольно симпатичная, со слегка вздернутым носиком, который придавал ей задорный вид. Увидев нового человека, она стала внимательно рассматривать его с какой-то детской непосредственностью. Она чему-то улыбнулась, и лицо сразу преобразилось, словно цветок распустился, и показалось – сейчас искры посыплются из горящих глаз.

Аркадий стал мужчиной в 14 лет, и с тех пор у него было много девушек, особенно в порте Ванино, да и в Казани он быстро завел знакомства и не скучал в одиночестве. Он нравился девушкам и знал это. Диапазон знакомств был довольно большой, самой старшей его женщине, хирургу в госпитале, где его латали, было почти 36, а младшей вряд ли исполнилось 14. Поэтому он был довольно искушен в амурных делах и знал, как смотрит женщина на мужчину, которому не сможет отказать, даже если еще сама не знает об этом. Именно так смотрела на него жена лейтенанта. «А что, все может быть... Тесновато здесь, правда, все на виду, ну да поживем – увидим», – решил сержант.

А вот лейтенант Аркадию сразу не понравился. Будто на парад собрался. Чистенький, гладенький, выправка – ой-ой! А по горам-то ты, дружок, совсем не лазил – там лоск махом слазит.

«Лазит, слазит – мда... ну и "выражеваете" вы, сударь, – мысленно усмехнулся Аркадий. – Читаете последнее время совсем мало. Все война да горы, никакого времени на личную жизнь. А вот у лейтенанта есть время. Даже эта самая личная жизнь есть, прямо под боком. И зачем же ты жену на боевое дежурство притащил, а, лейтенант? Интересно, что же ты за птица, лейтенант? Очень интересно».

Старшему лейтенанту Малахову сержант тоже не понравился с первого взгляда. Неопрятно одет, в пыли. И что, что с дороги? Мог и отряхнуться перед докладом командиру. Слегка вальжная походка, ничего якобы не выражающий взгляд. Побыв на высоте всего несколько минут, он подходил к нему как будто он здесь хозяин, а не Малахов. Ага, на Наташку косит, впрочем, это не новость, на нее все заглядываются. А вот то, как Наташа на него посмотрела, вот это новость! Так она смотрела только на него – тогда еще курсанта Малахова, еще до аборта. А потом фонарики в глазах погасли. И хотя внешне все оставалась по-прежнему, Наташа явно несколько охладела к нему. Это, конечно, хорошо – чем быстрее они расстанутся, тем лучше. Но сколько это может продолжаться? В Афганистан ведь она за ним зачем-то поехала. А каждый день, прожитый в гражданском браке, – пятно на его репутации. Конечно, отец поможет, дотянет до полковника быстро насколько позволят приличия. А дальше? Дальше трудней, и вот тут конкуренты и завистники припомнят все что можно, и его гражданский брак в первую очередь. Больше у него, золотого медалиста школы, отличника по боевой и полити-

ческой «хвостов» пока не было. А сержант, значит, Наташке понравился – хорошо если бы увел. А еще лучше застукать бы их на измене. Пара ударов по его нахальной морде сержанту явно не повредят. Наташку с позором домой, и совесть чиста. Ладно, мечтать не вредно, жизнь покажет что к чему.

И вот, казалось бы – то, что сержант понравился Наташе, как нельзя лучше устраивало Малахова, но боль ревности резанула сердце. Его, кажется, могут поменять, нашли получше. И эта обида только усилила неприязнь к еще совершенно незнакомому человеку.

Так за неполную минуту, между еще не успевшими обменяться даже словом лейтенантом и сержантом зародилась не то чтобы вражда, но неприязнь как минимум.

– Сержант Краснов... – начал было докладывать Аркадий, но лейтенант перебил его на высоких тонах.

– Вы откуда прибыли, сержант?! Отойдите и обратитесь по форме! Да, и приведите себя по возможности в надлежащий вид. Какой пример вы подаете личному составу, даже подворотничок несвежий!

Несколько секунд Аркадий молча смотрел в глаза Малахову. От этого взгляда на лейтенанта так повеяло смертью, что озноб прошел по спине. Пастух тем временем развернулся и отошел на несколько шагов, оправился, поправил панаму, которую носил почти на макушке. Уже почти все, кто был свободен, собрались понаблюдать за знакомством сержанта с Конюхом и с трудом сдерживались от смеха. Только сейчас Пастух обратил внимание на неестественно слишком уж чистые для Афгана подворотнички. Кто-то протянул Аркадию сапожную щетку. Обычно Аркадий ходил, как и большинство, в кроссовках или кедах, но после госпиталя был еще в сапогах.

Почистив сапоги и слегка отряхнув дорожную пыль, он направился на повторный доклад, чеканя шаг.

– Товарищ старший лейтенант, разрешите обратиться! – более высоким, чем обычно, голосом и с ударением на слове «старший» обратился он к Малахову, отдав честь.

– Обращайтесь.

– Товарищ старший лейтенант, старший сержант Краснов прибыл в ваше распоряжение для дальнейшего прохождения службы, – на этот раз голос был ниже обычного.

– Что у вас с голосом?

– Волнуюсь, товарищ старший лейтенант, – прохрипел Аркадий с невозмутимым лицом.

– Зря паясничаете, сержант. Служба в полевых условиях не подразумевает расхлябанности. Мой заместитель прапорщик Кустов введет вас в курс дела. Можете быть свободны.

– Есть! – ответил Пастух и, четко развернувшись, направился к Кустову.

– Где вы это чудо откопали? – спросил он Лешего, но Перец как всегда встрял.

– Это Конюх, мы его не откапывали, его к нам прислали.

– Почему Конюх? Фамилия не лошадиная, да и морда вроде тоже.

– А это потому, что его дедушка – сын коня Буденного, а отец, между прочим, генерал, самый главный. О, как! – Перец многозначительно поднял палец.

– Так, не все сразу. Чьим, говоришь, сыном был его дед? – стараясь быть спокойным, переспросил Пастух – его явно начинал раздражать этот балабол.

– Пастух, слушай меня и голос Америки, больше некого не слушай! – горячо начал Перец. – Значит так, у Буденного был конь, точнее кобыла, и во время походов командарм, ввиду отсутствия женщин...

– Я серьезно спрашиваю, – прервал его разглагольствования Пастух.

– А Перец серьезно не может, – пояснил Кок.

– Иногда могу, – нашел необходимым вставить Перец. – Например, могу всерьез в торец дать.

– Так вот, лейтеха наш – генеральский сын, и отец служит, по слухам, в Генштабе. Дед, опять же по слухам, служил с Буденным. Поэтому и Конюх.

– Мажор, важный весь такой, я, говорит, Ленина в гробу видел! – вновь встрял Перец.

– Прямо так и говорит? – спросил осторожно Аркадий, поняв, что с Перцем нужно ухо держать востро.

– Ага, а ты, сержант, что... в Мавзолее не был, что ли? – ответил Перец с делано невинным выражением лица. Но, не выдержав, через секунду заржал. Заулыбались и остальные.

– Ладно! Хватит ржать. Пошли, Леший, прогуляемся, тебе велено меня в курс дела ввести.

Аркадий с Сергеем вышли за дувал и направились по периметру. Вокруг высоты шли окопы, их соединяли траншеи чуть больше полуметра глубиной.

– Что, этот Конюх постоянно вас с уставом мурыжит? – спросил все еще раздраженный Аркадий.

– Да нет, у него иногда по настроению бывает бзик на порядке, и на внешний вид внимание обращает, но службу не любит тащить, и нам не надоедает. Весь день в палатке у Мазуты в нарды режутся. Наташка целый день то кашеварит, то убирается, то стирает. Молодец девчонка – работающая. Этот весь день задницу не поднимает. Кстати, тебе она, я так понял, тоже понравилась?

– Не думал, что это так заметно.

– Может и незаметно. Только она всем здесь нравится, так как из бабьего племени одна-единешенька тут. Да и вообще девчонка ничего. Интересно другое. Это то, что ты ей, кажется, понравился – и Конюх, похоже, это заметил. Вот он к тебе и прицепился. Так что имей в виду. Тут слухи разные ходят.

– Наблюдательный ты человек, Леший, – по-прежнему слегка раздраженно сказал Пастух.

– Я здесь четвертый год. Хочешь – не хочешь, станешь наблюдательным. И не дуйся, я не цепляю тебя, а предупреждаю.

– Ладно. А что за слухи?

– То, что они не расписаны – это не слух: у них фамилии разные. А слухи говорят – дело чуть до скандала не дошло, когда Наташка забеременела и ее мать их расписать хотела. Конюх уперся – зачем она ему, простая девчонка. У него где-нибудь ровня уже присмотрена, не им так родителями. Если бы разразился скандал, то он, если бы и не вылетел из училища, то карьерку подпортил бы. Но Конюх Наташку уломал, и она аборт сделала. И в Афган он ее притащил, поговаривают, чтобы вроде как избавиться.

– Как избавиться? – недоверчиво спросил Аркадий.

– Ты прямо как вчера родился, сержант. На войне много способов незаметно избавиться от человека. Много парней молодых, опять же. Может, приглянется кто. Вообще-то это идеальный вариант для него. Изменила и до свидания. Но повторюсь – все это слухи.

Похоже, Лешему было не очень приятно ворошить чужое белье, и Аркадий решил сменить тему.

– Понятно. Давай к делу, мы зачем тут стоим? Если колонну с гор начнут долбить, от нас толку хрен целых, хрен десятых.

– Правильно мыслишь. Один Мазута и сможет эффективно вмешаться, не дай Бог чего случится. Но мы стоим здесь не для того, чтобы прикрывать колонны на марше. Видишь, здесь долина вклинивается в горы ущельем, – махнул на юг рукой Леший. – На карте очень на горлышко бутылки похоже, вот «горлышком» и окрестили. Стоим мы, как видишь, почти посередине этого ущелья. Так вот, в это «горлышко» выходят несколько троп с перевалов. А там, на севере, в «зеленке», расположена база, откуда ты сегодня прибыл. Там ночью на отдых останавливаются колонны, стоит дальнобойная артиллерия и «вертушки» опять же. Так что мы

здесь как пробка в этом горлышке, дабы душманы с этих перевалов не могли просочиться в «зеленку» и ударить по базе. Работа «не бей лежащего», даже скучно как в санатории. И вообще, если честно, то мне кажется, что мы тут больше Конюха охраняем, чем базу. Состряпали для генеральского сыночка теплое местечко.

Леший с Пастухом, сделав круг по периметру, остановились у танка. Пастух сел на камень.

– Понятно. Только я что-то тяжелых пулеметов не заметил.

– А нету потому что. У нас есть танк с бравым лейтенантом Мазутой, в миру его Василий Смирнов кличут, между прочим. Нормальный парень, ваше казанское училище в этом году закончил. Также, как ты уже, наверное, заметил, есть БТР, БМП и БМД. У тех, кто прикрывает колонны в горах, этого нет, вот им и отдали для усиления, – ответил Леший, усевшись напротив.

– Кстати о броне – почему не распределили по периметру? Только не говори, что наиболее опасной является южная сторона, где сходятся тропы. Это я понял. Но ведь могут обойти и ударить с флангов. Может, все-таки стоит передвинуть БТР и БМП? А на юге и танка за глаза. Да и обложить камнем по полной не помешало бы.

– Отвечаю по порядку. Насчет перераспределения «брони» говорили, но лейтеха у вас великий стратег и возражений не принимает. По его разумению основная огневая мощь должна находиться на направлении главного удара, который он ждет с юга. И закапывать не разрешает, так как это ограничит маневр технике, если вдруг это понадобится. Вот так. Вообще ты суе-тишься, словно всерьез думаешь, что душманы нас штурмовать будут. Они же мин боятся, обстрелять из минометов или ракетами могут. Ну, пострелять, силу показать, украсть кого, если получится, это конечно, – сказал как в воду смотревший Леший и добавил: – А на штурм вряд ли пойдут. Это не в их стиле. Моджахеды говорят: «Воин не берет власть, он ее подбирает». А уж если попрут, база даст залп из «Града» – сразу уйдут. У нас тут все пристреляно.

– Мин, говоришь, боятся? И много у вас тут мин натыкано?

– Штуки по три с каждой стороны, «световух» побольше, – ответил Леший и, заметив, как Пастух закачал головой, добавил: – Но недавно на mine ишак подорвался. Так что они знают, что мины есть. А проверять, сколько их, они навряд ли полезут. Спокойно у нас здесь. По горам группы прикрывания стоят и разведгруппы снуют постоянно. Не переживай, все под контролем.

– Хотелось бы надеяться, – Пастух давно не верил ни в покой, ни в тишину на войне, уж больно часто они обманывают, да и ишаки просто так не бродят.

– Да, а мой предшественник куда делся, на дембель ушел?

– Так ранили его, стрелок у нас тут есть. Стрельнет куда как сможет, падла, потом дня три-четыре спокойно.

– И много этот снайпер у вас настрелял?

– Петруха первый, в кого вообще попал за два месяца. Да не снайпер, а стрелок, говорю же. Настоящие моджахеды принципиально не целятся. Они всю оптику снимают, а у автоматов высоту прицела заклинивают для самой короткой дистанции. Не замечал?

– Обратил внимание пару раз, да времени раздумывать не было. Решил, случайно испортили. А зачем они так делают? Хотя, понятно. Воины ислама, на все воля Аллаха.

– Правильно, если Аллаху угодно – не целясь попадешь, если нет – то и целиться бесполезно.

– А снайпера все-таки у них тоже есть.

– Есть, в семье не без урода, – усмехнулся Леший.

– И что, так и ждете кого подстрелит, ничего не делая?

– Как «ничего не делая»? Охотника посадили со снайперской, наблюдатели с оптикой дежурят. Да только пока без толку, редко стреляет, да все с разных мест.

– Остается только надеяться, что они его раньше высмотрят, чем он убьет кого-нибудь. А лейтеха наш в Афган зачем, интересно, полез, если его отец действительно генерал?

– Карьера, Пастух, карьера. Запись в личном деле об участии в боевых действиях много стоит. А если еще и постреляют рядом, и он не наложит в штаны, то медальку али орден, а там и внеочередное не грех присвоить.

– Мне какое отделение принимать?

– Второе. В нем твои земляки, Кок с Перцем.

– Другие сержанты что за ребята?

– Байкал-Мишка с Байкала, как понимаешь, и Тула-Виктор. Откуда – сам догадаешься? Ребята неплохие, но служат только полгода, недавно из учебки. А у нас в основном по году и больше отслужили, вот их всерьез никто и не воспринимает.

«Ни хера из дома пишут – корову продали, деньги пропили! Получается, что мы имеем? Командира взвода, у которого вся служба – "застегнутые воротнички да чистые подворотнички". Имеем также двух молодых сержантов, на которых, похоже, разве только воду не возят. И еще имеем прапора, который то ли из-за личных проблем, то ли решив, что один не справится, тоже, похоже, забил на службу по большому. И что мне делать прикажете? Тоже забить? Да... вопросец. Я бы с радостью забил, находишься мы в Союзе. Здесь за это «забил» больно дорого спрашивают. Ладно, что они хоть вообще окопы нарыли при таком раскладе».

– С обстановкой вроде понятно. Личный вопрос можно?

– Можно... Только про письма не спрашивай, – ответил враз помрачневший Леший.

– Тогда все, пошли, – Пастух встал и хотел было идти к палаткам.

– Подожди, – Леший потер немного нервно лоб, уставившись в землю. Помолчал с минуту, тяжело вздохнул. Пастух уже решил, что тот передумал рассказывать, когда он все же собрался.

– В общем, это жены моей письма... Я когда еще на срочной был, полтора года почти отслужил, письмо пришло от друга. Да не друга, так... знакомого. Вечно свой нос везде сует. В общем, написал, что Ольга моя на дне рождения подруги с одним городским попуталась. Я чуть на БТР тогда в Союз не рванул. Потом письма написал – ей, матери, друзьям. Чтобы ответили, правда или нет...

Леший тяжело вздохнул и снова немного помолчав, продолжил:

– Сначала она ответила, потом мать. Обе одно и то же: «Кому поверил, да он же сплетник. Все нормально. Возвращайся. Ольга с сыном ждут». Почти слово в слово ответили. А я же чувствую, врут! Как есть врут. Ну а потом пацаны написали: «Вроде как было, Серый». Вот и я решил – все, домой ни ногой. Остался пока прапорщиком. Через год контракт кончится, мы из Афгана уйдем, так я на север поеду, деньгу зашибать, ядрена кочерыжка. Деньги все матери отправляю. Пусть делает что хочет.

Сергей явно нервничал, то чесал лоб, то стискивал в кулаки свои большие крестьянские руки.

– Она пишет, все Ольге отдает. Жена все-таки, да и сына растить надо... Мать пишет – весь в меня.

– А что Ольга пишет?

– Что пишет, что пишет... Я тогда два письма после этого прочел и все. Остальные рву. Писала, что клевета, да как любит, да как сын растет. Все разжалобить хочет. Вот ей!!! Погуляла? Гуляй дальше!! – прохрипел Леший, глядя перед собой невидящим взглядом.

– Это когда было?

– Два с половиной года назад. Каждую почту письма приходят. Рвал и рвать буду.

– Может, стоит попробовать прочитать хотя бы одно. Вдруг что интересное прочитаешь.

– И ты туда же... Мать все пишет: «Ответь, места себе не находит»... Где ноги раздвинуть нашла место! Она же единственная у меня. И я у нее первым был. Да вот не последним оказался...

– Это ничего, что я ваш интим нарушу? – начал заговорщическим шепотом Перец и почти криком закончил: – Там на ужин зовут!

Наткнувшись на два «дружеских» взгляда, он оскалился и ушел.

– Чем больше узнаю Перца, тем больше уважаю Кока. Как он его терпит? У меня уже кулаки чешутся.

– В очередь запишись, тут много желающих. Но учти, Кок впишется за Перца вне зависимости, прав тот или нет. Ладно, хватит сопли распускать, пошли хавать, – сплюнул и как-то сразу заторопился Леший.

– Что ж, пойдём, пожую, – пошел следом Пастух.

Уже подходя к столу, где расположились за ужином бойцы, Пастух сказал:

– Работа, говоришь, «не бей лежачего», даже скучно? А чтобы не скучали, с завтрашнего дня траншею между окопами до полного роста углублять начнем.

– В такую жару не заставишь, да и нужды нет, – ответил Леший и остановился, чтобы за столом не услышали разговора.

– Объяснять тебе, что в случае боя по вашим мышинным ямкам много не набегает, я не буду. А вот то, что от жары да от скуки вы в сонных тараканов тут превращаетесь – это точно. Да вот только на сонного таракана рано или поздно тапочка найдется.

– Ну-ну... – усмехнулся Леший, и направился было к столу, но Пастух его придержал.

– Не «ну-ну», а приказ от тебя должен исходить, товарищ замком взвода.

– Добро, но учти – я скажу, что это твоя инициатива, – Лешему явно не нравилась перспектива портить отношения с ребятами.

– Давай-давай... Ябеда, – добродушно усмехнулся Пастух, чтобы сгладить возникшую было неловкость.

Леший неожиданно громко рассмеялся.

– Че ржешь, Леший? Расскажи, не жмись, мы тоже посмеемся, – как всегда встрял Перец.

– Обязательно расскажу, после ужина не разбредайтесь по палаткам, расскажу – обхохочетесь.

На ужин была гречка. Наташа ела вместе со всеми. Она сидела рядом с Малаховым недалеко от Пастуха. Пастуха то, что Малахов ел вместе со всеми, несколько удивило. Он бросил несколько быстрых взглядов в ее сторону и не очень удивился, пару раз встретившись с ее глазами. «Девчонка интересная, что этому лейтехе надо еще, интересно? Хотя, конечно: деньги – они деньги любят.»

– Все поели? – спросил Леший после того, как Малахов Наташей вышел из-за стола. – Становись!

После того как взвод построился, Леший, немного подумав, выдал:

– Завтра каждый от своего окопа до соседнего углубляет траншею, так, чтобы можно было свободно передвигаться в полный рост. Копаем по часовой. Ответственным назначаю старшего сержанта Краснова.

– Делать нечего – в такую жару камни ковырять неизвестно зачем, – раздался ропот в строю.

– Разговорчики! Делать вам действительно нечего. Поковыряете, не баре небось, а то совсем разленились. В сонных и ленивых тараканов превращаетесь. А на сонного таракана рано или поздно тапочка найдется. Все ясно? Разойдись!

Строй распался, ребятам явно не нравилась перспектива ковырять камни под палящим солнцем, особенно сильно ворчали «деды».

Леший подошел к Пастуху:

– Помыться не хочешь с дороги?
– В душе? – спросил тот, кивнув на бочку.
– А то где? Пошли.
– А что, на базу не ездите, там баня вроде, говорят, неплохая?
– Ездили пару раз. Морока одна. Сразу всех не отпавишь, по несколько человек мотаться – это два дня всех помыть. Да и не это главное. Пока назад приедешь – что мылись, что не мылись. Все потные и в пыли. Нет уж, лучше здесь.
– Что ж, пойдем, опробуем ваш душ, – согласился Пастух и пошел вслед за долговязым замкомвзвода.

– Эх-ох, эх-ох, что ж я маленький не сдох? Айда, Кок, покурим, – предложил на следующий день Перец, присев на камень, благо они тут были в избытке.

– Иди к черту, часа не копаем, а ты уже десятый раз приходишь, – раздраженно ответил запыхавшийся и мокрый как мышь Кок, с трудом выкинув из траншеи здоровый камень.

– Помог бы лучше, таракан ленивый. Помнишь, как вчера Леший про ленивых тараканов сказал?

– А как же, что-то вроде «Чем больше ты закопаешься, тем меньше тебя убьют». Только сдается мне, это он слова Пастуха повторил, насчет тараканов. Да и траншеи копать тоже, чую, земля придумал. Вопрос: на кой это нам, а точнее ему?

– Ты уже сам ответил: «Чем больше ты закопаешься, тем меньше тебя убьют» или «Больше пота – меньше крови», по мне так больше подходит.

– Может быть, может быть, – ответил после очередной затыжки Перец, – Только мне кажется, он решил сразу показать, кто здесь главный. И мне очень интересно, что он будет делать с «дедами». Ни один не копает, а Трактор так вообще в палатку ушел.

– Вот и поглядим, что он задумал. Подписку бросать будем в случае чего?

Кок уставился на Перца с огоньком в глазах, похоже, его привлекала перспектива немного поприжать «дедов» в альянсе с Пастухом. Перец явно не разделял его энтузиазма.

– Попросит – поддержим. Только сдается мне, он не шибко на это рассчитывает. У него другое на уме. Интересно знать, что? Он ведь даже не смотрит кто что делает. Долбит камушки как заведенный и все. Нормальные люди сначала взрывают, а потом долбят. Айда отдохнем, говорю! – снова решительно предложил Перец.

– Отдохнем, как сдохнем, – стоял на своем работающий Кок. – А взрывают там, где одни камни, а тут наполовину глина с песком.

– Ну да, ну да. Я вот думаю: взводный – Конюх, сержант – Пастух. А мы-то, Кок, с тобой кто – кони или бараны?

– Лично я человек, – резко ответил Кок, бросив на друга мимолетный взгляд, не прекращая работы.

– Ты так считаешь? Ну-ну... – ухмыльнулся Перец, глядя его на мокрую спину.

– Ладно, пойду и я поковыряю малость, – Перец сплюнул, поднялся и посмотрев по сторонам, направился к своему окопу. Через пару шагов он затынул свою любимую песню из кинофильма «Пацаны»:

Что-то мою пулю долго отливают.

Что-то мою волю прячут, отнимают.

Догони меня, догони меня,

Да лицом в траву урони меня.

Приложи печать, утоли печаль,

Пуля горяча, пуля горяча...

Кок улыбнулся, как всегда при виде его переваливающейся походки с немного расставленными руками, как будто перекачанные «крылышки» мешали прижать их к телу. Он и сам так когда-то ходил, в Казани, лет в 14-15. А Перец вот до сих пор ходит, хотя и получал пару раз в начале службы от «дедов» за эту борзую походку. Но Перец был настырен. Кок хоть и ворчал, понимал его и не обижался. Кок вспомнил, как Перец разозлился, когда к нарисованной им короне (GRZ с короной означало «Грязь – Короли!») Кок пририсовал колокольчики. Как это обычно и делалось, превращая «королей» в «шутов». Тогда они крепко поссорились, Перец первый раз всерьез обиделся на Кока, тому пришлось самому идти на мировую.

– Перец, ты как пацан, ей Богу. Это же детство все. Ну хочешь, я сам закрашу эти колокольчики.

– Ладно, не надо, пусть будут, – великодушно отказался Перец.

Мир был восстановлен, и корона с колокольчиками так и осталась красоваться на вагончике, как память об ушедшем навсегда детстве, с которым Перец упорно не хотел расставаться. Это он позаботился, чтобы никто на высоте не остался без прозвища.

Тем временем приближался обед. Пастух дал команду заканчивать и прошел по окопам посмотреть, кто сколько наработал. Видя усердие «дедов», в общем и целом равнявшееся нулю, он начал закипать, а узнав, что Трактор, Кузя и Скворец вообще ушли в палатку, взбесился:

– Так, все «деды» на пятачок. Все, быстро!!!

Со стороны кухни шел аромат борща, и настроившиеся было на обед, недовольные «деды» пошли на пятак, где их уже ждал Пастух.

– Становись! – подождав, пока «деды» изобразят что-то похожее на строй, Пастух продолжил: – Не умаялись, господа?

Аркадий обвел тяжелым взглядом «дедов»: сказать, что они стояли стройной шеренгой и навтыжку было бы сильным преувеличением.

– Я вижу, вы на курорт приехали, позагорать, отдохнуть. Строй у вас как корова поссала. Пьяная при том корова. Приказы вам побоку. Сами себе господа, хотим в окопах загораем, хотим в палатке отдыхаем. Да, Трактор?

Трактор, он же Иван Борщев из Люберец, активно качался перед армией. Ростом почти с Кока, он был значительно шире в плечах и казался квадратным.

– Да на кой нужны эти окопы? А если уж сильно нужны, пусть молодые да черпаки копают, – прогудел Трактор.

– Зачем, говоришь? Ты сколько человек, знакомых близко, из твоего взвода например, домой в цинке проводил?

– Четверых.

– А я почти двадцать. И я очень хочу, чтобы вы все – и «деды», и «черпаки», и «молодые» – все вернулись домой. Что касается «пусть молодые копают» – объясняю: углубите траншеи, будете палатки в землю на полметра вкапывать, да еще и камушками обкладывать.

– А это еще зачем? – прогремел опять Трактор. – У тебя, что, совсем крыша поехала, сержант? Давай вообще под землю зароемся как кроты!

– Трактор, – спросил Пастух ласково, – ты ведь полтора года отслужил, правильно?

– Ну...

– Опыт боевой имеешь богатый?

– Ну...

– Гну!! Ответь мне, сержанту, у которого поехала крыша!! Ответь, что будет, если ночью вот здесь, посередине площадки – посередине, даже не у палаток – рванет одна, одна-единственная мина из тяжелого миномета? Я надеюсь, эту возможность ты не исключаяешь полностью и не считаешь моей больной фантазией. Не считаешь, спрашиваю?

– Нет.

– Прекрасно! Так вот, скажи, сколько человек после этого сами с коек поднимутся? Как ты думаешь, сколько? Половина, меньше? Можешь не отвечать, просто подумай. И вы все подумайте, – предложил Пастух спокойным тоном и тут же резко добавил: – Совсем на жаре от безделья раскисли? Сейчас развеетесь, поработаем чуток.

Пастух красноречиво ударил кулаком об ладонь.

– Значит так. Трактор, Кузя, Скворец – вы будете втроем. Остальные девять как хотите – по одному, по трое или все сразу, дело ваше. Завалите меня – я сам за вас всех траншею углублю. Нет – пашете без базаров. Согласны или боитесь?

Пастух понимал, что рискует, но уж больно разозлился он на «дедов», и его понесло. В клубе, кроме дзюдо, они еще подпольно занимались запрещенным тогда каратэ. Он не сдавал на пояс, но сэнсей говорил, что сдать на черный для него не было бы проблемой. Тем не менее, он рисковал: все-таки это была не дворовая шпана, а десантники, отслужившие в Афгане, как и он, по полтора года. Как говорится, «Или грудь в крестах, или голова в кустах». Не в первый раз он рисковал и не в последний. По большому счету ему было все равно, чем это все кончится.

«Деда» с радостью согласились. А чем они рисковали? Они были абсолютно уверены в успехе и не сомневались, что им предстоит вволю повеселиться, когда самоуверенный сержант будет ковырять за них всех траншею. А нет – так они ничего не теряли.

– Вот и прекрасно, раз согласны. Надеюсь, баб среди вас нет и все за свои слова отвечают. Правило простое: упал – за три секунды не поднялся – выбыл. Начнем.

Сначала Пастух вывел из строя Кузю и Скворца. С Трактором пришлось повозиться: тяжелый и не очень быстрый, он был все-таки довольно силен, и попасть под его удар значило уйти в кратковременный отпуск – поваляться минут пять на земле. При этом самого Трактора свалить было довольно хлопотно – он неплохо держал удар, и уже дважды упав на камни, не должен был подниматься – но ведь поднимался, черт эдакий. Быстрее, чем за три секунды поднимался. Аркадий и так был зол на него и поэтому, кажется, перестарался.

Когда Трактор попытался ударить его ногой, он перехватил ногу и сильно, до хруста вывернул ступню, и уже падавшему противнику от души врезал в нос. Собравшиеся «молодые» и «черпаки» с живым интересом наблюдали за «воспитательной работой». Дрался Пастух красиво, синтез дзюдо и каратэ давал прекрасные результаты. Пастух перехватил взгляд Наташи, которая откровенно любовалась им.

С остальными было проще, но нелегко. Когда Пастух раскидал последнюю четверку, у него наливался синяк под левым глазом, саднило содранное о камни плечо и болело правое ухо – это левша Куница постарался. Впрочем, у «дедов» украшений было больше. Никак не мог остановить кровь из носа Трактор – кажется, Пастух сломал его, и поделом. А вот то, что он заметно хромал – плохо: если вывих, то завтра будет лежать.

В принципе, на этом можно было закончить, но Аркадий вновь увидел, с какими глазами на него смотрела Наташа, и решил продолжить.

– Что, девочки, реванш не хотите взять? Еще под палатками углублять надо. Условия те же: вы все, я один, нападайте по сколько хотите. Проиграете – без базара копаете. Выиграете – я копаю один. Идет или слабо?

Перед смеющимися «молодыми» и «черпаками» «дедам» отступать было стыдно, лучше уж проиграть, получив парочку синяков, и они согласились.

– Товарищ сержант, вообще-то уже обед, чем вы там занимаетесь? – поинтересовался вышедший из палатки Мазута Конюх.

Следом вылез недовольный Мазута, он проиграл серию партий в нарды и ему пришлось кукарекать.

– Отрабатываем приемы рукопашного боя, товарищ старший лейтенант.

– А после обеда нельзя было?

– После обеда тяжело. Сейчас, разрешите товарищ старший лейтенант, еще буквально пару минут, – попросил Пастух и, дождавшись кивка взводного, повернулся к «дедам»:

– Продолжим?

И карусель закрутилась вновь. Трактор не смог принять участие и превратился в зрителя. Малахов с Мазутой так же как все наблюдали за схваткой, стоя поодаль.

– А он здорово дерется, этот сержант. Как думаешь, ты его сможешь сделать, а, Малахов? – спросил с легкой издевкой раздосадованный поражением Мазута.

– Вряд ли. Он действительно силен, – несколько рассеянно ответил Малахов.

Он перехватил взгляд, каким смотрела Наташа на дерущегося Пастуха. «А ведь точно влюбилась». И сердце вновь резанула боль ревности. Слухи ввали – Малахов совсем не тащил Наташу в Афганистан «чтобы вроде как избавиться».

Он увез ее домой, в Москву, и там без матери Наташа поддалась на уговоры и согласилась на аборт. «Дальние гарнизоны, перебои с водой, ты одна, я постоянно на службе, да как ты одна с маленьким ребенком? Давай потом, когда получу лет через пять капитана, заведем», – и т.д. и т.п.

Сделав аборт, Наташа полетела с ним в Ташкент, где он и сказал, что его направляют в Афганистан, надеясь, что Наташа вернется домой и все на этом кончится. Пара-тройка писем и – «пока, крошка».

Леший был прав: у Сергея действительно была присмотрена родителями невеста. Дочь генерала Куроедова, сослуживца отца и соседа по даче. Сергей и Жанна, которая была младше его на три года, дружили с детства и даже целовались, когда он приезжал пару раз из училища. А Наташа? Наташа влюбилась в него по уши. Это приятно когда тебя любят. Но полюбились и хватит. У него своя жизнь, у нее своя.

Но неожиданно, казалось, охладевшая после аборта, Наташа вдруг уперлась и отказалась возвращаться домой. «Поеду с тобой и все тут», – заявила она и, узнав, что в Ташкенте находится командир полка, заставила Сергея пойти с ней к нему и от их лица упростила его помочь им. Полковник Смирнов был в приятельских отношениях с генералом Малаховым. Решив, что просьба исходит от сына его друга, обещал помочь. И всего за день решил вопрос – так в качестве гражданского специалиста Наташа приехала с Малаховым в Афганистан. Оставалось только надеяться, что трудности службы охладят ее желание быть женой офицера. А вот в чем Леший был прав – так в том, что Малахов действительно надеялся на то, что Наташа влюбится в кого другого. Сержант подвернулся как нельзя кстати.

«Вот только почему же на сердце так погано, черт бы меня побрал?» – спросил лейтенант себя.

Между тем события на пятаке развивались своим чередом: Пастух отделявал «дедов» по второму кругу. Опять броски, увороты, удары и даже захваты. Через пять минут все было кончено. Пастух опять остался стоять один. К уже имеющимся украшениям прибавилась пара ссадин и разбитый нос. Но настроение было прекрасное. Вопрос с «дедами» был решен должным образом.

– Закончите закапываться – займусь с вами рукопашкой: деретесь вы отвратительно. Заставлять никого не буду, учить буду только тех, кто хочет. Сейчас мыться и обед.

Помывшись, Аркадий ждал пока «деды» приведут себя в порядок, когда к нему подошел Кок с неизменно виснувшим на нем Перцем.

– А говорил, дзю-до да дзю-после занимался. Сдается мне, не только, а, Пастух? – ехидно спросил Перец.

– Не только, карате еще немного, – без особой охоты признал Аркадий.

– Немного? – иронично переспросил Перец.

– Немного, – последовал спокойный ответ.

– Пастух, а почему тебя Пастухом назвали? Ты же вроде не из деревенских будешь. Или твое Ванино – это большая деревня? – продолжил допытываться Перец.

Нет, этот Перец определенно утомлял. Дал Бог землю, елки-палки.

– Меня Аркадий зовут...

– Извините, товарищ САМЫЙ СТАРШИЙ сержант, нас за то, что мы нарушили субординацию! Обязуемся впредь... – горячо затараторил Перец.

– Аркадий! – резко перебил его Пастух и, убедившись, что Перец замолк, уже спокойно добавил: – Аркадий в переводе с греческого значит «пастух».

– А-а-а... А то мы подумали...

– Знаю я, о чем ты подумал, – опять прервал Перца Пастух. – Ты ошибся. Ну что там, все помылись? Пошли строиться и обедать, а то Конюх заждался уже.

В течение недели после этого взвод сначала углубил траншеи, а потом копал площадки под палатками. «Деды» держали слово и работали без халтуры. Также по внешнему краю траншеи напротив каждого прохода были сложены, опять же из камня, небольшие дувалы метра два длиной, чтобы бойцы, не дай Бог бой, могли спокойно разбежаться по окопам, не опасаясь наткнуться на огонь в упор. Как раз по окончании этих работ на высоту и прибыло пополнение.

Пастух спал после ночного наряда, когда его разбудил Перец.

– Рота, подъем! – заорал он чуть не в ухо и тут же на всякий случай отскочил – и правильно сделал.

Пастух схватил полукед и запустил в Перца. Тот, впрочем, без проблем увернулся.

– Убью урода когда-нибудь!! – пообещал Аркадий уже наверное в тысячный раз. – Кед принеси!

– Не гони волну, начальник, там на обед зовут. А кед... на, лови, – и Перец пнул обувку.

Сделав замысловатую петлю в воздухе, она аккуратно ударила Пастуха, как раз надевавшего другую, по макушке. Тот взревел:

– Я тебя точно сегодня грохну!

– Я нечаянно. А если у тебя кулаки чешутся, так там новые «духи» прибыли, говорят, один вроде каратист. Вот и проверь что почем. И вообще долго одеваешься, пошли жрать, елы-палы.

Уже ближе к ужину Пастух подозвал Перца.

– Давай приведи новичка, посмотрим, что там за каратист.

Перец вернулся с «духом», а за ними подтянулись любопытствующие.

– Кто такой? – спросил Пастух, разглядывая парня. Среднего роста, где-то метр семьдесят пять, с крепкими плечами.

– Рядовой Чуманов! – доложил тот немного скованно.

– Кличку дали?

Вновь прибывший, чуть смутившись, кивнул. Радостно оскалившись, Перец отрекомендовал:

– Чума!

– Годится. Действительно занимался карате?

– Ага! – с готовностью кивнул Чума.

– Сколько?

– Три года.

– Давай поработаем, посмотрим, что ты умеешь.

Пастух снял тельняшку и немного размялся. Чума последовал его примеру.

– Поехали.

Дрался Чума очевидно неплохо, но был скован. Пастух решил не спешить и дать парню возможность показать себя. Чума понемногу разошелся и даже перешел в наступление. Дав новичку показать все, на что тот был способен, Пастух тихонько приложился по носу новичка

и тут же от души основанием ладони в лоб, послав Чуму целовать землю. «Тихонько» – потому, что нос не превратился в бесформенную лепешку, а отделался лишь легким кровотечением.

– Да, Пастух. Крепкий орешек попался? – спросил Перец и Аркадий понял: наблюдавшие за схваткой бойцы решили, что он так долго возился потому, что просто не мог свалить Чуму раньше.

«Ну-ну, думайте как вам угодно, мне доказывать ничего не надо уже, а к Чуме, глядишь, меньше цепляться будут».

– В общем ничего, – и подойдя к встающему парню, подал руку и добавил: – В обороне повнимательней. А так вполне прилично дерешься.

– Ты давай позанимайся малость и вали Пастуха, а то его тут все боятся. А он сам ни ножа, ни... хм... ничего не боится, короче, – близость Пастуха все-таки заставила изменить Перца концовку блатной присказки.

– Щемит всех, даже стрелок перестал хамить, как он появился, – хлопнув Чуму по плечу, закончил Перец.

– Типун тебе на язык, Перец, не дай Бог накаркаешь! Вот уж действительно язык без костей, – Пастух не очень верил приметам, но придерживался правила «не буди лихо, пока оно тихо».

И все-таки Перец «накаркал». Часа через два, когда Пастух сидел в палатке и просматривал старый, до дыр зачитанный, с половиной страниц «заграничный» эротический журнал, раздался звук далекого выстрела – и тут же вскрикнула испуганно Наташа. Босиком в два прыжка Пастух вылетел из палатки и первым подскочил к кухне, где прижав руки к груди стояла, не дыша, бледная Наташа.

Девушка посмотрела на него растерянно, как бы ища защиты, даже сделала неосторожное движение навстречу. Но тут подлетел, оттолкнув Аркадия, Конюх, и она осталась стоять на месте.

– Что с тобой? – спросил тот, беглым взглядом осматривая Наташу, стараясь определить, не попала ли в нее пуля. В его голосе чувствовалась неподдельная озабоченность.

Пастух уже видел, что Наташу не задело. На одном из столбов, поддерживающих брезент над кухней, было видно входное отверстие от пули. Судя по всему, пуля просвистела совсем рядом с головой Наташи. Вот и испугалась, дело понятное. Похоже, этот снайпер или, как говорит Леший, стрелок пристреливается потихоньку. Надо что-то делать, или не сегодня-завтра он начнет валить ребят уже насмерть.

– Товарищ старший лейтенант, это может быть только местный. Надо положить пару залпов рядом с кишлаком и предупредить, что если этот долбаный снайпер кого-нибудь заденет, то следующий раз будем бить уже по кишлаку.

Малахов опешил. Повернувшись, он посмотрел на Пастуха, будто впервые увидел.

– Ты что, сержант, свихнулся? Что за методы? Там в кишлаке мирные декхане, женщины и дети. Между прочим, население этого кишлака очень дружелюбно настроено по отношению к нашим войскам. Там есть даже ячейка НДПА. Это верные и надежные наши друзья. Ты понял меня, сержант?

– Ну да... конечно... друзья... я понял. Председателем у них является Гасан, если не ошибаюсь. Я видел его на базе. Он пытается уйти с войсками в Союз. Только его не берут с колоннами, в Кабул посылают, гражданство получать. А это шибко хлопотно, однако, да неизвестно еще дадут или нет. Он прекрасно понимает, что в Союзе он никому не нужен.

– Откройте глаза лейтенант, – повысил голос Пастух, – какие, к лешему, друзья?! – Аркадий резко кивнул в сторону бетонки. – Там по бетонке почти каждый день уходят колонны. Мы уходим из Афгана. Это значит, что мы их предали. Предали всех, кто нам поверил и сотрудничал с нами и с властью. Сколько они проживут после нашего ухода? Полгода, месяц, неделю? А у них есть жены и дети. И тот же Гасан хочет жить и сохранить жизнь своим детям. А это

можно сделать только в обмен на наши жизни. Так что у нас нет больше друзей в этой стране, да и не было особо. Они понимают только силу, а то, что вы оставляете работу снайпера без внимания, – показатель слабости, и дальше будет хуже, потому что они будут нагнать, – завершил Пастух, пристально глядя в глаза Конюха.

Растерянность, вызванная страхом за Наташу, прошла, и Конюх несколько успокоился. Страх уступил место гневу, пробудившемуся от нахальства Пастуха, который поучал его – старшего лейтенанта – на глазах у всего взвода. Его, черт возьми, взвода!

– Сержант, занимайтесь своими непосредственными обязанностями. В ваших советах я не нуждаюсь. Снайпера рано или поздно Охотник выследит и уничтожит. Понятно? Все, можете идти. И приведите себя, в конце концов, в порядок. Какой пример вы подаете подчиненным? – Конюх отвернулся к Наташе.

– Охотник может и вычислит, да кабы слишком поздно для кого-то не оказалось. А я, в отличие от некоторых, свои обязанности выполняю сполна, и паек зря не ем, – закончил, уже отворачиваясь, Пастух.

Малахов сделал вид, что не услышал.

– Кок, займись ужином! – скомандовал он и, обняв Наташу за плечи, попытался увести ее палатку. Наташа, все еще бледная, неожиданно освободилась и поправив платок сказала:

– Со мной все в порядке, просто я немного испугалась. Я сама все доделаю, да и готово почти уже.

– Ну, как знаешь, – у Конюха не было желания уговаривать ее при всех, к тому же, кажется, это было бесполезно, и он ушел в палатку один.

– Правильно, Пастух, объясни лейтехе, кто здесь пастух, а кто подпасок, – прокомментировал увиденное Перец, не опасаясь, что Малахов может его услышать.

– Перец, тебя за язык часто били? – немного устало покосился Аркадий на ухмыляющегося как всегда Перца.

– Ага, – беспечно ответил тот.

Пастух огляделся, по глазам ребят он понял, что взвод на его стороне. В глазах Мазуты также читалось что-то очень уж похожее на одобрение.

– Ладно, цирк окончен, – сказал Аркадий и вернулся в палатку.

За столом Конюх и Пастух старательно не замечали друг друга. Сразу после ужина приехал Суржик с почтой. Аркадию было интересно, получит ли письмо Леший и что он с ним сделает. Ему почему-то казалось, что если Сергей получит письмо от жены, то на этот раз он его не разорвет. Лишь бы Перец не влез со своими комментариями. Сам Пастух писем не ждал – девчонки у него не было, а мать писала, как и он, нечасто. Когда Перец получил письмо и тут же принялся читать в сторонке, Аркадий с облегчением вздохнул. Потом два письма получил Леший, и взяв их, он ушел за дувал. Подождав минут пятнадцать, Аркадий отправился следом. Леший сидел на том же самом камне у танка, где они беседовали первый раз; зажав в руке письма, он смотрел застывшим взглядом на горы. Пастух присел рядом и тоже стал рассматривать невеселый окружающий пейзаж. Когда-то в ранней юности под впечатлением от песен Высоцкого он мечтал стать альпинистом, теперь он налазил по горам на всю жизнь и смотреть на них, если честно, было тошно. Пастух не спрашивал Лешего ни о чем, зачем? Захочет выговориться – и сам все расскажет, а если нет – то и спрашивать бесполезно. Они просидели молча минут пять, когда Леший, наконец, заговорил. Рассказывал он медленно, часто замолкая на пару минут прежде чем продолжить.

– Пишет: как узнала от матери, что я ее письма рву и на север собираюсь, так вот уже два с половиной года одно и то же письмо пишет. Кается... прощения просит...

Она ведь непьющая у меня, так, рюмашку выпьет для приличия и все. А этот козел специально подпоил ее: «вино это тот же компот». Ну а пьяная баба известное дело... себе не хозяйка, да и меня полтора года не было уже... Вот и потеряла голову.

Пишет, чтобы вернулся – что хочешь, говорит, делай, хоть бей каждый день, хоть че. Ноги, пишет, мыть буду и воду пить... Не вернешься, говорит, сына матери отдам, а сама утоплюсь... Вот так вот, – Леший опять надолго замолчал, уставившись на горы.

– И что делать решил? – счел нужным наконец спросить Пастух. Леший вздрогнул, будто дремал и его разбудили.

– Домой вернусь. Домой хочу... И армией, и горами этими сыт по горло. На север ехать нет никакого желания. В поле хочу, хлеб сеять. Я люблю в поле работать. Хлеб домашний хочу, чтоб только из печи. Ты ел когда деревенский хлеб, Пастух?

– В магазине продавали «сельский» хлеб.

– В магазине... Ты после армии ко мне в гости приезжай, я тебя настоящим хлебом накормлю. Домашний хлеб, когда он только из печи – у него такой дух, такой аромат... Как тебе объяснить... Это как песня, как душа... Да с парным молоком... Ничего больше не надо, ни денег, ни севера... Косить хочу... По росе босиком хочу... – Леший замолчал и мечтательно уставился на редкие облака, он был где-то далеко.

– Ты стихов случайно не пишешь, а, Леший?

– Пишу, только не показываю никому, – удивленно ответил Сергей. – А ты откуда узнал?

– Догадался. Дашь как-нибудь почитать, ладно? – Леший только кивнул в ответ.

– А с женой как решил?

– А что с женой? Я ее уже давно простил за измену... Обидно было, что наврала тогда. Ну, случилось – случилось... Сразу бы покаялась, так я бы домой сразу после срочной вернулся, наверное... Бить, конечно, я ее не буду. Я вообще не понимаю, как так можно бить бабу, а потом целовать? Хотя, говорят, некоторым вроде как нравится... Ольга не из таких... Или я не из таких...

У меня условие будет только одно. Приеду – скажу: «Хочешь жить, будет! только никаких аборт. Сколько даст бог детей, столько и будешь рожать». А не согласится – разведусь к черту.

– Бабы хитрые стали, двоих-троих рожают, редко кто четверых, а потом случись что – они шасть в район, в поликлинику на аборт и все...

– Когда я призвался, мы из района в город на электричке ехали. Автобус должен был увезти, да водила запил, а остальные или заняты, или сломаны. Вот мы на электричке и поехали. Там кто-то газету оставил, а в ней большая статья о вреде абортов. Ну, там, как вредно для женщин, что рождаемость падает, что-то еще, не помню. Но я никогда не забуду место, где описывали поздние аборты. Там уже человек угадывается. И когда их щипцами по кусочку вытаскивают, видно: вот ручку оторвали, вот ножку, вот головку щипцами раздавили. И это в утробе матери, в самом, казалось бы, безопасном месте для ребенка его так... – Леший скрипнул зубами и на некоторое время замолчал.

– Я как представил, что не дай бог, моего ребенка вот так щипцами на куски рвать будут, я в этой электричке чуть зубы на корню не стер. И решил – никаких абортов, сколько будет, столько и будет рожать без разговоров.

– Ладно, с женой понятно, а если где на стороне нагуляешь? Например, будешь на дембель ехать, снимешь девчонку, а она потом найдет тебя – так и так, беременна – что делать будешь? – задал провокационный вопрос Пастух.

От такого поворота Леший явно озадачился.

– У тебя много женщин было, Пастух?

– Много.

– Сколько?

– Не считал, много.

– А девчонки... ну, девственницы, были?

– Были, сколько не помню, а что?

– А они абортоты от тебя делали?

– Не знаю, это их дело. Ребенка я признаю только от законной жены, – последовал категоричный ответ.

Поняв, что его ответ не очень понравился Лешему, Пастух решил его обосновать.

– Со мной просто так легла и с другим ляжет, откуда я знаю, мой ребенок или нет. Сумела нагулять, пусть сама и разбирается со своими проблемами.

– А я не считаю, что это только их проблемы... Отец должен решать судьбу ребенка, и мне кажется, что не в меньшей, а в большей степени, чем мать. А насчет случайных связей... Тут все просто: не будет их – и проблем не будет. Мне и Ольги хватит, а домой поеду как-нибудь дотерплю, тем слаще встреча с женой будет.

А уж как приеду – три, четыре, пять, да хоть десять рожать будет. На дом колхоз материал даст, мать пишет – председатель зовет, хоть завтра приезжай и стройся. Хочешь – деревянную избу, хочешь – кирпичный дом. Нас в деревне ценят, знают, что мы, Кустовы, работающие, двужильные.

Я не хочу кирпичный, в них дышать нечем. Как вы в городах живете, не понимаю. Соберем родню, председатель людей даст – за неделю и дом, и баню, и сарай поставим. С голоду не умрем, учеба бесплатно, лечение бесплатно. А мебель да шмотье как получится. К земле они, шмотки-то лишние, душу притягивают. Вот так захочет душа полетать, а шмотки к земле тянут. Вот и ползают люди по земле, вместо того чтобы летать, а говорят «они крепко стоят на ногах».

Пастух, хоть и не видел в мечтах Лешего ничего привлекательного, вдруг остро позавидовал ему, человеку с босоногой душой, способной налегке улетать в небеса.

– Пошли, пора поверку проводить, – встрепенулся Леший, встал с камня и неожиданно засмеялся. – Здорово ты сегодня Конюха пропесочил. А с этим стрелком действительно надо что-то делать.

Все трое вновь прибывших бойцов – Чума, Заяц и Ерш – попали в отделение Пастуха. Вечером после отбоя Перец начал их «обучение».

– «Духи», день прошел! – начал он, а в ответ тишина.

– Я не понял, «духи», оборзели? А ну, строиться бегом, – рявкнул картинно, возмущенный тем, что его проигнорировали, Перец.

Впрочем, рявкнул вполголоса, ввиду того, что у палаток звукоизоляция отсутствовала как таковая. Вновь прибывшие бойцы построились посередине палатки.

– Так значит, «черпака» за человека не считаем? А вы знаете, кто такой «черпак»? – сурово спросил он молодых бойцов, в ответ те только отрицательно покачали головами.

Перец резко взмахнул рукой, ближний к нему Ерш испуганно отшатнулся. Перец довольно усмехнулся:

– Ссышь? Значит, уважаешь! И правильно делаешь, потому что «черпак» – это самый злой человек в армии, так как он уже много прослужил, и ему еще много осталось.

Читая нотацию, Перец ходил перед небольшим строем взад-вперед. В его походке и действиях было что-то среднее между важным генералом, занудным профессором и самодовольным индюком. Взвод, посмеиваясь, наблюдал за представлением. Комизм в ситуацию прибавляло то, что все трое молодых бойцов были заметно выше и значительно крепче Перца. Того, впрочем, этот факт не смущал.

– На «черпаках» держится вся армия. Так как «деды» не хотят, а «молодые» еще не могут нести службу так как положено. Поэтому «черпак» еще и самый уважаемый человек в армии. И вы меня, «черпака» советской армии, за человека не считаете, как я понял. Не уважаете, значит, совсем, да? – последовал вопрос с вселенской обидой в голосе.

– Уважаем! – ответили дружно Заяц и Ерш. Перец остановился перед Чумой.

- А ты, каратист, меня, значит, не уважаешь? – спросил он, смотря на Чуму снизу вверх.
- Уважаю, – неохотно ответил тот.
- Уважаєте, значит? Это хорошо. А почему не ответили, когда я начал вечернюю речевку?

А?!

- Мы не знаем, – последовал на этот раз уже дружный ответ.

Удивлению Перца, казалось, не будет предела. Он картинно всплеснул руками и развел их, призывая в свидетели столь вопиющему факту всех присутствующих:

– Не знаете?! И чему вас в учебке учили, спрашивается? Значит так, слушайте внимательно, рассказываю первый и последний раз. Запомнить трудно, но вы постарайтесь, – стал нагонять страху Перец.

(Так как оригинал речевки содержит ненормативную лексику, ее адаптированный вариант лишился рифмы)

– Итак, вечерняя речевка звучит так: я – «Духи, день прошел», вы – «Ну и черт с ним», я – «А завтра опять», вы – «ууу... блин!». Понятно?

– Да.

– Репетируем.

– Духи, день прошел!

– И черт с ним, – вразнобой ответили обучаемые.

– Я так понимаю, вы плохо поужинали, да? И говорить надо «Ну и черт с ним!», а не «И черт с ним». Я же говорил, слушайте внимательно. Так, еще раз, бодрей пожалуйста. Я вас очень прошу. Вы только вдумайтесь: я, целый «черпак» советской армии, прошу вас, духов вшивых, повторить правильно речевку. Всего-навсего. Я не понял, это что, так трудно? – голос Перца был трагический.

– Да нет.

– Духи, день прошел! – рявкнул Перец, резко поменяв тон.

– И черт с ним! – на этот раз ответ прозвучал достаточно громко и дружно.

– А завтра опять!

– Уууу... блин!

– Годится. По местам! – скомандовал Перец и, подождав когда они улягутся, продолжил:

– Отрепетировали, теперь премьера. Прошу всеобщего внимания и тишины! – попросил паяц и тут же выдал:

– Духи, день прошел!

– Ну и черт с ним!

– А завтра опять!

– Ууууу ...блин!

Позвучали бурные аплодисменты, расчувствовавшийся Перец, намочив слюной глаза, стер воображаемую слезу и раскланялся.

– Я еще сделаю из вас десантников, елы-палы, – с гордостью в голосе закончил он представление.

Через несколько минут в палатку вошел Пастух. Присев на кровать, он снял полукеды.

– Перец, если после отбоя из палатки будут доноситься твои вопли, я тебя так буду загружать днем, что ты будешь засыпать, не долетая до подушки. Понял?

– Пастух, я занимался обучением личного состава.

– Без тебя справлюсь.

– Я хотел...

– Отбой, Перец. Отбой.

На следующий день Конюх, невиданное дело, устроил развод, где озадачил всех делами на день. Пастух должен был выделить людей из своего отделения, чтобы выкопать углубление

под палаткой Конюха, и лично проследить, чтобы к вечеру было готово. Сам Малахов взялся заниматься с молодым пулеметчиком на БТРе. При этом Конюх был необычайно серьезен и даже суров. Взвод же посмеивался – похоже, вчерашние слова Пастуха всерьез зацепили лейтенанта.

– Чума, Перец, Куница и Кок, пока свободен от кухни, займетесь палаткой. Я вам тоже помогу малость, – распорядился Пастух.

Солдаты, убрав палатку и под чутким руководством Наташи переложив вещи, стали долбить камушки. Конюх ушел к БТРу и через некоторое время оттуда послышались короткие пулеметные очереди.

– Ты только не перестарайся, Пастух, а то если Конюх за службу всерьез возьмется – ой, боюсь, тяжело нам будет, – забеспокоился Перец.

– Это было бы хорошо, – рассеяно ответил Пастух, который почти открыто не спускал взгляд с Наташи.

Он чувствовал кураж: пока Конюх ударился в службу, надо найти способ хоть на короткое время уединиться с Наташей и попытаться для начала украсть у нее пару поцелуев. Вопрос, где? Ведь даже палатку Наташи с Конюхом сняли. Через некоторое время Кок отправился помогать ей чистить картошку.

– Сержант, ты всю Наташку глазами не съешь, нам оставь маленько.

– Заткнись, Перец!

Пастух был в напряженном ожидании. Он видел, что Наташа уже минут десять назад закинула в печь последнюю пару поленниц и должна была вот-вот отправиться за вагончик за новой партией. Он напряженно ждал, пойдет она сама или отправит Кока. Там, за вагончиком, Пастух и решил устроить встречу тет-а-тет. Когда Наташа в очередной раз посмотрела на огонь, Пастух решил: пора, и встав, не спеша направился к кухне. Наташа скользнула по нему взглядом и сделала вид, будто не видит. Поправив фартук, она отправилась за дровами. Пастух в это время поравнялся с чистившим картошку Коком и быстро осмотрелся. Тут же, словно желая подбодрить его, снова ударил пулемет – Конюх продолжал заниматься с Агрономом.

– Кок, смотри в оба, как появится Конюх – загреми какой-нибудь кастрюлей, – прошептал Пастух и, не дожидаясь ответа от опешившего Кока, скользнул за вагончик.

Как только он увидел стоявшую к нему спиной Наташу, которая, наклонившись, собирала дрова, кровь ударила ему в голову. Материал плотно обтянул очень соблазнительные очертания. Аркадий тихо поставил к вагончику автомат, который, в общем-то, был не нужен в данной ситуации, но Афган приучил держать оружие всегда под рукой. Аркадий нежно положил ладонь Наташе на попку и окончательно потерял голову...

Что было дальше, вы уже знаете. Когда Кок чем-то загремел, Пастух перемахнул через дувал и прошел быстрым шагом по траншее к проходу, находящемуся на востоке, в противоположной стороне от кухни. Постоял с минуту, восстанавливая дыхание. Войдя на высоту, он увидел выходящего на южную сторону Конюха.

Не торопясь и уже почти совершенно спокойный, он подошел к копающим.

– Неужто успел? – заинтригованно спросил Перец.

– Что успел? Ты о чем, Перец? – сделал Аркадий удивленно-непонимающее лицо.

И Перцу пришлось самому отвечать на свой вопрос:

– А ведь успел! Долго ли умеючи, да, Пастух? – с восхищением и нескрываемой завистью спросил он.

О близости с Наташей мечтал весь взвод, и вот нате вам, Пастух только прибыл и сразу в дамки.

«Точнее, в дамку», – мысленно поправил себя Перец.

– Умеючи, Перец, долго. Ладно, забыли! Все забыли. Ясно? – Аркадий обвел всех взглядом и вернулся к Перцу:

– Тебя особенно касается!

– Да что я, не понимаю, что ли? – попытался обидеться Перец.

По его глазам Пастух понял: вечером весь взвод будет знать, что случилось, и не ошибся.

Вечером вся высота, кроме Конюха, знала о randеву Пастуха с Наташей. Перец постарался, при этом рассказывал и о таких подробностях, о которых просто не мог знать. Правда, он благоразумно замолкал, когда в его поле зрения попадал Пастух, и всегда в конце рассказа добавлял, делая заговорщическую рожу: «Зуб даю, все так и было! Только это тайна, никому, понял?» – и не «слезал» со слушателя, пока тот не давал клятвы молчать до гробовой доски. В общем, повеселился Перец в тот вечер вволю.

Наташа же весь вечер была сама не своя, была рассеянной, нервной. Впервые за два месяца ее ужин явно не понравился бойцам: подгорела каша.

Вечером в палатке она села зашивать фартук, который порвала, когда... ну там. За вагончиком. Иголочка плохо слушалась, и Наташа несколько раз укололась, обзывала иголочку «заразой» и каждый раз лизала уколочный палец.

– Что с тобой, Наташ? Ты, часом, не беременна опять? – пошутил Конюх и поняв, что сморозил бестактность, попытался обнять жену.

Наташа вывернулась, сославшись на больную голову. Конюх не понимал, в чем дело: такой он видел Наташу впервые. Она словно не замечала его, а если точнее, он скорее мешал ей.

И тут вдруг Малахов вспомнил: перед обедом, когда он заходил в палатку Мазуты, он не видел ни Пастуха, ни Наташи.

«Черт, да неужели? – полыхнула огнем ревность. – Но где, черт меня побери?» – мысль казалась дикой: чтобы его Наташка с кем-то...

«Нет, не может быть! Хотя с Наташей явно что-то не так. Температуры нет, да и так видно – это у нее явно нервное.

Так, спокойно, что дальше, если где-то успели все-таки – например за вагончиком. А что тогда, что тогда? Да ничего, надо делать вид, что все в порядке. Вести себя по возможности естественно и наблюдать. Может, повезет и высмотрю чего. М-да... дела».

Несмотря на все попытки успокоиться, Конюх явно нервничал. Тут еще солдаты весь вечер шептались да посмеивались о чем-то, особенно языкастый Перец – и смотрел так, как будто знал о чем-то очень значительном и неизвестном взводному...

«Одно из двух: или у них все же что-то было, или у меня паранойя начинается. Будем надеяться на первое».

Наутро Наташа подтвердила опасения лейтенанта неожиданной просьбой:

– Сереж, я сегодня с Коком за водой съезжу?

– Зачем? – удивился Конюх.

– Я хочу в лавку Али зайти, а то у меня косметики уже совсем не осталось.

Насколько Сергей помнил, Наташа по приезду на высоту ни разу не красилась. И вот после странного вчерашнего вечера и всех подозрений такая просьба. «Для Пастуха собралась краситься, – уверенно решил Конюх. – Ну-ну, давай, красавица».

Лавка Али располагалась в кишлаке, лежащем километрах в двух севернее высоты, там, где «горлышко» переходило в долину. Кишлак лежал метрах в ста от «бетонки». Там был небольшой базарчик, стоящий уже прямо у дороги, где и находилась лавка Али, напоминающий супермаркет в телефонной будке. Купить можно было почти все, от порножурналов до японской аппаратуры, магнитофонов и телевизоров. Была там даже французская косметика, по крайней мере так утверждал хозяин магазина. Жил Али тут же, и лавка была открыта практически до полуночи. Основными покупателями были военные из возвращающихся домой колонн, да и с базы нет-нет заглядывали. Сегодня было воскресенье, и на базар, как обычно, должны были съехаться дехкане из соседних кишлаков.

Два-три раза в неделю Кок с Перцем ездили с бочкой за водой к ручью, что протекал еще северней кишлака примерно на полкилометра. Третьим обычно был Куница.

– Она ведь у тебя давно уже кончилась, косметика-то, – напомнил Малахов и наклонился чистить сапоги, искоса наблюдая за женой.

– Ну вот, значит давно надо было съездить, да я все не могла собраться, – просто, но не вполне естественно ответила Наташа.

– Съезжу, ладно? А то я тебе наверное и нравиться уже перестала? – врать Наташка не умела совсем, да и притворялась плохо.

– Это опасно, придется тебе сопровождение дать.

– А Кок с Перцем что, не сопровождение что ли? Да и что тут может случиться?

– Они не будут ждать. Оставят вас и за водой уедут, на обратном пути заберут.

– Давай с тобой поехали, – предложила Наташа

«Вот и про меня вспомнила, раз деваться некуда. Спасибо большое».

– Нет! – резче чем следовало ответил Конюх. – Я не могу. Ты же слышала, что меня некоторые упрекают в невыполнении своих обязанностей. Вот и буду выполнять. Езжай если хочешь, купи что надо. Я дам людей.

– Хорошо, – искренне обрадовалась Наташа, – Кок как всегда перед обедом поедет.

Повязав фартук, Наташа ушла готовить завтрак.

После завтрака Конюх позвонил Пастуху и приказал:

– Значит так, когда рядовой Потапов поедет за водой, с ним поедет моя жена. Она заедет на базар. Потапов оставит ее, наберет воду и на обратном пути заберет ее и сопровождающих. Вы, товарищ сержант, выделите ей в сопровождение двух бойцов. Скажем, Чуманова и Борщова.

Идея послать Чуму в кишлак сразу очень не понравилась Аркадию.

– Товарищ старший лейтенант, может не стоит Чуму посылать? Сегодня воскресенье, на базар народ собирается, а он только-только из учебки, не знаком с обстановкой. Не случилось бы чего.

За внешним спокойствием они оба скрывали взаимное раздражение. У Конюха получалось лучше.

– Товарищ старший сержант, вам разве неизвестно, что приказы выполняются, а не обсуждаются? Чуманов поедет не один, а с Борщовым, который достаточно опытен. Пусть привыкает, к тому же вы сами говорили, что дерется он хорошо, разве нет? А во избежание недоразумений, товарищ сержант, лично проинструктируйте молодого бойца о поведении в данной, как вы правильно заметили, сложной обстановке. Пусть привыкает. Вопросы есть?

– Есть. Может, лучше я сам съезжу?

– У тебя свои дела есть. Больше вопросов нет? Выполнять!

«Совсем обнаглел, уже в открытую с Наташкой просится на прогулку. Сейчас вот прямо и разрешу, ага», – думал Конюх, провожая сержанта мрачным взглядом.

А Пастуху ничего не оставалось, как только выполнять приказ.

– Чума, Трактор, давай сюда оба.

И хотя Чума был метров на десять дальше Трактора, он уже через пару секунд был рядом. Трактор же не спеша, вразвалочку подошел следом.

– Значит так, жена старшего лейтенанта сегодня в магазин поедет с Коком. Но Кок не будет ее ждать, а поедет за водой. Вы будете сопровождать ее в магазин, ну и на базар, если ей приспичит. Хотя так и так в магазин через базар придется идти, кажется? – вопросительно посмотрел Пастух на Трактора, тот кивнул в подтверждение его слов.

Аркадий повернулся к «молодому»:

– Значит так, Чума. Это не Союз, будешь ворон считать – тебе в пару секунд любой сопливый мальчишка глотку перережет. Внимательно смотри по сторонами, от Трактора ни на шаг.

Пастух говорил и видел, что Чума его вряд ли понимает. Слышит, согласно кивает головой, но не понимает и вряд ли поймет, пока пороху не понюхает. Он уже там, сопровождает Наташу, размечтался о чем-то, дурак!

– Чума, кончай мечтать! Что я сейчас сказал? Повтори!

– Ворон не считать, а то глотку перережут. От Трактора не отходить, смотреть по сторонам, – с готовностью ответил Чума.

– Внимание – самое главное! Понял?

– Так точно! – бодро ответил Чума, бодро и легко, а если точнее, то весело.

Его настроение совсем не нравилось Пастуху. Ну как человеку объяснить, что огонь – это больно? Все равно не поймет, пока не обожжется.

– Ладно, иди, – сказал Пастух и подождав, когда радостный, будто собрался в увольнительную, Чума отойдет, повернулся к Трактору: – Тебе придется за обоими присматривать – и за Наташей, и за Чумой, а то он, похоже, на прогулку собирается.

– Понятно. Не волнуйся, Пастух, все будет чинно.

Слова Трактора несколько успокоили Аркадия. В одиннадцать часов бочку подцепили к БТРу, и Кок с компанией оправился за водой, но на этот раз вместо Куницы поехал Заяц. Наташа в туго повязанном платке, в надежде спасти волосы от пыли, села со всеми на броню. Она мельком взглянула на Пастуха, только мельком, но этого хватило Аркадию, чтобы возникло острое желание, подхватив ее на руки, утащить за вагончик – и будь что будет. Он быстро отвернулся от БТРа, но успел перехватить взгляд Конюха.

«А ведь он, кажется, догадывается. И черт с ним!» – решил Пастух и пошел, как обычно перед обедом, заниматься с бойцами «рукопашкой».

Примерно через час, когда БТР уже должен был вернуться, из первой палатки, где стояла рация, выбежал радист Кузя и подбежал к Конюху.

– Товарищ старший лейтенант, там наши на связь вышли. Чума пропал.

– Что? Черт! – Конюх бросился в палатку.

Ни Пастух, ни другие бойцы, с которыми он занимался, не заметили этого. Через десять минут БТР вернулся. Конюх и Леший вышли его встречать. Пастух еще не знал о случившемся, но по напряженным лицам приехавших ребят понял: что-то случилось. Чумы среди них не было. Пастух обратил внимание на Зайца – у него был разбит нос и наливался свежий фингал под левым глазом. Ребята попрыгали с брони и направились к командиру. Наташу забыли, и Аркадий увидел, как она неловко спрыгнула с БТРа. Платье задралось, оголив ноги значительно выше колен. Наташа одернула платье, взяла пакет с покупками и растерянно направилась к мужу, который уже допрашивал Трактора.

– Рядовой Борщев, докладывай! Что там у вас случилось, черт вас возьми? – набросился он.

– Чума пропал! Все время был рядом – в магазине, на базаре тоже, там народу-то мало было, а он пропал. Вот только рядом был и смотрю – нет его. Ни звука, ни крика. Пропал и все. Ну, я вашу жену увел с базара к бетонке, от греха подальше. А там, как Кок вернулся за нами, мы на БТР и на базар. Кок пулемет на толпу, я ору – если парня не отдадут, будем стрелять. Они понимают, нет – черт знает. Дали пару очередей из автомата над толпой. Там крик началась, а тут вы приказали вернуться. Мы вернулись.

– Кто дал команду стрелять в кишлаке? Там мирные дехкане! Кто, я спрашиваю?!

– Никто, – мрачно ответил Трактор.

– Что за самоуправство, под трибунал захотел?

– Он все правильно сделал, по-другому парня не вытащить. Надо немедленно на броню и к кишлаку, иначе Чуму больше живым не увидим, – вмешался Пастух.

– Сержант! Я обойдусь без твоих советов, – резко ответил Конюх, развернувшись. – Леший, возьми отделение Байкала, поедем, разберемся, – впервые за два месяца своего командования взводом Конюх называл своих подчиненных по кличкам.

Байкал со своим отделением заняли место на броне, ошестинившись автоматами. К ним присоединились Конюх и Леший. Дернувшись и выплюнув клубы дыма, БТР пошел в сторону кишлака.

Оставшиеся бойцы вышли за границу дувала, провожая БТР. Пастух не верил, что Конюх сможет вытащить Чуму. Подошел Трактор. Аркадий мельком взглянул на него и опять стал смотреть в сторону уходящего БТРа.

– Зайцу за что перепало?

– Мы там кишлак на уши ставим, а этот «дух» давай докладывать быстрее Конюху, что да как. Конюх орет «возвращайтесь немедленно». Я ему говорю, Чуму вытаскивать надо пока не упрятали совсем, а он свое орет – возвращайтесь и все. Мы и вернулись, а что делать?

– Снимать штаны и бегать! Что делать? Смотреть надо было внимательней, просил же, черт тебя возьми! – прорычал Пастух. – Эх, Трактор, Трактор, как же ты его прозевал-то, а? – добавил он уже спокойней.

– Да черт его знает, как. Рядом был все время. Я, как ты и сказал, за обоими смотрел. Там хибары около базара, когда от Али идешь. Вот там он и пропал. Я больше по сторонам смотреть начал, народ все-таки немного, правда, но был. Я его всего-то на несколько секунд из поля зрения выпустил.

Трактор явно чувствовал на себе вину за пропавшего парня.

– Может, Конюх с Лешим его еще вытащат? – без особой надежды спросил он.

Пастух оглянулся на Наташу, стоявшую растерянно в стороне. Она, как и все, провожала встревоженным взглядом БТР и растерянно теребила кончик платка.

– Сомневаюсь. Не станет Конюх на рожон лезть, а Лешему тем более не даст.

– Почему? – спросил Трактор, в общем-то, уже зная ответ.

– Потому, что он у нас шибко правильный, однако.

БТР вернулся примерно через полчаса. Чумы с ними не было. Конюх сразу ушел в палатку. Пастух молча подошел к Лешему.

– Да он ничего и делать не стал, и нам не дал, – не дожидаясь вопроса, начал рассказывать Сергей. – Мы подъехали, а там на базаре уже нет никого. Он к Гасану, он там председатель ячейки, сам и организовал ее. Мне велел остаться – «и чтобы никаких эксцессов не было». Не знаю, о чем они там базарили. Вышел он минут через пять и приказал возвращаться. Я спросил его, что к чему. Он ответил, что Гасан говорит, клянется, что это не местные. Мол, грех гостей обижать. Кто-то из приезжавших на базар, говорит, парня наверное уволок. Обещал, говорит, все узнать и поклялся – если сможет, то вернет парня. А может, говорит, солдат ваш сам куда-нибудь слинял, в самоволку. Короче, Конюх вроде как поверил ему и теперь будет ждать новостей от Гасана. Вот так вот, Пастух. Гасан наш ангел-спаситель теперь.

– Я примерно так и думал. Конюх долбаный! Его дед, с шашкой наголо, здесь больше бы пользы принес, чем этот слюнтяй на БТРе. Помяни мое слово, Серый, Чуму мы больше живым не увидим.

Аркадий ошибся – сегодня он еще раз видел Чуму живым. Всего на несколько секунд, правда, но видел....

3

Взяв у Куницы, который был наблюдателем, бинокль, Перец рассматривал проходящую колонну. Он любил рассматривать возвращающиеся домой колонны. Обычно это поднимало ему настроение. «Люди домой возвращаются, мы тоже, значит, скоро вернемся». Вот и сегодня, после истории с Чумой, Перец пытался восстановить душевное равновесие испытанным способом. Да только ничего не получалось, на душе было по-прежнему гадко.

По трассе шли явно инженерные войска, было много вспомогательной и строительной техники.

– Нэ, я нэ понымаю, зачэм так дэлать, да? – спросил Цветочник, Гога из Грузии. Он не выращивал и никогда не торговал цветами, но на всех базарах Советского Союза можно было найти грузина, торгующего цветами. Он прослужил всего полгода и имел сильный акцент.

– Ну ладно, эсли я враг – убэй мэня, стрэляй, горло рэшь, а вот так издэваться зачэм, да? – вопрошал горячий Цветочник, сильно жестикулируя руками.

– А напугать нас хотят, вот и издеваются, – ответил мрачный Кок.

– Вашу мать!! – неожиданно выругался Перец и чуть не разбил бинокль о камни. – И так настроение дерьмо, а тут эти еще.

– Что лаешься? – спросил Кок.

– Второй грузовик с хвоста колонны, – пояснил ему Перец, протягивая бинокль.

Кок взял бинокль и направил его на колонну. Найдя второй с хвоста КамАЗ, Кок не сразу понял, что так взбесило Перца. Какие-то коробки, похоже, из жести, пара звездочек...

– Черт, обелиски, – упавшим голосом промолвил Кок и отдал бинокль, протянувшему руку Цветочнику.

– Вывозят, чтобы не надругались наверное, – высказал свою догадку Перец.

– Вах! – выдохнул Гога и отдал бинокль Кунице.

Они долго провожали взглядом колонну, в которой шел КамАЗ, груженный обелисками. И вдруг все четверо остро почувствовали, что это везут их обелиски, с их фотографиями и их именами. Казалось, напрягись и увидишь свои имена и написанные краской даты. Вот только напрягаться никому не хотелось. А может, просто страшно было...

Послышался шум приближающегося вертолета. Из вертушки, севшей чуть ли не на высоте, выпрыгнул комбат, майор Сизов. Не мудрствуя лукаво его называли Батя, как и многих других комбатов советской армии – если уважали, конечно. Неоригинально, но от души. Хотя солдаты и называли его Батя, ему только-только исполнилось тридцать пять, пять из которых он провел в Афганистане и еще два по госпиталям. Заработал четыре ранения различной степени тяжести, звание героя Союза, кучу орденов с медалями, а также язву и седую голову.

– Товарищ майор... – начал доклад Малахов, но Сизов прервал его:

– Где он?

– Сержанта Краснова заперли пока в каптерку, товарищ майор! – доложил Конюх и протянул рапорт.

– Я про Чуманова спрашиваю, – раздраженно буркнул Батя, посмотрев на Конюха как на умалишенного, и взял, не глядя, рапорт.

Конюх поежился и кивнул в сторону брезента, лежащего на «пятак»:

– Вон там.

– Давай полюбуемся на ваши успехи, товарищ старший лейтенант, – сказал Батя и пошел к «пятаку», туда уже подошел весь взвод.

Конюху ничего не оставалось, как двинуться следом за комбатом.

– Разверните, – коротко приказал Сизов.

Леший откинул брезент. Весь взвод увидел, как по лицу Бати прошла судорога и явственно послышался скрип зубов. Он долго смотрел, не отрываясь, на Чуму.

– Прости, парень, – прошептал он чуть слышно и уже громче добавил: —Закройте и отнесите на вертолет.

Несколько человек бросилось выполнять приказ.

– Рапорт готов, товарищ лейтенант? – спросил он. Тут же вспомнив о бумажке, поданной ему Малаховым: – Ах, да. Посмотрим, что вы тут написали.

– Так... Так... Сержант Краснов... – пробежал он взглядом по рапорту и с недоумением спросил: – Что вы мне дали, лейтенант?

– Рапорт, – мрачно ответил Конюх. Он понял, что комбат явно не на его стороне.

– Мне не интересны ваши взаимоотношения с сержантом Красновым. Меня интересует рапорт, где сказано, как во время выполнения вашего задания, не имеющего ничего общего с боевой задачей, поставленной перед взводом, у вас пропал рядовой Чуманов, – говоря это, комбат смотрел в глаза Малахову и медленно рвал его рапорт.

– Я не успел написать рапорт, товарищ майор. Сегодня напишу. Только рапорт о нападении на меня сержанта Краснова вы зря порвали. Я напишу новый, и если вы не примете его у меня, подам вышестоящему командованию. Вы не имеете права покрывать дебошира.

«Что ты там о себе думаешь, майор, да мой отец...», – говорил весь вид обиженного Конюха.

– Конечно я приму ваш рапорт, товарищ старший лейтенант – пока еще старший лейтенант. Только давайте подавать рапорта в хронологическом порядке. Сначала у вас пропал солдат, а уже потом возник конфликт с сержантом. Вот в этом порядке я и приму у вас рапорта, лейтенант.

Наклонившись к самому уху Малахова, комбат добавил:

– А как ты думаешь, если я спрошу, кто видел, как Пастух вмазал тебе – сколько человек выйдет из строя, а?

– Не знаю, – честно ответил, опешивший от такой постановки вопроса Конюх.

– Вот и подумай. Я ведь еще могу спросить, а не видел ли кто, как ты пьяный о камень споткнулся и упал. Сколько в строю останется, как думаешь?

Малахову ничего не оставалось, как вновь пожать плечами.

– Подумай, лейтенант, на досуге, а сейчас давай сюда Лешего и всех сержантов.

– И Краснова тоже?

– Я же сказал, ВСЕХ! – комбат тяжело присел на скамейку у обеденного стола.

– Есть! – ответил лейтенант и обернувшись скомандовал: – Леший, давай сюда со всеми сержантами, Краснова прихвати тоже.

Через минуту все стояли перед комбатом. Батя внимательно всех осмотрел, задержавшись на Пастухе.

– Значит так, ребята. У нас произошло существенное изменение обстановки, причем в худшую сторону. Правительство Наджабуллы от просьб отменить или задержать вывод советских войск перешло к откровенным провокациям. Правительственными войсками были обстреляны мирные кишлаки, лежащие вдоль трассы. Вдоль нашей трассы, километрах в полста южнее нас. На просьбы командования прекратить провокации правительственные войска ответили новыми обстрелами. Командованию ничего не оставалось, как обратиться к старейшинам и разъяснить ситуацию, а так же **УБЕДИТЕЛЬНО** попросить не трогать наши колонны. В результате наши колонны прошли без помех, в том числе и та, которая прошла сегодня мимо вас. Правительственные колонны с войсками, участвовавшими в обстрелах, и идущие следом за нашими, подверглись нападению. Как сами понимаете, все это приводит к дополнительному росту напряжения обстановки вокруг трассы. Я не имел право все это вам рассказывать, но я хочу, чтобы вы реально представляли себе положение дел.

Комбат повернулся к Конюху:

– Товарищ лейтенант, можете написать рапорт о разглашении мной секретных данных.

Куда писать знаете?

Красный как рак, готовый съесть комбата, Конюх кивнул головой.

Батя улыбнулся и продолжил:

– Вот и прекрасно. Но это еще не все плохие новости. Разведкой в горах замечен большой отряд моджахедов, направляющийся предположительно в нашу сторону. Их потеряли. В отряде ориентировочно двести-двести пятьдесят человек. Куда и зачем идут неизвестно. Вполне возможно, что это один из отрядов беспокойного «Панджшерского льва» Ахмад Шаха. Он уже несколько раз пытался устроить нападения на колонны, да без особого успеха. Похоже, что он еще не успокоился. Там в «вертушке» десяток ящиков с минами. Сегодня уже поздно, скоро стемнеет, а завтра с утра перекройте «горлышко» так, чтобы ни мимо вас, ни к вам ни одна тварь не проползла.

Далее. В связи с напряженной обстановкой приказываю: на связь выходить в два раза чаще. То есть, днем каждый час, а ночью, соответственно, каждые полчаса. Предупредительный залп артиллерии, «будильник», не через пять минут, а через три. Огонь артиллерии по ориентирам и выход группы поддержки так же еще через три минуты. Предупредите радиста, а то придется полбазы ночью по тревоге поднимать. Все понятно?

– Так точно.

– Вопросы, предложения есть?

– Товарищ майор, есть предложение перераспределить броню. Старший лейтенант Малахов поставил танк с БПМ и БТРом на южную сторону. БМД на севере, а восточная и западная стороны остались без брони. Предлагаю БТР и БМП с южной стороны перераспределить на восток и запад. Так же считаю целесообразным полностью обложить технику камнем не только с фронта, но и по флангам, – предложил Пастух.

Ему не хотелось поднимать этот вопрос перед комбатом, получалось, что он в какой-то мере «стучал» на неправильные действия Конюха. А «стучать» он не привык. Но ухудшение обстановки требовало укрепления обороноспособности. А на мнение Конюха было уже плевать, поэтому на его «дружеский» взгляд Пастух ответил таким же. Батя сделал вид, что не заметил эту «перестрелку».

– Пойдем посмотрим, – сказал он, вставая со скамейки, и в этот момент заметил подхлупившую Наташу, которая попыталась косметикой хоть как-то замаскировать красные глаза – получилось плохо.

– Чаю не хотите, товарищ комбат? – предложила она.

– Нет, – резко ответил ей Батя и, повернувшись к взводному, добавил: – Да, а жену вашу я забираю на базу. Там ей будет безопасней.

И многозначительно посмотрев на Конюха с Пастухом, еще добавил:

– Да и вам спокойней. Собирайтесь, дамочка, – пренебрежительно сказал он, обратившись к Наташе.

– На каком основании? – немного смутившись, все же спросила Наташа.

– Это приказ.

– Я нахожусь здесь по приказу командира полка, и только по его письменному приказу покину высоту, – ответила она уже твердо.

– Будет вам приказ, завтра. В письменном виде. Собирайтесь.

– Вот завтра и поеду. А сегодня остаюсь.

– Наташа, тебе лучше уехать. Здесь становится опасно. В любой момент может вспыхнуть бой, – попытался урезонить жену Малахов, но не тут-то было.

– Тем более. Я, кажется, здесь единственная медсестра. И если завтра может начаться бой, как вы говорите, то кто же будет перевязывать раненых? – ответила горячо Наташа и уже

совсем твердо и спокойно добавила: – Я останусь, пока мне не покажут приказ командира полка и не привезут смену.

Батя окинул Наташу взглядом с легкой смесью удивления и одобрения. Ни комбат, ни другие, ни тем более Конюх не ожидали от Наташи такого.

– Будь по-вашему. Будет вам завтра и смена, и приказ. А пока оставайтесь. До свидания.

– До свидания, – ответила, несколько растерявшись от легкой победы, Наташа.

Оглянувшись, она поняла, что поступила правильно. Во взглядах, которыми одарили ее бойцы, она прочла что-то такое, чего ей не хватало эти два месяца на высоте. До этой минуты на нее смотрели только как на в меру симпатичную женщину, которая была здесь единственной представительницей слабого пола и, следовательно, была вне конкуренции. Смотрели как на послушную жену, как на неплохого повара, но не более. Сейчас же на нее смотрели как на свою, как на бойца.

«Вот так. Все просто. Нужно просто принять самое решение и выполнить его. И не слушать, кто что там говорит. Ни маму, ни мужа. Самой принять решение и самой его выполнить, и люди будут смотреть на тебя так, как тебе хотелось бы. Вот только решение должно быть верное», – думала Наташа, смотря в спину уходящему комбату.

– Нахожу предложение сержанта правильным, товарищ лейтенант. Завтра перераспределите броню по флангам и обложите камнем по полной программе, – сказал Батя Малахову напоследок, – здесь достаточно и танка.

– Но товарищ подполковник, основная опасность идет с юга, а если мы обложим БТРы с трех сторон, мы лишим их маневра.

– Лейтенант, вас учили обсуждать приказы или выполнять? – в голосе Сизова сквозило явное раздражение.

– Выполнять, – коротко ответил Конюх.

– Вот и выполняйте, вы же не женщина, а офицер. Завтра с утра и займитесь. Все. Бывайте.

Козырнув, комбат направился к «вертушке». Все повернули назад.

– Пастух! – окликнул Аркадия отставший Конюх.

Пастух оглянулся и подошел к Малахову.

– Обо всем успел доложить, а, сержант?

Аркадий никому ничего не докладывал, осведомленность Бати о делах на высоте и для него была новостью. Но оправдываться перед Конюхом? Нет уж, увольте.

– Да я вообще все успеваю, – ответил он, с вызовом глядя в глаза лейтенанта.

У того исчезли последние сомнения. «Был Пастух с Наташкой, точно был». С какой радостью он бы сейчас врезал по этой наглой морде. Вот если бы об исходе этой драки никто не узнал, тогда он бы не стал себя сдерживать, а так... Его авторитет во взводе и так упал ниже плинтуса, не хватало еще и в драке этому сержанту проиграть.

– А ведь она из-за тебя за косметикой сорвалась, Пастух. Тебе захотела понравиться. Так что вины твоей в смерти Чумы, пожалуй, больше чем моей будет. Чисто по-мужски, между нами, признайся, Пастух – так ведь?

– Сейчас, признаюсь, «тыщу раз». Ага. Ты с больной головы на здоровую-то не вали, лейтенант. Я же тебе говорил, просил – не посылай «молодого». Меня нужно было послать, и было б тебе счастье, по любому. И Чума в живых остался бы, и твоя любимая карьера не пострадала. А если б повезло, то сейчас «вертушка» закутанным в брезент увозила бы меня. Вот счастья то... А, лейтенант?

– Да, сержант, я кажется действительно допустил серьезную ошибку. В следующий раз я буду более осмотрительным.

– Вот и поговорили. Разрешите идти?

– Иди, сержант, иди, – но не успел Аркадий сделать и пяти шагов, как лейтенант вновь окрикнул его: – Пастух, стой!

Он обернулся. Было видно, что взводный хочет, но никак не решается о чем-то спросить. Наконец, поколебавшись несколько секунд, Малахов нехотя произнес.

– Ладно, иди, сержант.

Только когда Пастух развернулся, по его губам скользнула усмешка: он знал, какой вопрос так и не решился задать Малахов. И правильно сделал, глупей вопроса трудно было придумать.

Войдя в палатку, Аркадий понял, что известие о возможном бое с большим отрядом моджахедов, а особенно смерть Чумы, сильно сказались на настроении бойцов. Чтобы как-то отвлечь их от тяжелых мыслей, Пастух решил применить старое эффективное средство:

– Значится так, «тухляк» с морд сняли и пошли чистить оружие.

– Так чистили уже сегодня... – начал было Перец.

– Еще раз почистишь, не рассыплешься, давай бегом, я сказал! – и, не дожидаясь исполнения приказа, вышел.

У стола стоял Леший и о чем-то беседовал с Байкалом.

– Серый, давай вытаскивай всех оружие чистить, пусть отвлекутся немного, а то смотреть тошно, как они себя жалеют.

– Добро. Байкал, давай всех сюда.

Через пару минут весь взвод чистил оружие, привычно расположившись за обеденным столом.

– Что-то мою пулю долго отливают... – затянул свою любимую песню Перец, но не тут-то было.

– Перец, заткнись! – послышалось сразу несколько голосов, но заставить замолчать Перца было не так просто.

– Что-то мою волю прячут, отнимают... – продолжил он настырно.

– В натуре, Перец, заткнись, без тебя тошно, – проворчал Кок. – Если глотку сильно драть охота, так давай что-нибудь повеселее.

– Про баб давай, да? – подал голос Цветочник.

– Про баб, говоришь? – задумался Перец и вдруг просиял.

Он вскочил на скамейку, вытянул руку, чем остро напомнил памятник Ленину и, подражая манере Маяковского, продекламировал:

Голые бабы
по небу летят,
В баню попал
реактивный снаряд.

Пару секунд понадобилось взводу, чтобы переварить и представить, что наплел Перец, потом грохнул взрыв хохота, который чуть не снес палатки.

4

Выпускной вечер подходил к концу. На сцене школьный ВИА «Фортуна» уже второй час выдавал все, на что был способен. Было перепето немало песен из репертуара «Битлз», «Машина Времени» и еще много чего. Ребята устали, сидящему на ударных Аркадию казалось, что палочки вот-вот выскочат из рук. И тут Мария Степановна по прозвищу Суслик решила прийти им на помощь:

– Кажется, наши музыканты устали. Давайте поблагодарим их!

Мария Степановна первая захлопала в ладоши, подавая пример. Все выпускники с восторгом ее поддержали.

Мария Степановна – завуч школы. Маленькая и пухленькая, она имела очень доброе лицо и удивительно приветливую улыбку.

– Спасибо, ребята, отдыхайте. Коля, давай включай свой магнитофон.

Зазвучала какая-то зарубежная группа, кажется АВВА, а может и нет. Мария Степановна не очень в них разбиралась – в отличие от своих выпускников, которые вновь задержались, словно подключенные в розетку.

Нет, Мария Степановна совершенно не понимала этих современных танцев! «Это не выпускной бал, а выпускная дискотека какая-то, вот в наше время... Вальс, рука в руке – и закружилась, и полетела... Опять ворчу. Постоянно ворчу, даже в мыслях! Наверное это потому, что я старею», – с легкой грустью подумала она. Впрочем, эта, уже ставшая привычной, мысль промелькнула и пропала, не сумев надолго испортить праздничного настроения. Мария Степановна присоединилась к своим уже бывшим ученикам и стала танцевать с ними. А танцевала она как... Короче, как умела, так и танцевала.

Аркадий закончивший восьмой класс, не успел спуститься со сцены, как к нему подошла Верка Скворцова.

– Пошли танцевать, художник, – крикнула она, стараясь перекрыть орущие динамики, и схватив его за руку, потащила в самую гущу танцующих.

Верка, первая школьная красавица, заскочила школу еще в прошлом году и пришла просто на выпускной бал. Она всегда нравилась Аркадию, но он не знал, как к ней, такой гордой и высокомерной, подойти. Старше на целых три года, она была к тому же всегда ощутимо выше его. Только недавно он узнал, что насколько Верка была красивой, настолько же она была и безотказной девушкой.

– А ты здорово вырос за последние два года, художник. В прошлом году еле до плеча доставал, а сейчас уже выше меня, – сказала смеющаяся красавица и, очевидно чтобы Аркадий не возгордился, добавила: – Чуть-чуть совсем, правда, но выше. Ты шампанское пил?

– Не успел еще, – скованно ответил растерявшийся от неожиданного внимания Аркадий.

– Пошли.

И Верка, не переставая танцевать, потащила Аркадия в раздевалку для артистов, где вдали от глаз Суслика выпускники выпивали потихоньку шампанское и портвейн.

– О, ударник, давай сюда! – загудел Паровоз и протянул Аркадию стакан, наполненный темно-красной жидкостью.

– Я шампанского хотел.

– Апууу... – надул щеки и развел руки в стороны Паровоз. Благодаря этой привычке делать «апууу» он и получил свое прозвище.

– Кончилось шампанское, вот портвейн, не робей, пей! Ты же дзюдоист у нас, спортсмен разрядник, елки-палки.

Аркадий взял стакан и одним махом выпил вязкую жидкость. Ему протянули конфету на закуску и он ее быстро схрумкал. Верка тоже выпила полстакана – только сейчас Аркадий понял, что это не первый ее стакан за вечер.

– Пошли, – опять потащила она его танцевать в полутемный актовый зал.

Начался медленный танец и Верка крепко прижалась к нему, закинув руки на плечи. Аркадий несмело обнял ее. Стакан портвейна быстро всосался в пустом желудке, в котором с обеда ничего не было, а это было часов двенадцать назад, между прочим. Да еще и Верка так сильно прижималась к нему и откровенно терлась, что робость быстро была забыта. Он, казалось, чувствовал каждую складку на ее теле. Сначала одна, а потом и другая рука прочно обосновались на ее упругой попке. Верка смеялась, что-то говорила, но Аркадий не слышал ее из-за музыки и ударившей в голову крови. Девушка что-то спросила. Он чисто автоматически

кивнул, и она вновь потащила его куда-то. Они вышли в коридор и быстро пробежали до другого конца. Верка, смеясь, дернула дверь в спортзал – та оказалась открыта, и она потащила его вовнутрь. Состояние уже начавшего догадываться, куда и зачем она его тащит, Аркадия полностью соответствовало «и хочется, и колется, и мама не велит». Верка дотащила его до кучи матов и уселась на них.

– Ну давай, если не боишься, научу тебя целоваться.

Аркадий сел рядом и чертовка тут же впилась ему в губы. Это был вовсе не первый его поцелуй и он, конечно, жаждал продолжения. После нескольких поцелуев его руки, погуляв по телу девушки, остановились на груди. Верка опять засмеялась и легла на маты, увлекая его за собой. Если поцелуи не были для Аркадия новостью, то о дальнейшем он догадывался смутно. Конечно, он вдоволь наслушался бахвальства старших пацанов, благодаря отцу насмотрелся журналов, но не больше. Вера лежала, закрыв глаза, одна нога была согнута в колене, платье съехало, обнажив бедро. Аркадий положил руку на торчащее вверх колено и медленно стал спускаться вниз. Девушка громко вздохнула и чуть раздвинула ноги. Рука спустилась в самый низ и погладила трусики в промежности.

Вера тихонько застонала и вновь впилась в губы парня, которого это не совсем устраивало, так как ему нравилось смотреть за все более смелыми действиями своей руки. Еще раз пройдя по промежности, рука нырнула в трусики, туда, где...

– Тревога!!! – закричала вдруг Вера, повернувшись к Пастуху, голос при этом у нее был мужской и шел откуда-то издалека.

Ударил автомат, ему тут же ответило несколько десятков других. «Духи» напали-таки на высоту. Не проснувшись толком, Пастух уже слетал с кровати, как и все, он спал одетым...

– Ты всерьез веришь, что «духи» нападут? – спросил его Леший, когда он вчера вечером предложил спать в форме.

– А шайтан их знает. Надейся на лучшее, готовься к худшему, – ответил он Лешему.

Его послушали, и все спали одетыми.

Влетев в свободно зашнурованные полукеды, схватив автомат и подсумок, он через мгновение первым вылетел из палатки и бросился к окопам. На западе от высоты в воздухе болталась осветительная ракета, и в ее свете тени метались, совершая дикий танец. Аркадий автоматически посмотрел на часы, стрелки показывали пять минут пятого. По высоте свистели пули, отыскивавшие щели между камнями дувала. Влетев в свой окоп, Пастух осмотрелся. С западной стороны на высоту вело наступление не меньше, а скорее больше двух сотен, одетых во все черное моджахедов. Он прислушался, стараясь определить по плотности огня, как обстоят дела на других сторонах. Если слух его не обманывал, на востоке «духов» было не меньше, на севере и юге поменьше, но тоже немало. И того не менее семи-восьми сотен душманов. Вот тебе и «отряд в двести-двести пятьдесят человек». Судя по всему, в горах «засветилась» только часть отряда.

Бойцы разбегались по окопам, занимая свои места. С Пастухом на западной стороне было еще шесть человек. «Духи» накатывали черной волной, угрожая с ходу опрокинуть оборону и «затопить» высоту. Чтобы этого не случилось, их надо было заставить лечь. В семь автоматов их было не остановить, да и высовываться было опасно. Душманы поливали окопы плотным огнем, не жалея патронов, и тот факт, что далеко не все целились, как-то не очень успокаивал. Вот уж действительно «свинцовый дождь», иначе не скажешь. Высунься – и кто-нибудь да попадет.

Аркадий невольно вспомнил рассказ одного деда, участвовавшего после войны в операциях по ликвидации бандеровцев на Украине.

– Вот загнали мы группу бандеровцев в небольшой овраг, а за оврагом тем поле, не высунешься. А там кусты: начнешь атаковать – сколько наших положат, аспиды? А кому охота умирать, когда война кончилась? Да и во время неохота, конечно, но тут особенно, победили –

живи и живи. Так нет, шваль всякая по земле ползает... Короче предлагают им сдаваться, а они в отказ. Тогда командир роты отдает приказ, и вся рота встает и поливая кусты из автоматов идет вперед. Рота – это ж больше сотни стволов враз по тем кустам, ливень свинцовый, самый настоящий. От кустов ничего и не осталось, и эти все в дырах, что твое решето. А на наших ни одной царапины. Вот так-то...

– Не стрелять! По команде гранатами! – крикнул Пастух, команду передали дальше.

Аркадий выглянул: до ближайших «духов» метров семьдесят – семьдесят пять. Достав гранаты Ф-1, он одну положил на бруствер, из другой выдернул чеку. До «духов» метров шестьдесят. Еще чуть-чуть.

– Аллаху Акбар!! Аллаху Акбар!!! – истошно заорали «духи».

– Один, один у вас аллах, и вы сейчас с ним встретитесь, суки!!

Когда осталось метров сорок пять, Пастух заорал:

– Гранатами огонь! – и швырнул гранату.

Выдернув чеку из второй, он послал ее следом. Загремевшая серия взрывов заставила духов лечь. Гулко ухнул танк. Забил пулемет БМД на северной стороне, следом присоединился БТР на юге. Пастух дал длинную, в полрощка очередь по моджахедам.

«Легли, уже хорошо. Полежат и, глядишь, отходить начнут, а там с базы огнем поддержат. Может, и отобьемся», – поменяв рожок, Пастух снова дал длинную очередь.

«Конюх, я твой нюх топтал. Душманы с востока и с запада прут, а броня вся на юге. Черт тебя поberi!» – про себя выругался Аркадий.

БТР с южной стороны, словно услышав его, развернул башню и стал поливать длинными очередями по западной стороне, не давая духам поднять голову. В воздухе болталось уже две осветительные ракеты, в их свете Пастух увидел, что душманы стали отползать назад.

«Так, отходят, хорошо. Молодец Агроном, догадался поддержать. Теперь, пушечки, давайте размолотите их к чертовой матери, а то ведь сейчас минометы установят и нам мало не покажется. А у них еще и пулеметы шибко большого калибра тоже, скорее всего, есть».

Тут в незащищенный бок БТРа один за другим ударила пара выстрелов из гранатометов. Пулемет захлебнулся, из БТРа повалил густой дым.

«Хана Агроному. Эх, не успели броню камнем обложить! – остро пожалел Пастух. – Тяжко без пулеметов будет! Да какого черта там база молчит?!»

Но база по-прежнему не спешила вносить свою лепту в бой. Аркадий посмотрел на часы – двенадцать минут пятого. Бой шел меньше десяти минут, достаточно, чтобы база успела ударить. Он побежал по траншее: «Ладно хоть углубили».

Добежал до ближайшего бойца, которым оказался Куница.

– Давай за гранатами! И узнай заодно у Цветочника, почему база молчит! – приказал ему Пастух

– Ага, – кивнул тот и побежал к проходу.

Мазута продолжал методично расстреливать «духов» из орудия и пулемета на юге. БМП также получил пробоину в незащищенный бок и замолчал. На северной стороне продолжал бить длинными очередями обложенный камнем со всех сторон БМД Байкала. В это время на высоте стали рваться мины.

Свою последнюю ночь на высоте Наташа так и не уснула. События последнего дня – ужасная смерть Чуманова, драка Пастуха с Малаховым, визит комбата – все это оказало на нее сильнейшее воздействие. А тут и еще возможное нападение моджахедов. Она рано легла спать и сделала вид, что уснула. Сергей долго не мог успокоиться, что бубнил под нос про «зарвавшегося майора» и «оборзевшего сержанта». Несколько раз выходил куда-то. Наконец, уже далеко за полночь, он уснул. А вот Наташа все никак не могла успокоиться и все спорила сама с собой:

– И зачем все-таки ты в Афганистан за Малаховым потащилась, девочка, только честно? Не из-за любви же?

– Нет, конечно! После аборта любовь как-то быстро растаяла. Просто как было возвращаться домой? Уехала невестой, будущей мамой, а вернулось бы кем? Ни мужа, ни ребенка. Во дворе бабушки на скамейках целыми днями сидят, косточки всем перемывают, идешь – каждый раз чувствуешь себя букашкой под микроскопом. Узнали бы, что к чему, живьем съели бы. А самое главное, как в глаза матери смотреть? По сути дела, сбежала, сделала аборт против воли матери и вот нате вам, приехала, жалейте меня.

Нет, домой никак нельзя было. Да и надежда была, что Сергей не врет и все еще любит, хотя конечно верилось уже с трудом. Вот и приехала с ним сюда.

– А сегодня зачем осталась?

– А что было делать, собрать вещички и бежать на базу послушной «дамочкой» – как презрительно тебя назвал комбат?

– А как он должен был тебя назвать, красавица моя? Человек из-за тебя погиб, Сергей с Аркадием собачатся тоже из-за тебя.

– Вот потому и осталась, чтобы доказать, что не «дамочка» и не кукла, а взрослый и самостоятельный человек.

– -Остаться-то ты осталась, девочка, а если действительно нападут, что делать будешь?

– А чему учили в медицинском, то и буду делать – раны перевязывать. Не дай Бог, конечно...

Она так и не уснула, когда раздался крик: «Тревога!!» – и поднялась страшная стрельба.

Наташа очень сильно испугалась. Сергей мигом оделся, схватил автомат и выскочил из палатки.

– Быстро на землю, из палатки ни ногой! – крикнул он напоследок.

Наташа послушно упала на пол палатки, застланный брезентом. Пули свистели, казалось, над самой головой. Она с трудом подавила в себе желание забраться под кровать. Посмотрев наверх, Наташа убедилась, что ей не показалось: в верхней части палатки было три отверстия от пуль, и четвертая появилась прямо на ее глазах.

«Мамочка, мамочка, что ж я, дура, не улетела с комбатом? Пошевелиться боишься от страха, куда там раненых перевязывать под огнем. Размечталась, курица!» – она чуть не заплакала от страха и бессилия.

Но все страхи и сомнения схлынули в одну секунду, когда Наташа услышала, как кто-то вскрикнул и через секунду стал материться.

«Ранили!» – хлестнула догадка, и, схватив сумку с медикаментами, она выскочила из палатки, уже почти не пригибаясь. Рядом с одной из больших палаток, зажав живот руками, лежал, стонал и матерился Охотник, его снайперская винтовка лежала рядом.

– Вашу мать, не успел ни разу выстрелить. Да пригнись ты, дура! – прикрикнул он, увидев Наташу, бегущую во весь рост.

– Спокойно, Охотник, спокойно. Сейчас обезболивающий сделаю, перебинтую и все будет хорошо. Потерпи немного.

Она терпеть не могла эти клички, которыми все называли друг друга на высоте, но что делать, если по именам она их просто не знала. Перевязав Охотника, она помогла ему перебраться в палатку. Углубления и сложенные вокруг палаток камни делали их относительно безопасными. Она бросила на пол одеяло с ближайшей койки, помогла Охотнику устроиться поудобней, дав ему даже подушку. Убедившись, что для него она сделала все, что могла, она, наконец, огляделась и увидела Гогу, Цветочника, лежавшего около радиостанции. Наташа бросилась к нему, но увидев большое темное пятно под его головой, она остановилась. Ей понадобилось несколько секунд, чтобы сделать шаг вперед. Аккуратно перевернув радиостанцию, она поняла: ее помощи не потребуется. Пуля вошла в левый висок, оставив лишь небольшое отверстие, зато

справа была черная дыра величиной с кулак. Положив его, Наташа медленно, как во сне, попятилась назад.

– Что с ним? – спросил из-за спины Охотник, вернув ее в реальность.

– Его убили, – ответила она еще отстраненно. – Я пошла, мне нужно туда, в окопы, там могут быть раненые.

Выйдя из палатки, она бросилась к окопам, выскочив на восточную сторону. Непрерывный свист пуль над головой и грохот боя уже не пугали, она просто старалась не замечать их. Она искала раненых, тех, кому была нужна ее помощь, тех, ради кого она осталась здесь...

– Раненые есть? – спросила она у первого попавшегося бойца.

– Там кричал кто-то, – махнул он вдоль окопа.

Наташа побежала и через несколько метров увидела Зайца, сидевшего на дне окопа. Он зажимал рукой шею. Рука и гимнастерка были в крови. Другой рукой он достал бинт и зубами срывал упаковку.

– Сейчас, я помогу тебе. Потерпи.

Артерия, кажется, не была перебита, но кровь все же шла очень сильно, и Наташа достала вату. Перебинтовав Зайца, она помогла ему встать и повела к палаткам. Заяц все больше вис на ней. Едва они вылезли из окопа, он потерял сознание и упал окончательно. Взяв его под мышки, Наташа потащила его волоком.

Тут кто-то подскочил:

– Давай помогу! – это был Куница. – Куда? – спросил он, подхватив Зайца.

– В эту палатку, – показала Наташа и первой нырнула вовнутрь.

Когда Куница вошел, она уже бросила еще одно одеяло на пол.

– Клади. Спасибо тебе, а то одна я бы не справилась, – Наташа, наконец, смогла вытереть заливавший глаза пот.

– Да не за что, – отмахнулся Куница и хотел было выйти, но увидел Цветочника, лежавшего рядом с рацией: – Дьявол! Гоги накрылся. Не знаешь, он на базу о нападении сообщил?

– Не знаю, я его уже мертвым застала, – ответила Наташа растерянно.

– Если не успел, хреново. Надо Пастуху сказать. Я пошел.

Он развернулся, чтобы выбежать из палатки. В этот момент на высоте стали рваться мины. Одна из первых мин, пробив палатку, упала аккуратно посередине между ребятами – Наташей, Куницей, Охотником и Зайцем.

«Мамочка», – единственное и последнее, что успела подумать Наташа.

Потом сотни иголок впились в нее, пытаясь разорвать в клочья, и отбросили в другой конец палатки.

И вдруг Наташа увидела всех ребят, всю высоту сверху. Бой был как на ладони. Все укрылись, как могли, спасаясь от плотного минометного огня. Вон перевязывает себе ногу Трактор, вон Кузя схватился за лицо и упал, а вон Перец бинтует плечо Коку. Надо туда, надо им помочь.

– Ты уже не можешь им помочь. Нам пора, полетели.

Наташа повернулась, рядом с ней, в воздухе, над высотой висели светлые и прозрачные Куница с Охотником. Посмотрев на себя, она увидела, что и она тоже была словно соткана из света.

– Все понятно. Нас убили, – с легкой грустью сказала она. – А где Заяц, он еще жив?

– Он раньше ушел, мы его уже мертвого несли, – ответил Куница. – Полетели, Наташа.

И взявшись за руки, они втроем полетели на север, в Россию, домой.

Коку в эту ночь тоже приснилась девчонка. Он сидел с ней в открытом кафе на берегу моря. На столе были шашлыки и холодное пиво в мокрых бутылках. Кок был в плавках, а напротив, в ярком купальнике, сидела грудастая Светка, и он ел ее «вприглядку» с шашлыком. Но видя Свету, он понимал, чувствовал всей душой, что это не она, а его первая любовь

Алсушка. Пытаясь понять, как так может быть, он затаился пивом. И вдруг его осенило: это СОН! Он еще не вернулся из Афганистана. Он не помнит дембель потому, что его не было, и поэтому, видя одну девчонку, чувствует другую. Следовательно, в любой момент может прозвучать «горячо любимая» команда «Подъем!».

Что делать? Хотелось и пиво попить, и шашлык доест, и с девчонкой, кем бы она ни была, Алсушкой или Светкой, поразвлекаться, и в море искупаться. Кок решил так: по быстрому доест шашлык, запивая пивом, потом схватит девчонку (интересно все же, кого из двух?) и утащит в море. А там поди пойми, купаются они, целуются, или еще чем занимаются. Овладеть девушкой на берегу он все же не решился, в надежде – а вдруг это все же не сон, а так, легкий солнечный удар? Кок быстро заглотал шашлык, залив его пивом под двусмысленные комментарии смеющейся Светки.

– Куда спешишь, оголодал совсем?

Потом он схватил уже не Свету, а Алсу за руку и бросился с ней к морю...

Добежать не успели.

Вместо привычного «Подъем!», прозвучало истошное: «Тревога!!!»

И тут же автоматные очереди подтвердили, что это действительно Афганистан.

Кок разлепил глаза, натянул кеды, схватил свой ручной пулемет и со всеми вместе вылетел из палатки. Едва прыгнув в окоп, он дал длинную очередь по наступающим стеной «духам».

– Не стрелять, по команде гранатами! – передали по цепочке приказ.

– Не стрелять, по команде гранатами! – передал Кок приказ дальше.

И только доставая гранаты понял, что левое плечо мокрое. Он пошевелил плечом, болело несильно, ранение движению не мешало, ну и Бог с ним! Перевязаться можно и потом.

– Гранатами огонь!! – донеслось до Кока.

– Гранатами огонь!! – крикнул он дальше и уже потом швырнул гранаты. Душманы сначала залегли, а потом отошли. Установив минометы, они начали обстрел высотки. Кок опустился на дно окопа, стараясь представить себя мышкой, в которую очень трудно попасть.

– Зема, тебя зацепили, суки! Давай перебинтуй. Раздевайся, – раздался над ухом голос Перца.

Кок остался в одной тельняшке. Перец быстро и умело перевязал его.

– Ниче, земля, до свадьбы заживет! – сказав это, Перец чуть не хлопнул сгоряча друга по раненому плечу.

– Откуда столько «духов» набежало, интересно? Отмахаемся, как думаешь? – задорно спросил он Кока.

– Не знаю, зема. Без базы вряд ли устоим, а она что-то молчит пока, – озабоченно ответил тот, к чему-то прислушиваясь. А потом выглянул из окопа.

– Идут, суки! – закричал он и припав к пулемету стал крыть длинными очередями, патроны быстро кончались.

Приходилось часто менять позиции. Помогало слабо, «духи» быстро вновь накрывали их плотным огнем.

– Перец, дуй за патронами, у меня последняя коробка, и гранат захвати, – крикнул Кок и снова дал очередь. Заметив краем глаза продолжавшего сидеть Перца, заорал на него:

– Че ты лыбишься, урод? Давай... за патронами... – закончил он уже упавшим голосом.

Точно посередине лба у Перца была красная точка, из которой точно на нос сбежала тонкая струйка крови. Только после этого Перец отвалился к стене окопа. Даже смерть не стерла улыбку с его лица, и казалось, что он усмехается и над ней. Для Кока будто выключили звук, и в совершенно, вот уж действительно, мертвой, тишине он услышал голос друга, который медленно пропел:

– Что-то мою пулю... Долго отливают...

– Вот и отлили твою пулю, земля, – Кок протянул руку и закрыл Перцу глаза.

И тут же грохот боя обрушился на него так, что он даже вздрогнул.

– Прощай, Марат, – помедлив еще пару секунд около друга, Кок побежал за патронами.

На ходу отстегнув пустую коробку, он влетел в «арсенал». Зарядив пулемет, схватил еще две коробки и только сделал шаг на выход, когда рядом с вагончиком, перед самым выходом, разорвалась мина. Кока швырнуло вовнутрь, сверху на лицо упал цинк с патронами и он потерял сознание.

Мазута почти полностью расчистил южную сторону, по крайней мере «духи» больше не подавали признаков активности.

– Так, у нас вроде чисто, как там с других сторон, интересно, – спросил сам себя лейтенант Смирнов, и тут же выругался. – БТР и БМП мешают, один горит, другой дымит – ни черта не видно. Но, похоже, основные удары с флангов, надо помочь ребятам. Семка, давай на западную сторону.

– Под гранатометы подставимся, командир, – испуганно возразил механик-водитель.

– Выполнять!

Танк развернулся и пошел вдоль окопов. Выйдя на западную сторону, тут же дал залп осколочным снарядом, сметя два минометных расчета. Пулеметчик, Стас, бил длинными очередями, не давая противнику подняться. Вот тут бы остановиться, да развернуться к противнику лобовой броней, но танк, повернув башню примерно на сорок пять градусов, медленно продолжал идти вдоль позиций. Мазута успел дать еще три залпа, когда в бок танка один за другим ударили три гранатометчика. Танк замер, замолчав. Открылся башенный люк, оттуда повалил дым. Кто-то, кажется лейтенант, попытался выбраться. Показались руки, потом гермошлем, но сил не хватило, и танкист упал обратно. Механик-водитель смог выбраться, но не успел сделать и пяти шагов, как получил очередь поперек груди. Выронив автомат и раскинув руки, будто собрался обнять землю, он рухнул на камни.

Когда «духи» во второй раз пошли в атаку, на северной стороне их снова встретил огонь БМД. Каменный «щит» принял на себя несколько ударов гранатометов и был почти разрушен, но БМД был пока цел. Байкал скопил еще десятка полтора моджахедов, когда БМД все-таки подожгли. Байкал продолжал стрелять, хотя из-за огня и дыма мало что видел, он продолжал вести огонь до тех пор, пока еще один взрыв не выбросил его из жизни.

Пастух стрелял короткими очередями. Когда очередной рожок опустел, он зарядил последний и прислушался. С его западной стороны отвечал только один автомат с другого конца траншеи. «Черт! Неужели всех положили? – пробил его ледяной озноб. – Что вообще происходит?»

В это время на их сторону вышел танк, сразу заставивший «духов» залечь.

– Так, Василий, ты пока тут повоюй, а я посмотрю, что, собственно, происходит.

Пастух побежал по траншее. Сначала он наткнулся на Кузю, лежавшего с окровавленным лицом. Наклонившись, Пастух попытался нащупать пульс – пульса не было, и он побежал дальше. Следующим сидел Перец. Вступившая в свои права смерть все-таки стерла улыбку с его лица. Перец сидел, прислонившись к стенке. Он выглядел непривычно серьезным, таким его Пастух еще и не видел. Смерть сняла с него маску шута, а каким он был под маской на самом деле, уже не узнаешь. Наверно поэтому горечь потери была еще сильнее.

– Ох, ребята, ребята! Что же вы делаете? Куда ж вы все уходите? С кем я домой-то возвращаться буду?

В это время душманам удалось подбить танк, и они снова пошли вперед. Выхватив последнюю гранату, Аркадий, сильно размахнувшись, швырнул ее в «духов», до которых было еще не меньше метров восьмидесяти, в надежде хоть чуть-чуть их затормозить.

– Черт, да куда же Куница пропал? – выпустив в наступающих пару коротких очередей, он побежал к «арсеналу».

Взлетев на высоту, он сразу увидел, что палатка второго отделения валяется порванной тряпкой. Посреди того места, где она когда-то стояла, валялась разбитая взрывом рация. Рядом лежал Цветочник. Взрыв раскидал ребят и койки. Увидев Наташу, лежавшую в углу, Пастух подбежал к ней, а вдруг... Но этой слабой надежде не суждено было сбыться. Наташа вся была в крови. Осколки не пощадил ни тело, ни руки, ни ноги. Только лицо, спокойное и какое-то светлое, было совершенно чистым. Подойдя к ней, он присел, ноги превратились в студень и не хотели держать враз потяжелевшее тело. Он погладил ее по волосам, закрыл глаза. «Не надо было, милая, тебя спрашивать, а хватать в охапку и в вертолет. Покричала, побрыкалась, поплакала бы – не беда, зато сейчас живой была бы». Пастух застыл на корточках и все гладил медленно и нежно Наташу по голове.

Стремительно светало, новый день предъявлял свои права. И тут над высотой разорвались осветительные снаряды – это база напоминала о пропущенном сеансе связи.

– Вот и «будильник», а мы уже давно не спим, – равнодушно и немного приторможенно проговорил Аркадий, продолжая гладить Наташу по голове. – Еще через три минуты начнут лупить пушки, а потом вертушки и ребята на броне. Жаль, поздно...

Еще вчера Пастух, казалось, не чувствовал к Наташе ничего, кроме легкой симпатии. Скажи ему, что он ее полюбил, так ведь на смех поднял бы, а если бы это сказал Перец, в своей восхитительно-деликатной манере, так по физиономии точно бы получил.

Ну поприжал за сараем, и что? Еще до армии Аркадий был твердо убежден, что «половое сношение не повод для знакомства». Сколько их таких у него было? И вот пойдя же ты: Наташу убили, и сердце сковало льдом, и стало незачем жить и воевать, стало все равно, чем кончится этот бой, да и вообще все...

«А ведь и не поговорили даже ни разу, – обожгла Аркадия неожиданная мысль. – Да что там не поговорили, пара слов, там, за вагончиком, и ВСЕ!»

– Господи, да когда же ты меня-то забереешь? Я уже устал хоронить других!! – закричал он в небо.

После того, как разорвались осветительные снаряды «будильника», то ли зная, что будет дальше, то ли случайно, но «духи» в едином порыве, бегом, в полный рост бросились к высоте, продолжая поливать окопы свинцовым дождем. Встречать их было почти некому. Они перепрыгивали через окопы, не обращая особого внимания на еще живых и сопротивляющихся десантников. Пользуясь этим, Леший, орудуя штык-ножом, положил двоих и вогнал его в сердце третьему, когда очередной моджахед, перепрыгивая через окоп, даже не остановившись – мимоходом – послал ему в спину очередь. Следующий шаг стал для него последним: штык-нож Лешего вошел ему в шею, аккуратно под ухом. Прежде чем закрыть глаза, Леший успел еще улыбнуться и лишь потом, прямой как оловянный солдатик, упал на спину.

Аркадий все еще гладил волосы Наташи, когда сработал «сторож», руки сами – быстро, но аккуратно отложили голову девушки и схватили автомат. В ту же секунду, с восточной стороны, на высоту стали проникать «духи». Как тараканы из всех щелей, через проход, через разрушенный местами дувал, а то и перелезая его.

Пастух бросился к южной стороне, выпустив на ходу остатки патронов. Влетев в траншею, он бросился к своей, западной стороне. Почти сразу наткнулся на Скворца. Похоже, тот погиб в первые минуты боя. Аркадий нашел у него три рожка и еще один отстегнул от автомата. Менять оружие он не хотел. Потому что свое оружие – это СВОЕ ОРУЖИЕ! Там же он нашел две гранаты. Вставив рожок, на ходу рассовывая это богатство по карманам, он побежал дальше, пытаясь зайти в спину «духам», прошедшим на высоту с запада.

Над головой ударила очередь, кто-то все-таки бросился за ним в погоню. «Долго думаете, ребята!» – усмехнулся он, послав очередь в ответ. Из прохода выскочило несколько «духов», устраивать дуэль было чревато и Пастух просто швырнул в них пару гранат, после чего скрылся за угол траншеи. Но еще до этого он услышал восторженное: «Аллах Акбар!!»

Едва завернув, увидел моджахеда с черной всклокоченной бородой, который перерезал горло лежащего на земле Марадонны. Похоже, тот был уже мертв или серьезно ранен. Аркадий автоматной очередью опрокинул «духа» на спину, но опоздал. Моджахед успел перерезать парню горло.

В это время, так и не дождавшись выхода на связь высоты, в бой наконец-то вмешалась база, и вокруг высоты загремели взрывы, а «духи» еще перепрыгивали через окопы, стремясь быстрее оказаться на высоте, не сообразив в горячке, что в окопах гораздо безопасней.

Став как на картинке «Стрельба из положения стоя», Пастух стал расстреливать отставших «духов» короткими очередями, словно на стрельбище. Ему удалось отправить к праотцам пятерых моджахедов, когда, полоснув окоп очередью, на Пастуха прыгнул шестой. Аркадия словно кувалдой ударило в правый бок и откинуло к стенке окопа, но и его ответная очередь откинула нападавшего. Пастух посмотрел на быстро намокающий бок и болезненно поморщился: «Еще одна дырка, они, похоже, решили, что я из резины».

Он хотел было перезарядить автомат, когда узнал последнего, только что убитого им «духа». Это был Гасан, тот самый председатель ячейки НДПА в кишлаке, лежащем за их спиной. Встречались они лишь однажды, когда Пастух три недели назад прибыл из госпиталя на базу...

... Выпрыгнув из вертолета, Аркадий спросил у одного из подбежавших разгружать «вертушку» пехотинцев:

– Где штаб десантного батальона?

– Иди по дороге, – махнул тот рукой, показывая направление, хотя нужды в этом не было – дорога была одна. – С того края базы, с правой стороны ваш штаб, увидишь.

– Спасибо! – поблагодарил его Пастух.

«Меня послали, и я с благодарностью пошел», – подумал он, криво улыбнувшись.

Подходя к штабу, он увидел комбата – Батю. Тот разговаривал с каким-то декханином. Точнее, говорил больше афганец. Говорил явно горячась и при этом бурно жестикулируя, а хмурый Батя скупно и неохотно отвечал, пару раз пожав плечами.

Когда разговор закончился, декханин отвернулся и Пастух увидел его глаза. В них бушевал океан чувств: и разочарование, и безнадежность, но пожалуй сильнее всего – ненависть. Когда афганец увидел Аркадия, его взгляд мгновенно смягчился и он приветливо, даже заискивающе, улыбнулся. Потом отвязал привязанного к столбику, нагруженного поклажей ишака и, заметно прихрамывая, отправился вон с базы, не забыв так же вежливо попрощаться с Батей. Тот задумчиво посмотрел ему вслед. Потом увидел Аркадия и скупно улыбнулся.

– Здорово, герой! Уже выздоровел, значит?

– Более-менее, товарищ майор.

– Орден получил?

Аркадий отрицательно мотнул головой.

– Ничего, скоро получишь. Документы ушли почти сразу.

Комбат замолчал и после продолжительной паузы, наконец, спросил:

– Про ребят знаешь?

В ответ последовал утвердительный кивок головой.

– Жаль ребят. Хорошая была группа.

– Их нашли? – последовал мрачный вопрос.

– Мы даже не знаем, в чью засаду они попали. Выкуп за тела тоже никто не просил пока.

Что странно.

– Может, это не афганцы были?

– Может быть.

– Ребят там... А я в госпитале как кусок дерма провалялся... – сплунув себе под ноги, выругался Аркадий.

– Это ты брось! – сурово приказал Батя. – Не казись. Твоей вины в их смерти нет. Зайди-ка ко мне.

Они вошли в кабинет, и Батя достал два стакана и разлил по ним спирт из фляги.

– Помянем ребят.

Молча выпив, Пастух отказался от протянутого куска хлеба и просто занюхал кулаком. Они опять вышли на улицу.

– А кто это у тебя был, Бать?

– Когда? – переспросил комбат.

– Да передо мной, афганец.

– Ах, этот... Это Гасан, он из кишлака, что в паре километров отсюда. Воевал в правительственных войсках, списали по ранению. Вернулся домой, организовал ячейку НДПА. Сейчас просится в Союз.

– После нашего ухода ему тут долго прожить не дадут. Командование говорит, не имеем права. Пусть едет в Кабул, обращается в посольство и получает, как положено, визу, потом гражданство, если дадут. А у него в семье пять человек детей. На поездку ни времени, ни денег. Просит отправить его в Союз с любой колонной, авось оттуда не выгонят. Да кто ж его возьмет? Да даже если и возьмет, кто его через границу пустит без визы?

Вот так сержант, нужны были люди – агитировали за советскую власть, а теперь уходим и бросаем. На верную смерть, между прочим, бросаем...

Батя хотел еще, что-то добавить, но подбежал связист.

– Товарищ майор, вас командир полка вызывает.

– Иду. А ты давай бегом узнай, уехал Суржик или нет. Если не уехал, пусть сержанта захватит. Бегом!

Повернувшись к Аркадию, комбат не спеша добавил:

– Давай, Пастух, служи, да повнимательнее там. Там лейтенант...

Пастуху показалось, что по лицу комбата скользнула кривая усмешка, впрочем, может только показалось. Тем временем комбат продолжал, смотря в глаза Аркадия:

– Молодой, а обстановка тихая, как бы они там не расслабились. Ты уж присмотри за порядком. Давай, Пастух, я на тебя и на Лешего надеюсь!

И хлопнув его по плечу, комбат резко развернулся и направился к штабу.

Связист с веселой улыбкой обратился к Пастуху:

– Пошли вместе, если Суржик не уехал, сразу и поедешь. Повезло тебе – на высоте не служба, а санаторий по сравнению с теми, кто по горам-то лазит...

...И вот этот председатель ячейки НДПА, «верный друг», лежал перед Пастухом с пробитой очередью грудью, отхаркиваясь кровью. Пастух медленно опустился на колени рядом с Гасаном.

– Сука, я же говорил, что это местные... – отрешенно и тихо, почти шепотом сказал он. – Я же говорил, что это местные.

Пастух отпустил автомат и все так же медленно взял моджахеда за грудки.

– Это ведь вы, Гасан, вы все сделали. И стрелок ваш был, и из Чумы «красный тюльпан» тоже вы сделали, и мины тоже вы сняли, козлы!

Аркадий тряс Гасана, постепенно говоря все громче и быстрее. И вот он уже орал в лицо умирающего афганца:

– И ребят, и Наташку вы, суки, убили! Да?! Да, Гасан?! Я тебя спрашиваю!! – он орал и тряс Гасана, но тот уже не мог ответить. Гасан был мертв.

– Это ты рассказал им, как все расположено, да? Ты провел их мимо мин, ты рассказал, как лучше нападать, да, тварь?! Ты?!

Трясший мертвого Гасана Пастух, конечно, ошибался. Для того чтобы узнать, как построена оборона на высоте, достаточно было одного взгляда с окрестных гор. Моджахеды вообще не

должны были нападать на высоту этой ночью, они должны были пройти мимо, в кишлак Гасана. Отсидевшись там днем, ночью они хотели атаковать базу, а уже другой отряд должен был ударить с гор по высоте, чтобы прикрыть отход основных сил. Но кто-то задел растяжку со световой ракетой, пропущенную Гасаном и еще двумя его соплеменниками, обученными работе с минами в правительственной армии. Три ночи они обследовали местность вокруг высоты, снимая мины и растяжки. Да вот одну все же пропустили, и Гасан все равно был обречен.

А Пастух все тряс мертвого врага и орал:

– Ты все сделал, тварь! Ты! Всех убили, всех!! А ты думаешь, сдох, и все?! Все, да?!

Как-то сразу успокоившись, почти прижавшись к лицу Гасана, пристально глядя в мертвые глаза, Аркадий прошептал:

– Но я тебе сделаю, сука, всем вам сделаю. За всех ответите, за каждого пацана убитого ответите!

Отшвырнув Гасана и машинально подхватив автомат, Пастух выпрыгнул из окопа и, чуть пригнувшись, побежал к танку.

«Надо было еще вчера этот чертов кишлак с землей сравнять, глядишь, сегодня ребята были бы живы».

Вокруг высоты продолжали рваться снаряды – они достали не больше двух-трех десятков душманов, остальные успели взойти на высоту, на единственное теперь безопасное место в «горлышке». Пастух же бежал навстречу отставшим «духам», с ближайшим они разошлись не более чем метров в пять. Но моджахеды спасались от артобстрела, не замечая ничего вокруг. Пастуху тоже было не до них, он бежал к танку. Но вот кто-то все-таки обратил на него внимание, и вокруг засвистели пули. Пастух был уже возле танка, когда сильный удар в спину бросил его прямо на люк механика-водителя.

«Ладно хоть опять в правый бок», – мелькнула мысль. Но валяться времени не было, запросто могли превратить в решето. Стиснув зубы, он нырнул в танк и захлопнул люк, по которому тут же ударила запоздавшая очередь.

– Ага, шас, прямо так и убили. Козлы! – зло прохрипел он.

Плюхнувшись на сиденье, Пастух почувствовал легкую дрожь: двигатель танка работал.

– Хоть что-то.

Пристроив автомат, Аркадий взялся за рычаги, и танк сначала медленно, но потом все быстрее двинулся на север, к ненавистному кишлаку. Он понимал, что в дымящей башне в любой момент мог взорваться боекомплект, но он молил Бога, чтобы это не случилось раньше, чем он исполнит задуманное.

Моджахеды не собирались так просто его отпускать, и двум гранатометчикам удалось испытать крепость боковой брони. Броня выдержала, а получивший контузию Пастух выпал на некоторое время из реальности.

Кок очнулся от сильной головной боли. Рядом суетливо перекрикивались «духи».

– У-у-у... суки, совсем близко подошли уже. Сейчас, ребята, я сейчас.

Вытерев рукавом кровь с лица и схватив пулемет, Кок, пошатываясь, направился к выходу из «арсенала». Подойдя к двери, он остановился, словно налетел на стенку. «Духи» были не рядом, они были на высоте. Их было много, очень много, как муравьев в хорошем муравейнике. Они суетились и на стоящего в дверях Кока не обращали никакого внимания. Их явно что-то заинтересовало на западной стороне, туда бежало несколько человек с РПГ. Кок медленно поднял пулемет, он не спешил открывать огонь. Оно и понятно: нажмешь и все, сколько останется жить потом – пять или пятнадцать секунд?

Время остановилось. Но вот на Кока обернулся стоящий метрах в семи «дух». Кок ясно увидел, как у него медленно, словно в замедленном кино, поднялись удивленно брови. Моджахед одной рукой стал поднимать автомат, а другой судорожно стал дергать за рукав душмана, стоявшего рядом.

«Ну, вот и все» – отрешенно констатировал Кок и нажал на курок.

Он начал с того самого духа, который его заметил, и с его соседа. Несколько секунд Кок безнаказанно расстреливал моджахедов в спины, но афганцы, воюющие с детства, жившие не просто на войне – жившие войной, быстро пришли в себя. Сразу несколько очередей припечатали Кока к вагончику, из которого он только что вышел. Пули прошивали грудь, руки, калечили лицо. Кок продолжал нажимать на курок и слабо водить пулеметом, но ствол неумолимо опускался, и остатки патронов он выпустил уже себе под ноги. Когда пулемет замолчал, уже мертвый Кок медленно, оставляя кровавый след на вагончике, сполз на землю. Пастух так никогда и не узнает, что эта убийственная атака Кока спасла ему жизнь. Благодаря ей в боковую броню танка попали выстрелы только из двух гранатометов, а не десятка.

Какой-то моджахед с густой черной бородой направился к Коку, извергая проклятия и доставая на ходу кинжал. Но что бы он ни хотел сделать, его желанию не было суждено сбыться. «Духи» вновь засуетились: с юга, на малой высоте, к высоте шли две «вертушки». Было еще недостаточно светло и поэтому, чтобы разобраться в обстановке, царящей на высоте, «вертушки» шли низко над землей. Очень низко. Слишком низко... Высота встретила вертолеты ураганным огнем из автоматов и пулеметов, в том числе и крупнокалиберных. Вертолет, идущий первым, встал на дыбы, и рухнул хвостом вниз менее чем в семидесяти метрах от высоты.

– Аллах Акбар! Аллах Акбар! – истошно взревели душманы, размахивая оружием.

Долго орать им не пришлось. Оставляя за собой растущий шлейф дыма, вторая «вертушка» совершила разворот и взяла боевой курс на высоту. «Духи» стали разбегаться, стараясь укрыться кто где мог – в окопах, углублениях, оставшихся от разорванных и сгоревших палаток, или просто за камнями. «Вертушка» прошла над высотой разбушевавшимся драконом, основательно вспахала ее и пошла дальше на север, на базу.

– Земля! Земля! Я пятый. На высоте «духи». Повторяю. На высоте «духи». Третий сбит. Меня тоже задели. Постараюсь дотянуть до дома. Прием.

– Понял тебя, пятый. Группа поддержки вышла, так что особо не геройствуй. В случае чего, садись. Прием.

– Вас понял. Думаю, дотянем. Прием.

– Давай, Серега, тyani! Ждем. Конец связи.

Было и ежу понятно, что теперь, когда на базе узнали о гибели защитников высоты, следует ждать ее артобстрела.

Вертушка еще не успела скрыться из глаз, как «духи», подхватив всех своих раненых и подобрав их оружие, стали быстро, немного суетливо, но без паники уходить на юг, туда, откуда пришли. Из девяти сотен моджахедов, попытавшихся пройти этой ночью мимо десантников, на высоте и вокруг нее осталось лежать больше трех сотен убитых, которым уже никогда не суждено было стать «гази» (победителями неверных).

Разорвавшаяся рядом мина не только контузила Конюха, но оставила в память о себе три отметины на теле. Два осколка безжалостно пропоролы живот, а один еще и разорвал правую щеку, оставив безобразную рану. Придя в себя, Малахов, большей частью засыпанный землей, открыл глаза в звенящей тишине. Траншеею, на дне которой он лежал, перепрыгивали «духи», почему-то спешно уходящие с высоты.

«Очевидно, наши на подходе», – справедливо решил Конюх.

Он приподнял «калаш» и нажал на курок раз, второй, третий. Автомат не хотел стрелять. Почему? Кончились патроны, заклинило? Этого Малахов уже не узнает никогда. Напряжение съело последние силы, и он вновь потерял сознание...

– Вечно тебя ждать приходится, давай быстреей, – раздалось под самым ухом ворчание Перца.

«Перец? Жив? Так это сон был, что ли?» – промелькнула радостная мысль у Кока, но открыв глаза, он понял, что ошибся. Сквозь склонившегося над ним Перца было видно небо.

– Убили нас, зема. Айда, надо с домом проститься. По обычаю меня должны до заката сегодня похоронить, да не судьба, – пояснил Кок, словно прочитав мысли друга.

– Ага, меня тоже на третий не успеют похоронить. Ладно, что самих себя оплакивать, пошли.

– Да отходили уже свое, земля. Полетели.

Два светлых пятна быстро стали удаляться на север, но притормозили над кишлаком. Танк с развернутой почти на 45 градусов башней, из которой валил густой дым, надрывно ревя мотором, равнял кишлак с землей. К ближайшему склону горы бежали люди – дети, женщины, старики. Часть уже стояла там и с ужасом смотрела на разбушевавшийся танк.

– Пастух лютует. За нас кишлак духовский прессует, – серьезно, против обыкновения, прокомментировал Перец.

– Большой грех на душу берет. Не по-христиански это – невинных убивать! – назидательно изрек Кок.

– И не по-мусульмански, кстати, тоже, – уточнил уязвленный Перец и добавил: – Ладно, айда, а то время уходит.

И они продолжили свой путь на север, в Россию, в Казань.

Когда по высоте ударили «Грады», «духов» там уже не было. Залп задел лишь небольшую группу, отставшую от основной массы, и прибавил к валяющимся трупам еще порядка двух десятков. Моджахеды уходили в горы, освещаемые лучами восходящего солнца, оставляя за спиной стеной встающие взрывы. Войдя в ущелье, они через некоторое время разделились и пошли по разным тропам, как и приходили. Чуть позже вслед за «духами» в ущелье вошли четыре вертолета – это были последние «вертушки», что могла выставить база. В ущелье четвертка разделилась на пары. Потом эхо долго еще разносило по горам отзвуки разрывов, пулеметных очередей и предсмертные крики. Опустошив подвески, вертолеты вновь собрались в одну группу и вернулись на базу.

События, последовавшие после того, как на броне разорвались гранаты, Пастух помнил плохо. Память зафиксировала какие-то фрагменты, мелькающие в пылевом тумане: две «вертушки», прошедшие низко над танком, какой-то старик, ковыляющий, прихрамывая, навстречу танку... Он очень торопился, кажется, что-то кричал... Да, точно, он кричал и тряс клюкой.

– Я вам сделаю! Я вам, суки, сделаю! – отрешенно шептал Пастух.

А потом пыль... Пыль... Пыль... Пыль и песок, забивающие глаза и нос. И скрип песка на зубах. А еще звон! Звон большого колокола в голове, что, казалось, была готова взорваться. Буууммм! Буууммммм!! Буууммммм!!!

Проложив в кишлаке новую улицу, танк развернулся и снова атаковал его.

И снова пыль и песок... Пыль и песок... Много пыли... Она везде... Невозможно дышать... Режет глаза...

...– Пыль, везде эта чертова пыль! – часто ворчала матушка по переезду в Казань. – Это просто ужас какой то. В Ванино за месяц не скапливается столько, как тут за пару дней. Ненавижу пыль!!

И пылесосила, пылесосила без конца. Да, сейчас тоже хороший пылесос не помешал бы...

Пыль и колокол, взявшийся, казалось, расколоть голову. Это определенно был Царь-Колокол – огромный, тяжелый, гулкий.

Бууууммммм! Буууууммммм!! Буууммммм!!!

И снова пыль, пыль, пыль... И песок на зубах...

Пыль и песок от разваливающихся мазанок. Какие-то кровавые тряпки, доски. Убегающие люди, которых он видел в очередной раз, разворачиваясь для атаки ненавистного кишлака. Он не гонялся за людьми, они были ему не нужны. Он не собирался их убивать. Ему был нужен КИШЛАК. Кишлак, в который он пришел, чтобы сравнять его с землей. За ВСЕ! За ВСЕХ! За

Кока, за Лешего, за Наташку, за Перца, будь он неладен! За Чуму! За ВСЕХ!!! За себя, в конце концов, за то, что с ним сделала война! О том, что находящиеся в кишлаке люди не имели, вообще-то, к этому никакого отношения, он в тот момент не думал.

– Я вам сделаю! Я вам, суки, сделаю!

Он помнит ощущение, как его лицо свело судорогой, и на лице застыло даже не выражение, а оскал, маска. Маска смерти, по которой текли слезы. Он плакал и скрипел зубами – не вернуть, никого не вернуть! Он понимал, что месть ничего не изменит, но все, что он мог сделать – это только отомстить. И чувствовал растущую, нет, раскрывающуюся бездонную огненную пропасть, в которую затягивало душу.

Он запомнил на всю жизнь, как все время ждал – когда же, наконец, взорвется башня и все закончится. Но взрыва не было, и дымящийся танк с повернутой на бок башней продолжал давить уцелевшие еще хибары...

Когда он пришел в себя, мотор уже заглох. Пыль осела. Пастух посидел немного в танке, рассматривая то, что еще недавно было кишлаком. Он словно ждал чего-то. И дождался. Недалеко от танка зашевелилась куча мусора. Показалась детская рука. Пастух почувствовал, как по спине пробежала капля холодного пота. Разгребая мусор и камни, из кучи вылезал мальчишка лет десяти-двенадцати. **ВЫЛЕЗАЛ!** Он не то что вылезать, жить не должен был. Грудь и живот мальчишки определенно побывали под гусеницами танка. Раздавленные и перемолотые, они представляли собой кашу из костей, мяса и тряпок, все это было покрыто слоем пыли. Правая рука была оторвана почти по плечо. Мальчишка вылез из кучи и медленно пошел к танку. У Пастуха волосы зашевелились на голове. Он сидел, не в силах пошевелиться. А мальчишка шел к танку, шел и плакал. Он что-то говорил, но Пастух не понимал. Вот внутренности, которые тянулись следом по земле, зацепились, и мальчишка обернулся, дергая их уцелевшей рукой. Отцепил, взял комком в руку и вновь двинулся к танку. Продолжая плакать и жаловаться на что-то. Пастух медленно достал автомат и направил на мальчишку, да вот нажать на курок не мог. Палец онемел. Автомат молчал, а мальчишка подходил все ближе. Внутри у Пастуха все заледенело, он молча смотрел на мальчика, и рад бы заорать, да не мог.

А мальчишка плакал и шел, придерживая внутренности рукой, и все жаловался. Пастух, не понимая слов, вдруг стал понимать смысл его причитаний.

– Что я теперь маме скажу? Она сказала беречь рубашку. Новая совсем рубашка, и рука. Как я теперь без руки? Мама меня ругать будет.

Мальчишка подошел совсем близко. Вот он протянул руку с кишками и положил ее на броню перед самым лицом Пастуха, внутренности смачно шмякнулись на броню...

Пастух смог все-таки закричать. Ухватившись за этот крик как за спасательный круг, с трудом разрывая липкие, словно трясина, объятия сна, он наконец проснулся.

Глава 2. Анастасия

1

– Господи, только не это! – простонала Настя, хлопнув по будильнику, который пикал сегодня особенно отвратительно. Разделавшись с ненавистным маленьким мерзавцем, она повернулась набок и обняла мужа. Иван мирно спал, как ни в чем не бывало.

«Конечно, ему встать на час позже, знает, что я разбужу, вот и не реагирует на звонок. Разбаловался, суслик сонный», – лениво подумала Настя, то ли погладив, то ли ткнув мужа кулачком в бок.

В новую квартиру чета Тихих купила и новую мебель, в том числе и спальный гарнитур. Удобный и просторный. Но если честно, Настя грустила по старому дивану, на котором они проспали в своей однокомнатной почти одиннадцать лет. Она всегда спала у стенки, даже когда девчонки были маленькими и ей часто приходилось вставать ночью. Иван мужественно терпел ее ночное, подчас нарочито грубое, лезанье туда-сюда и ворчание «разлежся тут», но перекладываться к стене не желал категорически. Если честно, то Настя сильно и не настаивала: у стены она чувствовала себя гораздо уютнее. С одной стороны стена с ковром, с другой теплый бок мужа. А если «серый волчок» вдруг вздумает прийти в гости, то муж к-а-а-а-к даст ему больно в лоб, зря что ли в десанте служил?

Настырный будильник запищал вторично, Настя вновь его хлопнула.

«Надо вставать», – не очень бодро подумала она и улеглась на место.

Так, о чем это я, ах да, диван. О, старый диван, с ним связано столько приятных воспоминаний, медовый месяц, да и первые годы совместной жизни, мало чем от него отличающиеся. А сколько раз то он, то она опаздывали куда-либо, когда она, вставая первой и перелезая через мужа, что называется «цеплялась» за него. И скрипел он так... в такт... Настя улыбнулась, вспомнив, что тогда как раз старались всячески свести этот самый скрип к минимуму, дабы не разбудить подрастающих дочерей.

На этой просторной и удобной двухместной кровати у каждого персональный «выход», не «зацепишься». А вот если «волчок» придет, так ведь ухватит за бочок, а этого засону не добудишься. Жену ночью украдут, а он будет дрыхнуть дальше, будто так и надо! Новый удар кулачка «потряс» мужа.

И не скрипит новая кровать совершенно, даже скучно. Да и поводов для скрипа этого все меньше. Нет, на старом диване было определенно уютнее. И когда они семьей выезжали к родителям на дачу, Настя, и смех и грех, всегда с радостью чуть ли не с вечера ждала встречу со старым добрым диваном семьи Тихих. Расскажи кому, так засмеют ведь.

Правда, последнюю пару лет активность суженного сильно упала, что довольно серьезно ее беспокоило. Настя, конечно, понимала – возраст и почти одиннадцать лет совместной жизни немало способствовали этому, но у нее периодически возникали подозрения: а не завел ли муженек себе любовницу? Или она просто перестала его интересовать как женщина? И неизвестно, какая из этих напастей хуже, тем более что одна может запросто потащить за собой другую. Она не устраивала мужу сцен по трем причинам: во-первых, сколько-нибудь серьезного повода Иван ее еще не давал, во-вторых, она справедливо считала, что необоснованные сцены как раз не укрепят семью, а наоборот могут привести к развалу в общем-то хороших семейных отношений, а в-третьих, это было просто не в ее характере.

Анастасия даже разговоров на эту тему не заводила. Вспомнив знаменитую фразу «У верблюда два горба, потому что жизнь борьба», она решила просто так не сдаваться. В борьбе за мужа (неизвестно с кем, между прочим, то ли с соперницей, то ли с бытом), она выбрала

следующее: поддержание спортивной формы (хотя, в отличие от пока еще не рожавшего мужа, у нее не было и намека на живот, ну если только так, действительно легкий намек), создание дома побольше уюта и не быть при этом слишком уж «домашней». Также, хоть муж и молчал, она стала подумывать о третьем ребенке: мужчине нужен сын. Но это чуть попозже, нужно немного поработать, закрепиться на своем месте, годика два-три, уж потом можно и еще раз в декретный сходить. А пока она взяла в помощь модную систему Фэн-шуй и старалась изо всех сил. Получалось, конечно, далеко не все и не всегда, трудновато с двумя девочками, но определенные результаты были – и прошедшую бурную ночь Настя считала целиком своей заслугой. Правда, на такой результат она, конечно, рассчитывать и не смела.

«Похоже, я немного перестаралась, хотя кашу маслом, конечно, не испортишь», – вяло решила она, и хотела было обнять покрепче мужа, но вздрогнула, проснулась как от толчка и ошарашено посмотрела на будильник: он беспристрастно показывал 7-00.

– Черт, проспала! – Настя пулей слетела с постели, накинула халат и пошла будить девочек, а дело это было хлопотное.

«Все в тебя, папаша, пошли – обе засони», – выговаривала обычно она мужу. Хотя если была возможность поспать в выходные, то Настя вставала самой последней, уже в районе десяти.

– Оксана, Маша, подъем! Сегодня мы проспали, так что быстренько и без капризов!

Помывшись и поставив греться завтрак, Анастасия пошла на второй заход. Обе дочурки, естественно, безмятежно сопели и не думая вставать.

– Последнее сто первое китайское предупреждение, через пару минут не встанете – придет папа с холодной водой! – пригрозила она.

Однажды Иван привел такую угрозу в действие, обрызгав упорно не желающих вставать дочерей прямо в постелях холодной водой. Настя, конечно, не была восхищена его методом воспитания, но с тех пор угроза действовала, и когда она вошла в детскую в третий раз, все еще сонные девочки уже натягивали колготки.

– Вот и умницы! Теперь быстренько умываться и завтракать.

В 7:55, то есть, несмотря на все старания, на 20 минут позже обычного, они были готовы к выходу. Уже одетая Настя пошла будить мужа. От поцелуя, которого обычно хватало, в этот раз он просыпаться не спешил, пришлось потрепать за плечо.

Когда сонный Иван, наконец, смог открыть глаза, Анастасия погладила его по щеке и со смехом спросила:

– Тебя что, любовница бросила?

– Какая любовница? – удивленно спросил еще не проснувшийся муж, чем развеселил Настю еще больше.

– Не знаю какая, не знаю, ты нас не знакомил. Или может Аркадий в пиво тебе «Виагры» подсыпал? Давненько у нас такой бурной ночи не было – когда я в душ последний раз ходила, уже полчетвертого было. Совершенно не выспалась. Если усну во время операции и отрежу чего лишнего, только ты виноват будешь. До вечера! – и чмокнув его еще раз в щеку, заспешила на выход.

Девочки были уже готовы.

– Разбудила засоню? – ревниво спросила ворчунья Оксана.

Она была девочкой настроения, и разница мироощущения в плохом и хорошем настроении была огромной. В хорошем настроении Оксанка словно ходила в розовых очках, была как ласковый и игривый котенок. В плохом же это был колючий ежик.

– Разбудила. Маша, я опаздываю, заведешь Оксану в садик, хорошо?

– Ладно, – без особого энтузиазма ответила старшая дочь.

– Прочим-прочим, кто ребенка из садика забирает, тот и должен отводить. Понятно? – нравоучительно заметила Оксанка, которая сегодня явно была ежиком.

– Хорошо! – охотно согласилась Настя, – Маша тебя и заберет.

Оксана, не ожидавшая от мамы такого коварства, сразу и охотно надулась. Когда они вышли из подъезда, «коварная мама» нагнулась и чмокнула ее в щечку.

– Не дуйся, а то лопнешь, я сама за тобой вечером зайду. Сейчас просто не могу отвести, опаздываю. Ну пока, до вечера, – сказала она и поцеловав также Машу, заспешила на остановку, напевая на ходу: – Упала шляпа. Упала на пол...

Настроение было отличное, утро обещало солнечный день. В воздухе влажно пахло неизбежно надвигающейся весной. «Хоть бы Ванька догадался цветов купить, что ли. Нет, не купит, размечталась. Сама же ворчать будешь. С этой ипотекой денег хватает аккуратно от получки до получки. Да и восьмое марта скоро, так что не купит, даже если вдруг деньги найдет, как в том году, когда притащил охапку роз».

Прошлой весной, где-то в начале мая, Иван нашел три тысячи рублей и купил на все деньги для нее большой букет роз и сладкое дочерям.

– Вот, Звездочка, это тебе! – радостно доложил он и тут же получил разнос за растрату.

– С ума сошел? Я детям лишний раз сок не могу купить, а ты роз набрал, чтобы через пару дней выкинуть этот дорогуший веник.

Настя уже тысячу раз пожалела о том, что тогда упрекнула мужа, но сказанного не вернуть. Иван тогда обиделся, даже оправдываться не стал. Долго, конечно, Анастасия ему обижаться не дала, они быстро помирились, но и цветов «просто так» Иван больше не покупал. Так что точно не купит раньше восьмого, а жалко, так хотелось чего-нибудь такого-эдакого...

К счастью, маршрутка подошла сразу. Народу было много, как всегда по утрам, но не битком, и Анастасия без труда втиснулась в салон. Ароматы, царившие в ПАЗике, заставили ее в очередной раз улыбнуться. В воздухе царили запахи всевозможной парфюмерии, как мужской так и женской, этот аромат чуть-чуть разбавлял легкий дух перегара. Вечером будет наоборот: алкогольных выхлопов побольше, парфюмерии поменьше.

Когда хирург Анастасия Петровна вошла в холл больницы, было без десяти девять.

– Доброе утро! – немного сконфуженно поздоровалась она с главврачом Зульфией Акмаловой.

Но та не ответила и лишь многозначительно посмотрела на часы, которые висели на стене холла. Анастасия не сочла нужным оправдываться, в конце концов она не опоздала, и молча направилась переодеваться. Настроение было испорчено – на целых три минуты. «А и бог с ней, все равно отношения не заладились с самого начала», – мысленно махнула она рукой и успокоилась.

Перед обедом к ней подошла сестра-хозяйка Резеда. Когда-то они проучились вместе на первом курсе медицинского – тогда еще института. Потом Анастасия ушла в академический в связи с рождением Наташи, и их судьбы разошлись. Резеда также ушла в «академку» после второго курса, в связи с рождением двойняшек, но в отличие от Анастасии доучиться так и не смогла.

Сначала бросил семью муж, потом умер отец, со смертью которого рухнул казавшийся таким уютным и незыблемым мир семьи Юсуповых. Резеда осталась с двумя ребятами, и ей пришлось забыть мечты о дипломе в заботах о хлебе насущном. Она уже шесть лет работала в больнице, когда туда пришла работать Анастасия, и хотя они не очень были близки в институте, здесь подружились быстро.

– Ты сегодня вся сияешь, влюбилась что ли? – с улыбкой спросила Резеда.

– Влюбилась! – с гордостью доложила Анастасия.

– В кого, если не секрет? – заинтригованно спросила сестра-хозяйка.

Глядя на нее, Анастасия невольно вспомнила старый анекдот: «везет же Марии Ивановне: замужем, любовник есть, так вчера еще и изнасиловали».

– Не поверишь, в мужа! – заговорщически ответила она.

– В чьего? – продолжила допрос еще более заинтригованная подруга.
– В собственного, Резедашка, в собственного. Я влюбилась в собственного мужа, по уши! – раскрыла Настя страшную тайну.

– Взаимно?

– Конечно.

– Счастливая, – чуть расстроено, по-белому завидуя чужому счастью, вздохнув ответила Резеда.

– А у меня никакой жизни – ни половой, ни политической.

– Приходи в обед ко мне, кофею попьем, у меня еще конфеты шоколадные остались, – голосом искусителя прошептала Анастасия, зная, чем утешить подругу-сластену.

Резеда безумно любила сладкое, да вот страшный дефицит бюджета не позволял лиш- ний раз побаловать себя, и Настя считала своим долгом время от времени подкармливать подругу.

– А что это Кобра на тебя так смотрела, будто ты ей на хвост соли насыпала? – вдруг вспомнила Резеда. Гордое прозвище Кобра в больнице носила главврач Зульфия Акмаловна – не только за свои очки в большой оправе и невероятную худобу, но и за соответствующий характер.

– А... – раздраженно махнула рукой Настя. – Я сегодня пришла без десяти, а она как назло в холле стояла. Не поздоровалась даже. Не знаю... Год уже работаю, а так и не могу с ней общий язык найти. Да если честно, и не хочу уже, поняла, что перед некоторыми людьми бисер метать бесполезно.

– Да ее никто не любит, сама же видишь. Старая дева, злая как собака, – с пренебреже- нием, с которым только молодая женщина может говорить о старой (по крайней мере, с ее точки зрения) прокомментировала Резеда. – Хотя слухи разные ходят про эту старую деву, – закончила она еще более язвительно.

– Ага, у каждой старой девы свой скелет в шкафу найдется, – ответила Настя. – Да ну ее, давай лучше поговорим о прекрасном.

– Давай.

– У тебя геморрой есть?

– Нет! – последовал ошарашенный ответ.

– Это же прекрасно! – заразительно засмеялась Настя, к которой поспешила присоеди- ниться Резеда.

– Ну и шуточки у вас, мадам. Сама придумала? – поинтересовалась, отсмеявшись, Резеда.

– Да нет. В институте один преподаватель любил пошутить. Точнее уже в университете. Интересно, поступала в институт, а окончила университет.

– Хорошо хоть вообще закончила, – вновь чуть взгрустнула медсестра.

– Знаешь, девчонки рассказывали – раньше главным Яков Соломоныч был, очень хоро- ший человек. Все его любили. Да и хирург от Бога, на операции очередь чуть не за год зани- мали. Я его, правда, не застала уже. В начале 90-х его на пенсию отправили, он в Израиль к детям и уехал. На его место должен был идти Сергей Степанович, но назначили Кобру. А Сер- гей Степанович в Москву уехал, его давно звали – он все отказывался, а тут обиделся и уехал.

Извини, дорогой читатель, но здесь необходимо дать небольшое пояснение. В начале 90- х годов двадцатого столетия, во времена Большого Развала, центробежная сила, развалившая «Союз нерушимый республик свободных», начала активно угрожать целостности России. То, что этого не произошло, вряд ли можно поставить в заслугу высшему руководству страны – не до этого им было.

Так вот, в это время в Татарстане неофициально, но активно проводилась политика «национальных кадров». В государственных структурах подавляющее большинство «не наци- ональных кадров» выживалось под разными предложениями, а их место занимали люди, главным

kozyрем которых была надпись в графе «национальность» – татарин (или татарка, соответственно). Естественно, это далеко не всегда шло на пользу дела.

В 2005 году, пусть как и неофициальная, но госполитика, это явление вроде как не существовало. Но! Наша бюрократия всех уровней на «теплые места» любит пристраивать своих родственников всех мастей, а если таковых не хватает (мест, конечно же, с родней все как раз наоборот), то создает для своего подрастающего поколения новые всевозможные комитеты, комиссии, филиалы и так далее. Таким образом эта политика «национальных кадров» продолжила свое существование уже, так сказать, на родственном уровне. Ну да Бог с ними, продолжим.

– Ладно хоть вот Марата Равильевича из районной поликлиники перевели, да вот тебя прислали.

– А я что, хороший хирург? – с неподдельным интересом спросила Анастасия. Ей было интересно, что о ее работе думают люди и почему Резеда поставила ее в один ряд с Маратом Равильевичем, действительно опытным хирургом.

– Ладно, не кокетничай, подруга. Слушай лучше, что расскажу. Вчера с одним хмырем встречалась. Простой как три копейки. Представь. Встретились, зашли в кафе, он себе пива взял, я сок попросила. Поболтали чуть-чуть, я даже сок не допила, он и заявляет: «Ну че, пойдем к тебе или ко мне хочешь?» Я сначала не поняла, о чем это он, спрашиваю его: «А зачем?» Он мне и выдает без лишних церемоний: «Трахнемся, а то че просто так сидеть-то?» Я чуть не поперхнулась этим соком. Вот скажи мне, Настен, я так на шлюху похожа? – с искренним возмущением спросила Резеда.

– Нет! – последовал категоричный ответ.

– А этот козел соком угостил и пошли. Хотя бы накормил толком, что ли, типа «кто девушку кормит, тот ее и танцует». Или понравиться мне попробовал бы, в конце концов, что ли. Так нет. Соком угостил и все: «Куда пойдём?» Если за проститутку меня принял, так цену хоть бы спросил, урод!

Резеда имела довольно обширный круг знакомых мужского пола и старалась всячески этот круг расширить. В том числе и через интернет, где и познакомилась с этим «козлом». Совмещая приятное с полезным, она под разными предложениями старательно тянула с мужчин деньги, понемногу, чтобы не спугнуть, чем и пополняла свой скудный бюджет.

Резеда мечтала выйти замуж (желательно за иностранца) или хотя бы найти спонсора, но пока не очень-то получалось. Анастасия не осуждала подругу. Сколько ни старалась, но никак не могла представить, как бы она вела себя, если (не дай Бог, конечно) останься одна с двумя девчонками. Не могла представить ни самой жизни без Ивана, ни того, как бы она себя вела, и уж тем более не могла представить другого мужчину (не говоря о мужчинах) в своей постели. Иван был единственным в ее жизни и постели, и она просто не хотела представлять себе жизни без него.

Резеда тем временем продолжала рассказ:

– Я допила сок. Сначала хотела заплатить за него сама, а потом думаю: «Пусть сам платит, козел!». Сделала дяде ручкой и ушла. А все из-за этого козла!!

– Из-за которого? – не поняла резкого перехода Настя.

– Из-за мужа, чтобы все у него отсохло. Записку с ключами оставил на столе и улетел налегке голубем, а ты как хочешь с двумя одна, так и ползай. Разные уроды за стакан сока в постель тащат. А то – «Меня зовут Сережа», козлом надо было назвать, а не Сережей! – Резеда устала в окно, даже не пытаясь сдержать слезы.

Анастасия подошла и молча обняла подругу за вздрагивающие плечи.

– Да ну их. Давай лучше поговорим о прекрасном, – предложила Анастасия, когда подруга немного успокоилась.

– Давай, – улыбнулась сквозь еще невысохшие слезы Резеда.

После обеда Настя послала мужу СМСку с забавной картинкой, но ожидаемого ответа не получила. Тогда ближе к вечеру она попыталась позвонить ему – безрезультатно, Иван не брал трубку. Тревога легкой тенью прошла по безоблачному настроению. «Наверное опять телефон дома забыл», – успокоила она себя.

После больницы Настя зашла в садик за Оксаной.

– Этот Русланка такой дурак! – сообщила новость дочь.

У Оксанки с Русланом вот уже почти год продолжался бурный роман, и она почти каждый день встречала маму новостями о его течении. Новости эти бывали часто диаметрально противоположными. Не далее как вчера Оксана категорично заявила, что она обязательно выйдет замуж за Русланчика сразу после школы: «Мы ведь тогда будем уже совсем большие». Сегодня, судя по всему, произошла очередная ссора.

– Ты ведь за него замуж собралась? – сдерживая улыбку, спросила Настя.

– Нет! – последовал категоричный ответ. – Я вообще замуж не пойду, а то попадетса такой как этот Руслан, мучайся потом всю жизнь, – рассудительно ответила дочь и тяжело вздохнула, крепко прижав к себе куклу.

По пути домой мама с дочерью заскочили в магазин за продуктами. Оксанка привычно выпросила чупа-чупс. Против воли Настя бросила взгляд на табличку, украшавшую их дом, и привычно поморщилась. «Ул. 2-я Юго-Западная, 11» – значилось на табличке. Можно было придумать названия и получше: Индустриальная, Промышленно-заводская... Конечно, тут был не промышленный район, но названия из той же серии безжизненной серости и безнадежности. Настя даже чуть не поссорилась с Иваном, когда он назвал улицу, на которой подобрал квартиру. Впрочем, осмотрев свое будущее гнездышко, она смирилась с незамысловатым названием. Насте понравилось тихое место, где стоял только что построенный дом, да и сама квартира произвела приятное впечатление. Итак, она смирилась, но каждый раз, вольно или невольно смотря на табличку с названием, она испытывала легкое раздражение.

Во дворе гуляли Оксанкины подружки, Даша и Роза. За Дашей, как обычно, сидя на скамеечке, что стояла около качелей, присматривала Надежда Анатольевна.

– Мам, я погуляю?

– Конечно. Добрый день, Надежда Анатольевна.

– Здравствуй, Настя.

– Я Оксанку с вами оставлю?

– Конечно, мы только вышли, пусть играют. С часик посижу наверно, сегодня тепло. А как домой соберемся, я Оксану заведу.

Смирновы жили этажом выше, и с четой Тихих у них как-то сразу установились добрососедские отношения.

– Спасибо, Надежда Анатольевна, вы меня так выручаете всегда.

– Ничего, ничего, Настя. Мне не трудно, какая разница, что за одной, что за тремя присматривать.

2

Дверь оказалась закрыта не на ключ, а просто захлопнута на защелку. Анастасии это показалось странным, но мысль мелькнула и сгинула, уступив место привычным заботам. Выложив на кухонный стол покупки, она пошла в спальню, чтобы переодеться. На столе в зале она увидела телефон мужа.

«Так я и думала, Тихий опять забыл телефон дома. Господин рассеянный с улицы Басейной...».

Анастасия почти дошла до дверей спальни, когда резко развернулась и подойдя к столу медленно села на стул. На столе кроме телефона лежали кошелек и ключи от квартиры. Под

телефоном лежал свернутый вчетверо тетрадный лист. С вершины державшегося весь день прекрасного настроения Настя мгновенно рухнула в пропасть безнадежности. С белым как мел лицом Настя несколько минут молча смотрела на этот листок, боясь прикоснуться к нему – ничего хорошего быть там не могло. В голове бились сегодняшние слова Резеды: «Записку с ключами оставил на столе и улетел налегке голубем».

«Вот так они и уходят, ключи и записка на стол. Значит, ты сегодня со мной прощайся, Тихий, а я-то размечталась», – горько подумала она и тут же встрепенулась. «Стоп! С женами, которых хотят бросить, так не прощаются!».

Она лихорадочно, чуть трясущимися руками развернула злополучный лист. На нем торопливым почерком мужа было написано:

Звездочка, родная!

Я срочно уезжаю по делам. Это очень важно для меня. Когда вернусь – не знаю. Как сказали, на два-три месяца, но возможно до года. Это не связано с нынешней работой. Приеду, все объясню. В спальне в шкафу деньги. Погаси кредит за квартиру. Деньги зря не трать, всякое может случиться. Поцелуй за меня девчонок.

До встречи, твой Иван.

P.S. Я очень сильно люблю вас.

P.P.S. Дай 30 тысяч Аркадию займа, а то он на машину под проценты занимал.

– Вот сволочь! – с облегчения обругала Настя мужа и смахнула набежавшую вдруг слезу. – Так и инфаркт получить недолго. Нельзя было позвонить, хоть пару слов сказать? Так нет, какие-то дурацкие записки пишет. А ключи с телефоном зачем оставил, спрашивается?

Тем не менее, поняв главное – что Иван их не бросил, она еще раз перечитала записку и только сейчас обратила внимание на запись о деньгах. На все еще немного ватных ногах она вошла в спальню, открыла шкаф и сразу увидела небольшую спортивную сумку. Раскрыв ее, она снова была вынуждена сесть: сумка была набита пачками денег. Настя немного посидела, уставившись на деньги, потом осмотрела и пересчитала пачки, разложив их аккуратно по кровати. Было тридцать пачек с банкнотами номиналом в одну тысячу рублей. Она прекрасно понимала, что сосчитать, сколько всего денег, задача для первоклассника, но от волнения все никак не могла сообразить, сколько же здесь денег. Посмеиваясь над собой, она взяла калькулятор, и он бесстрастно показал тройку с шестью нулями. Насте понадобилось некоторое время, чтобы, наконец, сообразить, что это три миллиона рублей.

– Час от часу не легче. Это где же за два-три месяца такие деньги зарабатывают?

«Всякое может случиться» – пишет, на войну что ли собрался? Так наемникам столько не платят. Или платят? Тихий, конечно, служил в десанте, но когда это было? «Спецом» его вряд ли назвать можно. Нет, ну...

В это время раздался требовательный и длинный звонок в дверь, так в их семье звонила только Маша. Анастасия посмотрела на часы: 18-35, и значит она уже почти час как пришла домой. Быстро собрав деньги в сумку и вновь закинув ее в шкаф, она пошла открывать дверь дочери.

3

Анастасия Петровна, дежурный врач, стояла у окна второго этажа и смотрела на стоящий к ней спиной грустный фонарь. На улице шел мокрый снег. Попадая на теплый плафон фонаря, он таял и капал вниз. Когда капля набиралась и падала, она некоторое время отражала свет. Казалось, что фонарь плачет – плачет капельками света:

Кап-кап... Кап-кап...

Вот уже три дня, как уехал неизвестно куда Иван. Анастасия немного успокоилась, но так и не смогла понять, куда укатил суженный и за какое такое «все может случиться» он получил такие деньги? И самое главное – насколько оно опасно, это «все»? На следующий день после отъезда Ивана (хотя почему отъезда? он мог запросто и улететь) она позвонила Аркадию.

– Вни-ма-тель-но! – старательно выговаривая слога, ответила трубка.

– Пьянствуешь, значит? – разочарованно спросила она.

– Выпиваю, – слабо возразил против очевидного Викторич, как подчас называл его Иван.

– А Нурия где? Поссорились, что ли?

– Нет! Солнышко... уехала... на две недели... в деревню... – с трудом ворочая языком, объяснил Аркадий. – У нее бабушка лежит... надо ухаживать. Настен... ты только ей не говори ничего... Ладно?

– Ладно, ладно, – согласилась Настя, подумав «А то Нурия у тебя дурочка, сама не догадается».

– Слушай, Иван куда-то уехал, оставил какую-то непонятную записку и уехал. Ты случайно не знаешь куда? – уже поняв бесполезность разговора, тем не менее спросила Настя.

– Ик... Иван уехал? Куда?

– Это я тебя спрашиваю, куда? Не знаешь случайно?

– Не... Мы вчера... или позавчера... у меня выпивали... потом он ушел... А куда он уехал-то?

– Ой, ладно! Я потом перезвоню, когда в себя придешь.

Настя в сердцах бросила трубку. Запой у Аркадия длились примерно неделю-полторы, так что звонить ближайшие пять-семь дней было бесполезно.

И вот уже три дня она привыкала жить без мужа. Дай бог, временно, и никакие «Все может случиться» не помешают ему вернуться домой. Через два-три месяца, да хоть через год, в самом деле, только бы вернулся домой.

– Господи, пусть он вернется! – в сотый раз мысленно молилась Анастасия.

А за окном все плакал и плакал капельками света грустный фонарь:

Кап-кап... Кап-кап....

«О чем плачешь, фонарик? Уж не Ваню ли оплакиваешь?»

Настя прислушалась к своим чувствам. Нет, не Ивана. С ним все в порядке – сейчас, по крайней мере. Если с мужем что-то случилось, то она бы почувствовала, это точно. Но в душе не было чувства беды, только тревога и грусть от разлуки с любимым человеком. Одиннадцать лет как она вышла замуж, почти тринадцать как они были знакомы, и за это время больше чем на один-два дня они не расставались. А вот на тебе – «от двух-трех месяцев до года». Загрустишь тут.

Продолжая смотреть на плачущий фонарь, Анастасия углубилась в воспоминания, в начало осени 1992 года...

...Поступить в медицинский институт с первой попытки у Насти не получилось. Пришлось родителям через знакомых искать подходы, чтобы попасть к репетиторам в довольно закрытые и небольшие группы человек по 8-10. Хотя изъяви репетиторы желание, то эти группы могли быть и по 50 человек. Дело в том, что в этих группах занятия проводили не просто репетиторы, а те самые профессора, которые потом и принимали экзамены у абитуриентов. Соответственно, при должном старании поступление было гарантировано. Это не сейчас – нашел нужного человека, дал денег и ты в институте. Советская, тогда еще, интеллигенция чуралась самого слова «взятка», грязного и липкого. Но жить хотелось получше, а тут реформы с замораживанием вкладов и бешеной инфляцией. Вот и приходилось крутиться. Но деньги, полученные за репетиторство, профессора отработывали честно, готовя абитуриентов на совесть. Так, во-первых, успокаивалась совесть и возможные слухи. Во-вторых, не дай бог чего, какая проверка, тьфу-тьфу, прошедшие через группы абитуриенты действительно

были достойны поступления в институт, даже при том высоком конкурсе, какой всегда был в медицинский. Это, кстати, еще одно принципиальное отличие от нынешней ситуации, когда дипломы порой просто покупаются бездарями, за что пациентам, т.е. нам с вами, уже приходится расплачиваться своим здоровьем, а порой и жизнями.

Разумеется, занятия в этих группах стоили очень недешево, и Насте пришлось устроиться на казанский «Кожзавод», чтобы помочь семье в оплате. Занятия в группах начинались в декабре, на завод же она устроилась в конце августа. И вот в сентябре, только она прошла через проходную, как с ней поздоровался совершенно незнакомый парень, попавшийся навстречу (широкоплечий, чуть выше среднего роста, в меру симпатичный, в общем – обычный).

– Доброе утро, Настя!

Настя чуть не споткнулась от изумления.

– А вы, собственно говоря, кто такой? – озадаченно спросила она, окинув парня более внимательным взглядом. – Я вас не знаю.

– А вы собаку к ветеринару везли на прививку две недели назад. Помните?

Настя согласно кивнула. Собаку, немецкую овчарку по кличке Цезарь, которую им подарили знакомые, они с мамой действительно возили на прививку в ветеринарную клинику, что находилась недалеко от завода на улице Краснококшайской. Но при чем тут этот парень? Хотя...

– А я рядом с вами в троллейбусе ехал, помните? Я еще спросил, сколько ему лет.

– А... Кажется, да, – немного разочарованно ответила она – так все банально, случайный знакомый, никакой романтики. – А вас как зовут?

– Иван, – вот и имечко, ну очень «романтичное»!

Но тем не менее, они познакомилась и в тот же вечер пошли в кино.

Зря она тогда так разочарованно вздохнула, все оказалось не так уж и банально. Уже после того, как они расписались, Иван признался, что устроился на завод только для того, чтобы найти там ее.

– Помнишь, ты матери объясняла, что идти к ветеринару надо мимо твоей работы. А тут больше работать негде, школа да училище. На учительницу ты по возрасту явно не тянула, оставался Кожзавод. Я туда и устроился, чтобы тебя найти.

– А не проще было возле проходной выследить?

– А кто знает, в каком ты цеху и по какому расписанию работаешь? Целый день торчать, и неизвестно будешь ты в тот день работать или нет. И к тому же пристать на улице – это одно, а на территории завода – совсем другое, вроде как сослуживцы, даже если в разных цехах.

Также Иван сознался, что полюбил ее задолго до их встречи. Где-то лет в одиннадцать он в журнале видел картину Константина Васильева «Ожидание», изображенный там образ запал ему в душу. Когда он встретил Настю, по его мнению так похожую на запомнившийся образ, то сразу и безоглядно влюбился в нее. Насте не очень понравилась мысль, что ее полюбил из-за сходства с какой-то нарисованной женщиной и возможно только по этому. Она долго не соглашалась с тем, что она похожа на героиню картины.

Но однажды маленькая Оксана спросила, показав на висящую в зале репродукцию:

– Мам, а это папа тебя нарисовал?

После этого спор «похожа – не похожа» был окончен.

Иван тоже провалил экзамены, только в строительный институт. Узнав об этом, Анастасия снисходительно улыбнулась: это не медицинский, она бы туда без проблем поступила. Но у Ивана было смягчающее обстоятельство – он вернулся из армии за три недели до экзаменов. После неудачной первой попытки он тоже пошел на подготовительные курсы, правда официальные, где студенты нулевого курса или, как его еще называли, «рабочего факультета» даже получали стипендию. Он уже успел устроиться во вневедомственную охрану, где до встречи с Настей проработал ровно одну неделю.

Расскажи он это ей сразу, то возможно она восприняла бы его ухаживания более благо-склонно. Конечно, поменять место работы, чтобы познакомиться с девушкой – это не битва с драконом или эдельвейс, сорванный с неприступной скалы, но все-таки уже кое-что. Но Иван тогда промолчал, и Настя принимала, конечно, его ухаживания (романтика романтикой, но не сидеть же одной дома), но не более того.

Как-то она пожаловалась на то, что ей приходится рано вставать, в пять утра, чтобы выгуливать перед работой Цезаря. Уже на следующее утро она была немало удивлена, встретив у подъезда Ивана.

– С добрым утром! – сказал он, довольный произведенным эффектом.

Настя с улыбкой вспомнила, как не только удивилась, но и рассердилась, когда он заявился первый раз. А рассердилась она потому, что в это время во дворе было пусто, и она не очень беспокоилась о своем внешнем виде. Вот представьте себе: не успевшая толком проснуться, заспанная, но тем не менее полная романтики девушка выходит во двор, а там как из засады какой-никакой, но кавалер. Рассвирепеешь тут, тем более решив сгоряча, что теперь вставать придется еще раньше! Правда, позже она поняла, что вставать раньше совсем не обязательно, просто надо перенести время ухаживания за собой любимой со времени после завтрака на время перед прогулкой с Цезарем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.